

Мартин ЛИНДАУ

ЯД БОРДЖИА

Серия исторических романов

Мартин Линдау

Яд Борджиа

«ВЕЧЕ»

1911

Линдау М.

Яд Борджиа / М. Линдау — «ВЕЧЕ», 1911 — (Серия исторических романов)

Европа, XVI век — эпоха хаоса и красоты. Время бесконечных заговоров, убийств и коварной политики. Время великих ученых, философов и титанов искусства. Но эпоха Возрождения в Италии была бы не столь многогранной и выразительной, если бы на фоне шедевров Леонардо, Микеланджело и Рафаэля не возникла фигура Цезаря Борджиа. Он был одной из самых неоднозначных личностей мировой истории, являясь одновременно злым и добрым гением своего времени. С помощью яда и кинжала семья Борджиа, занявшая все ключевые позиции в государстве, безжалостно устраняла своих многочисленных врагов, наводя порядок в стране и щедро поддерживая деятелей искусства. Молодой герцог Феррарский, коего прочат в женихи сестре Цезаря — красавице Лукреции, решает накануне свадьбы инкогнито проникнуть в Рим и узнать, что за жизнь царит в «волчьем логове Борджиа» и так ли красива его невеста, роковым образом сменившая одного за другим уже нескольких мужей.

© Линдау М., 1911

© ВЕЧЕ, 1911

Содержание

Предисловие	6
Часть первая	8
Глава I	8
Глава II	12
Глава III	17
Глава IV	20
Глава V	24
Глава VI	30
Глава VII	34
Глава VIII	40
Глава IX	45
Глава X	50
Глава XI	60
Глава XII	65
Глава XIII	68
Глава XIV	74
Глава XV	84
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Мартин Линдау

Яд Борджиа

© ООО «Издательство „Вече“», электронная версия, 2016

Предисловие

В романе Мартина Линдау «Яд Борджиа» рассказано о наиболее видных представителях рода, игравшего весьма значительную роль в Европе на рубеже XV–XVI веков. Выходцы из Арагона, представители этого семейства обосновались в королевстве Валенсия, где они назывались Борха и занимали высокие посты в светской и церковной иерархии. В середине XV века кардинал Алонсо (Альфонсо) де Борха перебирается в Рим. В 1455 году его избирают папой под именем Каликста III, после чего и все семейство постепенно переселяется в Италию. Родовая фамилия «итальянизируется» на Борджиа (точнее – ди Борджа). По служебной лестнице быстро продвигается племянник понтифика Родриго Борджиа (1431–1503), который только начав изучать в Болонье юриспруденцию, уже через год становится кардиналом, а вскоре и вице-канцлером Римско-католической церкви. Современникам он был известен как человек свободных нравов и даже распущенный; получив кардинальский сан, Родриго и не подумал менять светский образ жизни. Его нисколько не стесняла кардинальская мантия, и он отнюдь не скрывал своих любовных походов. У Родриго было четверо детей от мантуанской аристократки Ваноцци деи Каттанеи (среди них и герои этой книги – Цезарь и Лукреция), сын от молодой красавицы Джулии Фарнезе и дочь от неизвестной матери. В августе 1492 года Родриго был избран папой под именем Александра VI.

При Борджиа папский престол становится центром политических интриг, распространившихся не только на Италию, но и на соседние государства. Имя Борджиа становится нарицательным в применении к любым грязным методам ведения политических и финансовых дел, причем многие обвинения могущественного рода оказались на поверку ложными. Между тем Александр VI многое сделал для наведения порядка в Риме, улучшения финансовой политики Святого престола и оздоровления церковных финансов. Изменился и образ его жизни. Вплоть до смерти понтифик вел размеренную духовную жизнь, вполне достойную его высокого сана.

Своего старшего сына Цезаря (Чезаре) Борджиа (1476–1507) папа готовил в наследники. Еще в юности Цезарь был назначен архиепископом Валенсии, а в 18 лет получил кардинальскую мантию. Но церковная карьера не привлекала юношу. В 1498 году Цезарь отказывается от сана, а в следующем году женится на Карлотте Арагонской, родственнице французского короля, и получает титул герцога Валентинуа. Цезарь, обладавший недюжинным умом и лисьей хитростью, быстро становится самым видным из военачальников наемных войск, наводнивших в то время итальянские княжества. Он завоевывает для церковного государства все новые и новые территории. В планах Цезаря появляется намерение стать королем всей Италии. Смерть отца фактически положила конец его карьере. Папа Юлий II лишает герцога Цезаря Борджиа власти над завоеванной Романьей и отправляет в тюрьму. Пленнику удается бежать из заключения и добраться до Неаполя, но неаполитанские власти выдают его папе. Опять тюрьма, опять побег. На этот раз Цезарь находит приют в пиренейском королевстве Наварра. Здесь и заканчивается его биография: возглавив войско, он погибает, сражаясь за интересы наваррского короля.

Лукреция (1480–1519), сестра Цезаря Борджиа, была важным объектом матримониальной политики отца, а потом и брата. Получившая великолепное образование, Лукреция считалась одной из привлекательнейших невест тогдашней Европы. В тринадцатилетнем возрасте отец выдал дочь за Джованни Сфорца, герцога Пезаро, но брак этот (в угоду политики и зависти со стороны Цезаря) оказался «неисчерпанным» и был расторгнут в 1497 году. Церковный суд объявляет Лукрецию «нетронутый девственницей», а папа помещает ее в монастырь, под надзор монашек. Надзор, видимо, был недостаточно строгим, потому что девушка вступила в связь с молодым испанским дворянином Педро Кальдероном, от кото-

рого забеременела. Узнав об этом, понтифик приказал убить любовника дочери. О ребенке, родившемся в монастыре, нет никаких сведений, хотя некоторые историки пытались отождествить его с Джованни Борджиа, сыном понтифика. В 1498 году Лукреция была выдана за Альфонсо Арагонского, внебрачного сына неаполитанского короля Альфонсо II. Два года спустя Альфонсо был тяжело ранен на римской улице неизвестными и через месяц умер при невыясненных обстоятельствах: по слухам, был задушен в постели по приказу папы. В 1501 году был подписан третий свадебный контракт Лукреции. На этот раз ее мужем стал Альфонсо д'Эсте, сын герцога Феррарского. Здесь, при феррарском дворе, Лукреция забыла свое бурное прошлое и покорила всех своей красотой, образованностью и разумностью. Она была идеальной хозяйкой замка, слыла знатоком в политике и приобретала славу удачливого дипломата. Муж полностью доверил ей управление герцогством. Лукреция была также покровительницей искусств и литературы, привлекая к своему двору искуснейших поэтов и живописцев со всей Италии. Правда, ее и здесь пытались обвинить в аморальном поведении, заявляя, что ее связь с молодым клириком Пьетро Бембо была отнюдь не платонической. Были и другие обвинения, в частности в сожительстве с братьями. Многие из обвинений в адрес Лукреции, как выяснится позже, были ложными.

В конце жизни Лукреция стала набожной; она посещала церковные службы и носила монашеское одеяние, а также обратилась к благотворительности, помогая феррарским беднякам. И тем не менее она не отказывалась от телесных удовольствий: всего за десять дней до смерти «красавица из рода Борджиа» родила девочку, окрещенную Марией Изабеллой. Заболев родильной лихорадкой, Лукреция скончалась в возрасте 39 лет, успев за два дня до смерти получить от папы Льва X полное отпущение всех своих грехов.

Часть первая

Глава I

Наступал 1500 год.

Несмотря на жалкое состояние Италии, несмотря на дурную славу, распространяемую про главу католической церкви, великий праздник христианского мира – юбилей тысяча пятисотлетия Рождества нашего Спасителя – привлек в Рим невероятное количество паломников со всех концов Европы. Никто не сомневался, что темные истории, рассказываемые о жестокости, тирании и распутной жизни папы Александра VI, были непререкаемой истиной, тем не менее благочестивые пилигримы стремились получить от него благословение и полное отпущение грехов, которого должны были удостоиться все верующие, собравшиеся в град Святого Петра. Раскаяние в совершенных преступлениях, безутешное горе, неутолимые душевные муки, страхи, суеверия и грезы мечтательной грусти привлекли из всех стран тысячи богомольцев, пожелавших присутствовать на торжествах по случаю знаменательного юбилея.

Быть может, сознание опасности придавало благочестивому рвению воинственных народов особую прелесть.

Никогда еще в продолжение своего бурного существования Италия не была так опустошена и потрясена нашествием внешних врагов и внутренними междоусобицами, как в тот момент, когда начинается наш рассказ. На юге за обладание Неаполем и Сицилией сражались французы, испанцы, турки и неаполитанцы, заливая своей кровью эти восхитительные места. На севере французы и венецианцы опустошали Ломбардию. Милан попеременно то терял, то снова приобретал свою независимость в ряде следовавших одного за другим мятежей; многочисленные небольшие государства, среди которых выделялись утонченное герцогство Феррара и республики Пиза, Лукка и Сиена, с трудом противились завоевательным устремлениям своих могущественных соседей. В Тоскане флорентийцы, разделенные на многочисленные партии, несмотря на поддержку французов, едва могли разрушить честолюбивые планы папы, проникнутые коварством, хитростью и бессердечием, чем особенно отличался генералиссимус церкви, Цезарь Борджиа.

Эпоха возрождения в Италии много потеряла бы в своей красочности и выразительности, если бы на фоне ее не было фигуры Цезаря Борджиа: он одновременно был ее злым и добрым гением, душою всех заговоров.

Цезарь был незаконнорожденным сыном папы Александра VI, и уже в двадцать три года получил кардинальскую шапку, будучи назначен кардиналом Валенсийским. Но это высокое звание не удовлетворяло честолюбивого Борджиа. Он мечтал о бранной славе, а вместо того должен был совершать богослужения. Его манил меч военачальника, а между тем служба подавал ему кадильницу. Он мучился завистью к старшему брату, герцогу Джованни Гандийскому, который был хоругвеносцем папы. Ему казалось, что имя Цезаря дано ему не просто так, но что в этом заключается скрытый смысл, пророчество, что он станет вторым Цезарем в Италии и, как его знаменитый тезка, добьется императорской короны.

Для осуществления этих тайных замыслов Цезарь прежде всего задумал отделаться от брата и занять его место. Он пригласил герцога Гандийского к себе на ужин, а на другое утро того нашли на берегу Тибра, девять раз пронзенным шпагой. Виновником этой трагической гибели герцога Гандийского народная молва назвала Цезаря, и это тем более вероятно, что Цезарь после этого занял место брата и сбросил с себя ненавистное ему духовное звание.

Тогда перед Цезарем открылась широкая дорога. Став во главе папского войска, он сразу показал себя умным, талантливым полководцем, сумев к тому же заключить союз с французами. За эти политические и военные доблести папа дал ему герцогство Романья.

Став герцогом, Цезарь начертал себе грандиозный план. Вся Италия в то время разделилась на мелкие республики и королевства, и Цезарь решил объединить отдельные государства под своим владычеством. Он задумал то, что осуществилось лишь двести пятьдесят лет спустя при короле Викторе Эммануиле. С этой целью он начал уничтожать представителей родового дворянства, которое имело огромное влияние в феодальных государствах Италии и в самом Риме, а также пользовался каждой междоусобицей, чтобы вмешаться во внутренние дела отдельных итальянских республик.

Для достижения своих замыслов Цезарь не брезговал и не отступал ни перед какими средствами. Кинжал, яд, открытая война – все применялось им.

Два могущественных римских рода – Орсини и Колонна – благодаря взаимному соперничеству, продолжавшемуся в течение нескольких поколений, были враждебны друг другу. Цезарь с помощью первых изгнал Колонна из страны и конфисковал все их имущество. Затем в двух ужасных походах, отличавшихся вероломством и предательством, он сломил могущество почти всех значительных родов в Романье. Тем временем Александр подавил мятежный дух церкви изгнанием, свержением или смертью значительного числа кардиналов, восставших против его тирании из-за неудовольствия, возбужденного неисполнением папой своих обещаний, благодаря которым он попал на папский престол.

Уничтожая таким образом могущество дворянства, Цезарь приобрел если не любовь, то, по крайней мере, расположение народных масс, вводя вместо неограниченного произвола их бывших правителей правление, которое, несмотря на свой гнет, было все же лучше по сравнению с прежним. Таким образом, поддерживаемый французами Цезарь довольно удачно шел к намеченной цели. Но Орсини и другие могущественные дворянские фамилии пришли в конце концов к убеждению, что, заключив с ним союз против своих врагов, они тем самым стали орудием своей собственной гибели. Признаки неудовольствия умножались с каждым днем, и, когда союзники Цезаря, французы, потерпели в Ломбардии поражение, против него образовался открытый союз.

Жестокость и разнузданность французов вызывали возмущение побежденных: Милан восстал, изгнал зарвавшихся пришельцев, и радостными криками приветствовал своего несчастного предводителя Лодовико Сфорца.

Французы, вновь не расположенные поддерживать Цезаря в его планах против Тосканы, не только отозвали свои войска, но еще потребовали, чтобы он сам немедленно присоединился к ним со своими силами.

Между тем союз против Борджиа креп: изгнанные дворяне собирали на границах Романьи значительное войско, а государства Феррара, Милан, Пиза, а также флорентийцы и венецианцы вошли с ними в соглашение, французы, как полагали все, были крайне раздражены вероломством Цезаря и, отброшенные к подножию Альп, с трудом удерживали свои позиции. Казалось, Борджиа не могли избежать своего падения, и со всех сторон открыто раздавались требования низвержения папы Александра. Сам Цезарь одно время, казалось, был побежден оказанным ему сопротивлением и после нескольких чувствительных поражений старался вступить в переговоры.

Между тем в союзе было немало причин для разногласия, и здесь-то хитрость Борджиа могла раскрыться во всей своей красе. Венецианцы и флорентийцы соперничали друг с другом, взаимная вражда дворян была забыта лишь на время, по причине грозившей им опасности. Бентиволи ненавидели Монте-фельтри, Малатеста – Сфорца, Колонна – Осини, Эсте – Перуччи, и козни Цезаря не замедлили оказать свое действие. Флорентийцы отправили к нему послов для переговоров о всеобщем мире, Феррара заключила с ним перемирие,

а ее герцог Эрколе д'Эсте охотно выслушал предложение папы Александра относительно помолвки дочери последнего, Лукреции, с наследником его древнего и знаменитого рода. Одновременно разнеслась молва, что Цезарь снова привлек на свою сторону Орсини обещанием отдать руку Лукреции наследнику этой могущественной фамилии, Паоло Орсини, сыну герцога Гравина.

Лукреция является второй замечательной фигурой ранней эпохи Возрождения. Она была сестрой Цезаря и дочерью папы Александра VI. Отличаясь замечательной красотой, она, не достигнув еще тринадцати лет, была уже обручена со знатным испанским грандом, но в 1494 году Александр VI выдал ее замуж за герцога Сфорца, с которым затем она была разведена, чтобы вступить в брак с герцогом Бишельи, или Салернским, незаконным сыном неаполитанского короля из Арагонской династии. Слабая, безвольная, она стала игрушкой в руках отца и сына, которые пользовались ее красотой как орудием для осуществления своих политических замыслов, а также и для удовлетворения своих низменных побуждений. До сих пор, правда, не установлен точно факт, принадлежала ли Лукреция своим отцу и брату как наложница, но многое говорит об этом. Так, спустя несколько лет после трагической смерти второго мужа Лукреции, герцога Салернского, которого убил Цезарь, у Лукреции родился ребенок, которого папа Александр VI в одном духовном завещании признает своим, а в другом приписывает отцовство Цезарю.

Прежние историки видели в Лукреции развратную Мессалину, но, на основании новейших сведений, ее скорее следует признать бесхарактерной женщиной, которая с детства не получила никаких нравственных устоев и плохо разбиралась в добре и зле, в особенности живя бок о бок с такими людьми, как Цезарь Борджиа и его отец.

Кроме того, следует принять во внимание и весь характер той бурной эпохи, когда старые боги уже были свергнуты, а новые еще не явились, и не только народ, но и передовые люди метались, потеряв способность отличать добро от зла. Недаром же эта эпоха породила Макиавелли, которого наш век считает олицетворением коварства, а в то время он высказывал лишь то, что люди совершали в действительности, и, по своим воззрениям, не казался выходящим из ряда обыкновенных смертных.

Что касается третьего героя нашего повествования, то он является блестящим представителем католического духовенства того времени.

Католическое духовенство широко пользовалось тогда своей огромной властью и еще более огромными доходами. Баснословные церковные богатства манили к себе всех алчущих и жаждущих, но приобретали их, конечно, не самые благочестивые, а наиболее энергичные, смелые и умные. Достигнув известной власти и упрочив свое положение, эти пастыри церкви сбрасывали с себя одежду монаха и являлись в своем истинном виде. Аббаты, кардиналы, епископы, архиепископы и даже сами папы не стеснялись предаваться совершенно открыто самому безудержному разврату и другим непотребным и несовместимым с духовным саном делам. Храмы превращены были ими в публичные торжища, где молящихся чуть не грабили. Одним словом, жизнь католического духовенства накануне реформации была сплошной вакханалией.

И вот в это время во главе римско-католической церкви стал папа Александр VI Борджиа. До своего вступления на папский престол он был юристом, потом военным и наконец, как и многие другие, нашел, что если есть где возможность нажиться и удовлетворить ненасытное честолюбие, так только на духовном поприще. Энергия и талантливость дали ему возможность выдвинуться из рядов духовенства, и после смерти Иннокентия VIII конклав избрал его папой. Время его управления католической церковью было временем самого возмутительного произвола, вероломства и небывалого еще разврата. Историки говорят, что это был самый развратный из пап. Путем коварства, с помощью яда и кинжала он устранял своих многочисленных врагов и ставил на их место своих ближайших родственников. Его

преступлениям нет числа. Один из предшественников реформации, Савонарола, не раз восставал против Александра VI и громил его в своих страстных и резких проповедях, но это, по-видимому, не влияло на совесть папы, который по-прежнему продолжал вести свой расточительный и развратный образ жизни. К тому же за папу стоял простой народ. Римская толпа привыкла к тому, что духовенство ведет непотребную жизнь, и особенного внимания на это не обращала. Она выходила из себя и ненавидела только тех кардиналов и епископов, которые притесняли ее. Между тем при Александре VI народу жилось довольно свободно. Гнет папской власти сильнее чувствовали на себе высшие классы, духовенство и аристократия. В их-то кругах и образовалась оппозиция против него.

Грозовые тучи со всех сторон обложили горизонт Италии. В то время как французы, испанцы и турки со своими союзниками – швейцарцами, бургундцами, немцами и маврами – и сами итальянцы напрягали все усилия, чтобы захватить эту чудную страну, пираты опустошали ее берега, разбойники грабили ее города и чума уносила бесчисленные жертвы.

И вот среди этого мрачного хаоса, как яркая звезда из мрака ночи, в тихом великолепии поднималось искусство. Леонардо да Винчи писал свои лучшие произведения, Микеланджело основывал во Флоренции свою школу, Рафаэль и Джулио Романо рисовали свои первые безвкусные произведения и молодой Челлини в золоте и серебре запечатлевал свои дивные фантазии. Но грубые народы Западной Европы смотрели на Италию только как на школу военного искусства, а большинство паломников, спешивших в Рим на юбилейные торжества, чтобы получить так легко расточаемое отпущение, намеревалось вознаградить себя на обратном пути за лишения и труды, понесенные ими в пути, каким-нибудь разбойничьим набегом.

К этому классу, по-видимому, принадлежали также предводители вооруженного отряда, медленно огибавшего глубокую пропасть на склоне Апеннин, где горы спускаются в долины Умбрии¹.

¹ Умбрия – древняя область средней Италии.

Глава II

Отряд состоял приблизительно из двадцати человек, ехавших верхом на прекрасных лошадях и вооруженных по обычаю того времени. Грудь и спину защищал стальной панцирь, голову прикрывал стальной шлем. У каждого имелись копье и меч, а у седла висел с одной стороны топор, с другой – мушкет, со всеми принадлежностями для стрельбы – фитилем и кремнем. Судя по грубому виду вооружения и крепкому, мускулистому телосложению, эти люди были, по-видимому, варвары, как итальянцы еще называли все народы, живущие на севере за могучими Альпами. Судя по дроку на шлеме, опытный глаз сразу узнал бы в них англичан, так как цветок дрока считался цветком английских королей вплоть до падения последнего Плантагенета – Ричарда III. Кроме этого значка на плащах у солдат было вышито сияющее солнце, с девизом посередине: «О, мой Лебофор!»

Предводители отряда ехали впереди на значительном расстоянии, командование же было передано младшему офицеру, последний, очевидно, не принадлежал к дворянству, так как у него не было рыцарского оружия. По вооружению он немного отличался от других солдат, только на конце копья у него развевался небольшой флаг.

Предводителей было трое.

Старшему было лет под сорок. Он ехал на муле и, судя по платью, был священником. У него были острые черты лица и совершенно лысая голова. Но этот недостаток возмещался длинной, густой бородой, как у патриарха: его глаза отличались живостью и по его веселому лицу в нем можно было скорее признать Анакреона², чем почтенного монаха-августинца.

Его спутнику не могло быть больше тридцати лет, его высокая, статная фигура была облечена в одеяние рыцаря иоаннитского ордена. Длинная черная мантия с вышитым на левой стороне белым восьмиугольным крестом почти совсем закрывала его. Свой шлем он отдал одному члену свиты, а его белый капюшон для защиты от солнечных лучей был спущен почти на глаза, но та часть лица, которую можно было видеть, поражала красотой и серьезным благородством, тронутым глубокой грустью. Его черные волосы, короткими локонами спускавшиеся у висков, дополняли впечатление благоговейной строгости, которой дышали его гордые черты. Это выражение как нельзя лучше соответствовало его двойственному призванию священника и воина, которое принимали на себя иоанниты³.

Третий предводитель был, очевидно, много моложе иоаннита и, судя по золотым шпорам и оружию, принадлежал к тому же классу, хотя и числился в светском ордене. Составной серебряный панцирь, покрывавший его с головы до ног, обрисовывал фигуру необыкновенной силы и подвижности, хотя и не такого высокого роста, как у иоаннита, с мрачным одеянием которого его воинское снаряжение составляло восхитительный контраст. Звание рыцаря солнца, которое он, по-видимому, носил, согласно гербу на щите, подтверждалось на деле его блестящим вооружением. Оно сверкало, как сияющая чешуя только что пойманной рыбы, и так художественно было украшено на груди светящимся солнцем, что небесное светило казалось отраженным словно в зеркале. На рыцаре была шапочка из серебристой материи с пурпурным цветком дрока, а его открытое, прекрасное лицо отлично гармонировало с воинственной красотой его одежды. Цвет его лица был, вероятно, когда-то очень хорош, а его длинные каштановые кудри и голубые улыбающиеся соколиные глаза показывали, что он

² Анакреон (580–495 гг. до Р.Х.) – один из выдающихся греческих лириков, поэзия которого воспевала радости жизни, любовь и вино.

³ Орден иоаннитов был древнейшим духовно-рыцарским орденом и возник в XI веке в Иерусалиме. Его члены делились на три класса: рыцари знатного происхождения – для ведения войны, пресвитеры – для службы в церкви, и служащая братия – для ухода за больными и охраны паломников.

– уроженец севера. Но горячее солнце Италии обожгло его кожу там, где она не была защищена шлемом, что придало его юношескому цветущему лицу несколько воспаленный вид.

Путники уже давно поднимались по краю крутого склона, по тропинке, вырубленной в чаще леса, причем их лошади то и дело спотыкались о корни и пни, заросшие травой.

Некоторое время утомленные всадники ехали молча. Покрытые белой пеной груди и высунутые языки их лошадей свидетельствовали о большом путешествии, совершенном ими. Английский рыцарь запел было песенку своей родины, где особенно часто раздавались слова: «Робин Гуд и густой зеленый лес», но удушливая тишина, в которую постепенно погружался вечер, произвела впечатление и на него.

– Мессир Бембо, – проговорил он наконец, обращаясь к священнику на хорошем итальянском языке, но с иностранным акцентом. – Я думаю, что замок, про который вы рассказывали нам, должен уже показаться, если он только не исчез под влиянием какого-нибудь волшебства.

– Я уже с полчаса наблюдаю за отцом каноником, – со спокойной, слегка насмешливой улыбкой заметил иоаннит. – Он иногда задерживает мула, словно сам не доверяет себе.

– Нет, монсиньор, нет, – смущенно возразил священник. – Правда, прошло уже семь лет с того времени, как я в последний раз приезжал в замок моего доброго друга Савелли, потому что с момента начала войны Феррары с его святейшеством у меня не было повода ездить в Рим, но все-таки я готов утверждать, что этот замок с незапамятных времен венчал ту вершину. Благодаря такому положению, замок господствовал над этим проходом, за что неопровержимо говорит то обстоятельство, что все, кто переправлялся через Апеннины, должны были идти этим путем и платить пошлину, чтобы получить от моего друга Джакомо Савелли свободный проход и надежную охрану. С этой целью он построил башню над этой дорогой, и однажды я собственными ушами слышал, как он приказал спустить опускающую решетку перед отрядом генуэзских купцов за то, что они не хотели дать то, что он от них требовал. Помнится, это было по три кроны с головы, бархатное платье для хозяйки и десять прекрасных восковых свечей для часовни замка. Но я более чем уверен, что мы на верном пути, так как вижу белую гору, остроконечной вершиной уходящую в облака.

– Что касается вершины, то вы правы, – сказал молодой рыцарь. – Но, клянусь святым Георгием, замок я вижу так же, как зубцы крепости моего отца в Англии.

– Поедем дальше, стен, может быть, не видно за вершинами, – ответил Бембо, прищипывая своего мула.

– А разве Борджиа при своем последнем опустошительном походе в Тоскану не мог разрушить эту крепость, принадлежащую его известному врагу?

– Тогда, мой повелитель, пожалуй, эту ночь нам придется провести хуже, чем я полагал, – со вздохом ответил священник.

– Как, мессир Пьеро Бембо, вы вечно будете забывать мои строгие приказы и называть меня повелителем, открывая мое инкогнито? – гневно воскликнул иоаннит. – Я вовсе не желаю, чтобы во мне признали Альфонсо д'Эсте, сына герцога Феррарского.

– Да разве это опасно? Ведь Борджиа употребляют теперь все усилия, чтобы угодить нам, – покорно проговорил священник.

– Поэтому-то они и опасны, – ответил иоаннит. – Борджиа вероломны, и, если бы я был в их власти, они принудили бы меня заключить адский брачный союз с их демонической дочерью.

– Тише!.. Нас легко может услышать кто-нибудь из свиты, а мы можем доверять только одному Вильяму Бэмптому, – заметил рыцарь солнца. – Положим, все они – честные ребята и англичане до мозга костей, но они и понятия не имеют о коварстве этой страны и обманчивое здешнее вино часто принимают за честное пиво.

– Тогда, монсиньор, – простите, я хотел сказать, досточтимый брат, – хотелось бы мне знать, что заставляет вас ехать в Рим? Ведь кто боится волка, тому нечего прятаться в его логовище! – начал снова Бембо.

– Если вообще для Борджиа есть что-нибудь святое, так это будет предстоящий христианский праздник, – возразил иоаннит. – В бесчисленном множестве паломников наше прибытие останется незамеченным, и, в то время как город будет находиться в их руках, они не допустят такого вопиющего преступления, как оскорбление одного из своих товарищей. Но, – с возрастающей горячностью прибавил он, – никто не знает лучше тебя, Пьеро, что влечет меня в Рим. С тех пор как мой отец настолько ослеплен заботами и политикой, что не хочет верить ужасным историям, рассказываемым об этой современной Гарпии, Лукреции Борджиа, и желает женить меня на ней, я поклялся собственными глазами увидеть правду, а если он и тогда будет настаивать на своем решении, я дам обет безбрачия, с полным сознанием навсегда облекусь в это святое одеяние и остаток своих дней посвящу борьбе за освобождение Святого Гроба Господня.

– Ваш брат, монсиньор Ипполит, был бы очень опечален, услышав такие речи, – с улыбкой заметил священник.

– Я ничего не могу возразить на твои слова, дорогой соратник, – серьезно сказал английский рыцарь. – Мне кажется, если не грешно говорить так, что и меня не особенно привлекала бы честь близкого родства с папою, хотя мой род и ниже твоего, несмотря на то что мы с тобой – двоюродные братья со стороны матери, королевы Маргариты.

– Но поступки этой Лукреции!.. Особенно их я имею в виду! – с возрастающей горячностью проговорил иоаннит.

– Смотрите, пожалуйста, какую убогую мудрость приносят с собой седые волосы! – со смехом воскликнул Бембо. – Ваш батюшка, мудрый герцог Эрколе, дал свое согласие на план вашей милости в надежде, что вы вернетесь сторонником его собственных упований.

– Да, ваш поэт Ариосто⁴, сочиняющий сказки, рассказывает такие чудеса о красоте этой женщины, словно она – троянская Елена, – улыбаясь и краснея, но с презрительным видом, возразил иоаннит. – Вы, поэты, видите только внешность и под розовым кустом подозреваете змеи. Но если Лукреция Борджиа и прекрасна, как Венера, все же у нее слишком много дурных качеств порочной богини, чтобы внушить моему сердцу иные чувства, кроме презрения и ненависти. Женщина, которой я подарю свою любовь, сир Реджинальд, должна быть чиста как своими поступками, так и именем, с душою такой же чистой, как вот эта снежная вершина, соединяющая чистоту и небесную непорочность!

– Помилуй Бог! Тогда вам нечего искать в Италии, – ответил ему Лебофор с многозначительной усмешкой, сдвигая набекрень свою шапочку, – по крайней мере, насколько я знаю по опыту.

– Да, так оно и есть, Лебофор! Ночные войны, театром которых вы, варвары, делаете Италию, постепенно развращают благородный характер этой некогда героической страны, – с глубоким вздохом сказал иоаннит.

– Где же, по-вашему, должен искать себе монсиньор жену, – с неудовольствием спросил Бембо, – предположив, конечно, что он только на время возложил на себя эти священно-рыцарские одежды?

– Я достаточно долго пробыл у него в Италии, пускай он вернется со мной в Англию! – с воодушевлением отвечал юный английский рыцарь. – Там он найдет девушек, неизмеримо более красивых, чем ваши женщины, обожженные солнцем, и чистых, как те жемчужины, которые они вплетают себе в косы.

⁴ Ариосто – известный итальянский поэт, автор рыцарского романа в стихах «Неистовый Роланд», жил при дворе феррарского герцога Эрколе д’Эсте.

– Бесцветные духи не в моем вкусе, – возразил Бембо.

– Бесцветные! Эх, если бы вы увидели мою дорогую кузину Алису, вы не то сказали бы! – воскликнул юноша. – Ее щечки так же румяны, как лепестки алой розы, и я так горячо любил ее, что меня из-за этого бросили в ваши итальянские битвы. Ведь Алиса была предназначена для моего брата Генриха, но, с тех пор как он погиб от шотландского копья, меня просят возвратиться на родину, как будто не могут жить без меня. Пресвятая Дева да спасет душу Генриха, но он сделал меня таким богатым наследником, каким я никогда не смел мечтать стать.

– Аминь! – заключил священник и перекрестился. – Но вы все-таки не должны так резко выражаться о смуглых итальянках, если хотите получить разрешение на брак со своей кузиной, обрученной с вашим покойным братом; ведь говорят, что женщины в Риме имеют большое влияние.

– Это – не больше, чем выдумки пилигримов, – ответил Лебофор, слегка пришпоривая коня. – Но ваш замок, мессир Бембо, во всех отношениях, кажется воздушный!

– Но Лукреция Борджиа – блондинка, а не брюнетка, – задумчиво проговорил иоаннит, не обращая внимания на последнее замечание.

– Герцог, ваш батюшка всегда слыл мудрым человеком, – хитро заметил Бембо. – Я часто слышал, что сама златокудрая богиня Венера не была красивее в тот день, когда вышла из моря, и волны при виде ее покраснели от восторга и радости.

– У вас сегодня поэтическое настроение, Пьеро, – печально промолвил иоаннит, – но надо обладать большой терпимостью, чтобы приписать Лукреции Борджиа хорошие качества.

– Клянусь цветком дрока, ни про одну невесту я не слыхал столько дурного, сколько про нее! – смеясь, воскликнул рыцарь Реджинальд.

– Да, невеста! Ведь я – уже пятый жених, которого эта дама благодетельствовала своим скоропалительным расположением, или, лучше сказать, своею особой, – с иронической усмешкой заметил иоаннит.

– Нет, монсиньор, рыцарь и последователь святого Августина не должен так говорить, – возразил Бембо. – При первых двух помолвках Лукреция была еще ребенком, и я сомневаюсь, видела ли она своих женихов, так как тогда была еще в монастыре, но ее отец нарушил эти договоры с первыми двумя женихами – богатыми испанскими грандами, найдя их недостойными своему новому положению. Со следующим женихом, Джованни Сфорцой, дело обстояло лучше: его святейшество выдал донну Лукрецию замуж за него, но затем у них вышла ссора – говорят, это нужно было его святейшеству, папе Александру, – и разрыв был торжественно засвидетельствован и утвержден судом. Что касается четвертого жениха – принца Альфонсо Бишельи, герцога Салернского, – то он, бедняга, недолго пользовался своим счастьем после свадьбы с очаровательнейшей соперницей богини Венеры.

– Убит, убит изменнически, и – кто знает, – может быть, даже с согласия Лукреции! – сказал иоаннит. – Во всяком случае в Риме не без основания называют ее *роковой невестой*. И думать, что я соглашусь стать ее пятым женихом? Вот вам образец благодарности Борджиа! Второй жених был сыном кастильского рыцаря, спасшего в битве с маврами жизнь Александру, когда последний еще был воином! Однако, не удовлетвовавшись позорным разрывом, Александр заставил старика погубить сына, сделав из него монаха. Третий, – страстно продолжал иоаннит, – опозоренный, разоренный изгнанник, четвертый – замучен и задушен! Нет, избавьте меня от такого счастья!

Но разве несчастная женщина обязательно виновна во всех этих ужасах? – строго спросил Бембо.

– Страшные слова Понтано глубоко запали мне в душу! – ответил иоаннит. – Они были в устах мертвой головы, которую мне подали в золотом кубке в тот день, когда мой отец при-

нимал послов Цезаря, явившихся с предложением этого проклятого брачного союза между мной, Альфонсо д'Эсте, и страшной Гарпией – Лукрецией Борджиа.

И глухим голосом, с задумчивым выражением лица, он продекламировал следующее двусишье, предназначенное главным образом для того, чтобы передать потомству отвращение к самому имени Лукреции Борджиа:

«Лукреция по имени, но в действительности Таис,
Александра дочь, супруга, невестка»⁵.

⁵ Таис – александрийская блудница, Александр – папа Александр VI. Здесь страшное обвинение Лукреции в том, что она, будучи дочерью папы Александра (Родриго Борджиа), вместе с тем была его супругой и состояла в незаконной связи с братом Джованни, что вызывало зависть Цезаря.

Глава III

Воцарилось тягостное молчание, пока, наконец, его не нарушил Бембо.

– Даже святых на небесах не щадит клевета, – медленно произнес он. – Ради чего же стал бы избегать ее лживый неаполитанский поэт, который ради эпиграммы или для того, чтобы придать ей большую резкость, готов про дьявола сказать хуже, чем тот заслуживает, или даже про себя самого.

– Клевета не пощадила даже такого почтенного мужа, как мессир Пьеро Бембо, – с озорным смехом сказал английский рыцарь. – Но, черт возьми, мессир Бембо, мне сдается, что ваш замок принадлежит фее Моргане, и также поглощен скалами, как ее замки поглощаются волнами.

– Здесь, на самой вершине, некогда стоял прекрасный замок, какой только могли создать природа и искусство, – ответил священник, с удивлением озираясь вокруг. Три предводителя достигли теперь возвышенного плато, находившегося на вершине громадной скалы. Солдаты, поднимавшиеся за ними на усталых лошадях, исчезли из вида, и амфитеатр лесов, громоздившихся на противоположных горах, благодаря обманчивой перспективе, казался от них всего в нескольких шагах. Перед путниками темными рядами спускались вниз густо заросшие по краям соснами и дубами синеватые скалы, превращаясь внизу в две высокие стены, среди которых протекал горный поток. Шум его ясно доносился снизу, но самого его нельзя было разглядеть во мраке пропасти.

– Вот здесь, пожалуй, на этом самом месте, стоял замок Джакомо Савелли! – воскликнул Бембо. – Мне помнится, что эти скалы в своих мечтах я часто принимал за зубцы могущественной крепости.

– И теперь еще заметны следы стен, – сказал иоаннит, – а на полуразрушенном зубце еще осталась сторожевая башня. Опустошитель прекрасно выполнил свою задачу – это похоже на руины, оставшиеся в наследство от древних римлян.

Иоаннит прищипорил свою лошадь, но Реджинальд внезапно схватил ее за узду, воскликнув при этом:

– Пресвятая Дева! Разве вы не видите высокой травы, монсиньор. Это – глубокие расщелины в почве.

– Вы правы! – с испугом ответил рыцарь. – Благодарю вас, брат Реджинальд. Крепость разрушена пороховыми подкопами и из-за этого здесь образовались расщелины.

– Кажется ли мне, или это так на самом деле, но как будто на той красноватой скале я вижу какую-то надпись! – сказал Бембо, указывая на самую высокую скалу, поднимавшуюся над безднами.

– Надпись латинская, но и на таком расстоянии ее легко можно разобрать, – проговорил иоаннит. – В Италии шагу нельзя ступить, чтобы не наткнуться на следы этого зверя, Цезаря Борджиа: «Или Цезарь, или ничто!» – вот его девиз. Но что это там? Ведь это следы совсем недавнего сражения, замок разрушен значительно раньше!

Он указал копьем на какой-то предмет у подножия скалы. Там лежал труп, судя по вооружению – солдата.

– Может быть, он только спит, давайте позовем его, – сказал священник, и испуганным голосом закричал: – Во имя всего святого, отвечайте, друг, кто вы?

– Если он спит, то выбрал для этого очень опасное место, – заметил иоаннит. – Защищать путешественников – одна из обязанностей ордена, к которому я принадлежу. Я разбужу его! – и, с привычной легкостью соскочив с коня, он бросил повод Бембо, который так дрожал от страха, что едва мог удержать его.

– Нет, брат, в таком случае у вас должен быть спутник, эти горы населены бандитами, и это может быть просто ловушка, – проговорил рыцарь солнца, спрыгивая с коня и догоняя иоаннита.

Тогда священник, предоставив своего мула и лошадей самим себе, тоже слез с мула и направился вслед за рыцарями, копыта которых сверкали вдалеке. Пробираясь по дороге сквозь густой кустарник, проваливаясь в ямы, полные стоячей воды, он понял, каким образом замок почти совсем исчез. Большая часть его, разрушенная взрывом, была взрывной волной сброшена в пропасть, развалины же были скрыты буйной растительностью. Спеша соединиться со своими спутниками, спотыкаясь на каждом шагу, он с ужасом заметил лежащие под вековыми дубами фигуры, неподвижность и окровавленное платье которых указывали на то, что это были трупы.

Стараясь по возможности не смотреть на это ужасное зрелище, он добрался наконец до рыцарей, стоявших у подножия утеса, на котором была вышеупомянутая надпись. Почти под ней и лежал труп, обративший на себя их внимание. Он был настолько изъеден волками и птицами, что от лица и незащищенных вооружением частей тела ничего не осталось.

– Может быть, хоть это не дело рук Цезаря, – промолвил английский рыцарь. – Вот следы костра, остатки жареного мяса, вероятно, это – путешественники, ограбленные разбойниками.

– Прочь отсюда! – закричал Бембо, набожно перекрестившись. – От этих негодяев и Пресвятая Дева не защитит нас!

– Можем ли мы быть уверены, что это дело рук разбойников, а не Цезаря? – задумчиво произнес иоаннит. – Видите знак на шлеме у этого несчастного? Видите медведя, мессир Бембо, герб Орсини, столь ненавистных Борджиа?

– Цезарь Борджиа – настоящий дьявол, да простится мне, что я произношу это нечистое имя, смотрите, кто-то сидит там! – воскликнул Бембо, указывая на расщелину в скале, то бледнея, то краснея от ужаса.

Там сидел ворон, почти седой от старости, и казалось, с ненавистью смотрел на пришельцев, нарушивших его покой.

– Еще раз призываю, уйдемте отсюда, ради бога! – снова начал священник. – Надвигается ночь, если мы не найдем пристанища до темноты, нас застанет туман, и мы провалимся в пропасть и сгинем без следа. Насколько я помню, неподалеку отсюда находится монастырь, который Борджиа никогда не трогал, потому что это – владение святого престола. Там мы, по крайней мере, найдем себе кров, что же касается еды, то многого я обещать не могу, в этом монастыре соблюдают суровые правила ордена.

– А кто-нибудь из добрых иноков, может быть, похоронит этих бедняг, – сказал Реджинальд. – Пойдемте, мессир Бембо, мы ничем не можем помочь мертвецам.

Иоаннит молча кивнул головой, и они вернулись туда, где Бембо оставил коней. Животные спокойно щипали траву. Неподалеку, взобравшись на высокий холм, стоял Вильям Бэмптон и изумленно озирался вокруг в поисках исчезнувших спутников. Отряд расположился на привал, образовав живописную группу.

Несколько времени спустя отряд под предводительством Бембо стал спускаться по крутому склону. По уверению Пьеро, дорога вела на дно пропасти к горному потоку, который, как он надеялся, мог указать им дорогу к монастырю, стоявшему на берегу. Вскоре все всадники из опасения упасть в пропасть вынуждены были сойти с коней и вести их на поводу. Один лишь Бембо остался сидеть на муле, больше доверяя его ногам, чем своим.

Опасность увеличилась, когда путников стал постепенно завлакивать густой туман, но все ясней и ясней доносившийся шум горного потока убеждал их, что они были на верном пути. Наконец, они достигли узкого ущелья, разделенного горным ручьем. Узким проходом ущелье выходило на реку значительной глубины, замкнутую с обеих сторон высокими

скалами вулканического происхождения. Теснимая скалами река неслась бурным потоком, грозно шумя и пенясь.

Бембо был немало смущен, потому что никак не мог вспомнить, находился ли монастырь выше или ниже впадения ручья в реку. Но так как он припоминал при этом, что неподалеку от монастыря, выше его, река образовала водопад, то иоаннит предложил следовать по течению, чтобы убедиться, выше или ниже водопада они находятся. Отряду был дан приказ остановиться, а Бембо и оба рыцаря направились вдоль реки. Реджинальд взял рог Бэмптона, и лишь по данному им сигналу усталые воины должны были последовать за ними. Поскольку дорога была усеяна обломками скал, они пустили лошадей в брод и медленно двигались по воде около берега.

– Эти ущелья – убежища драконов, сторожащих скрытые сокровища, – смеясь, заметил Бембо, стараясь как можно ближе держаться к иоанниту. – Но, несмотря на то что я нахожусь в обществе двух таких благородных рыцарей, мне было бы очень неприятно, если бы откуда-нибудь вдруг возникла голова такого чудовища.

– Сир Реджинальд рассчитывает выдержать первое нападение. Смотрите, как он шпорит свою лошадь! – заметил иоаннит. – Но что это? Поистине, это кажется сверкающей спиной дракона, преграждающей нам путь.

– Мадонна! Ведь это – начало водопада! Эй, рыцарь! Шум его заглушает мой голос, а крепкоголовый варвар, знай, погоняет своего коня! – с ужасом проговорил Бембо. – Его разобьет о камни, вода падает с такой высоты, что по пути превращается в пыль.

Но иоаннит слышал только первые слова предостережения. Дав шпоры коню, он пустился на помощь товарищу по оружию. Отъехав немного, он заметил, что вовсе не безрассудная неосторожность Реджинальда, как казалось со стороны, была причиной его опасного положения. Его лошадь, испугавшись гула водопада, пришла в бешенство и выбивалась из сил, стараясь вырваться на свободу. Она попала в такое место, где спокойное течение реки указывало на ее ужасную глубину. Усилия всадника успокоить обезумевшее животное были тщетны, очевидная же опасность погрузиться под тяжестью доспехов в волны мешала ему соскочить с коня. Гибель его казалась неизбежной. Вдруг неизвестно откуда, словно посланный свыше, в реку бросился высокий монах в одежде доминиканца, и с невероятной силой охватив лошадь за голову, отбросил ее назад, и после короткой борьбы принудил остановиться.

Глава IV

– Слава Пресвятой Деве! Благодарю, добрый отче! Фу, можно ли оставаться монахом, имея такую тяжелую руку! – воскликнул молодой рыцарь, дыша полной грудью. – Должно быть, моя прелестная кузина молится за меня, раз ты явился так кстати.

– Ваша лошадь, рыцарь, – удивительно умное животное: она чувствует надвигающуюся опасность, – резко оборвал его монах. – Приближается страшная буря! Крикните вашим спутникам, чтобы они укрылись под скалами с этой стороны, я вижу, что вихрь вздымает воду с левой стороны.

Как ни странно было это предостережение, Лебофор внял повелительному тону монаха и повиновался, как будто действительно уяснил себе надвигающуюся опасность, и громким голосом и жестами указал друзьям выбираться из реки и следовать за ним к прибрежным скалам. Едва они успели воспользоваться его советом, как разразился страшный ураган. Всадники остолбенели от изумления, так как в том месте, где они находились, была почти полнейшая тишина, а на другой стороне реки ветер с ужасающей силой вздымал громадные волны. Если бы они попали в этот бушующий поток, то неминуемо были бы увлечены им в пропасть. Туман на мгновение рассеялся, и глазам путников посредине ущелья предстал разыскиваемый ими монастырь. Стена, тянувшаяся по краю утесов, да две древние серые башни – вот все, что можно было рассмотреть в тумане. Пониже монастыря, на противоположных скалах, находился открытый мост, без перил, представлявший, по-видимому, единственный доступ к монастырю.

– Пройдет несколько часов, и этот ветер будет гулять по морю, – проговорил доминиканец.

– Не сам ли сатана с полчищем ведьм пронесся сейчас мимо нас? – произнес изумленный Лебофор. – Но скажите, пожалуйста, отче, откуда у вас редкий дар предвидеть ураганы?

– Ничего подобного! Я обратил внимание на вашу лошадь, а ведь известно, что животные чувствуют приближение стихийных бедствий, – резко ответил монах.

– Во всяком случае, я – ваш должник и прошу вас принять эту золотую цепь как подарок от Реджинальда Лебофора. Не бойтесь, она – не добыча какого-нибудь грабежа, а награда благородного герцога Феррары, которую я получил в тот день, когда его сын и я в Коссамблоне в ожесточенной битве с чужестранцами захватили их позиции. Почему же вы не хотите принять ее?

– Я – смиренный доминиканец, – ответил монах, указывая на свое белое одеяние. – Но в этой пустыне обитают картезианцы, пожертвуйте свой подарок их святыням. Правда, мою грязную рясу вам не трудно принять за коричневую. Вы говорите – от герцога Феррары? Мне кажется, что ваш итальянский выговор отдает холодным севером. Вы, наверное, из Франции?

Святой Георгий да сохранит меня от этих негодяев, бегущих при звуке английской трубы, как будто это – труба Роланда! – воскликнул Лебофор. – Я – англичанин. Эти господа – мои друзья, они – храбрые итальянские рыцари и состоят на службе у герцога Феррарского.

– Как? Да ведь один из них – мрачный иоаннит, другой же священник! – воскликнул монах.

– Действительно, я забыл про это, голова у меня пошла кругом, – в смущении пробормотал рыцарь.

Бембо, тщетно пытавшийся несколько раз прервать их разговор, хотя за шумом потока плохо разбирал, что они говорили, поспешил к нему на выручку.

– Святой подвиг влечет всех нас на великие юбилейные торжества, – сказал он. – Но, мне кажется, мы или умрем с голоду, или падём от усталости, или будем убиты разбойни-

ками, если какая-нибудь христианская душа не сжалится над нами и не укажет нам пристанище.

Капюшон духовного рыцаря во время поспешного бегства упал с его головы, и доминиканец, казалось, с особенным вниманием наблюдал его, между тем как его собственное лицо было почти совершенно скрыто его монашеским куполом.

– Я постараюсь сделать все, что можно, брат мой, я сам ищу того же, – ответил монах. – Тем более что мне показалось, что, несмотря на духовное одеяние, передо мной сам принц Феррарский, так как известно, что монсиньор Альфонсо д’Эсте выехал из родной Феррары.

– О, в Италии немало людей, похожих на доброго герцога Эрколе, и я никогда не слышал, чтобы он был врагом прекрасного пола, – поспешно перебил его Бембо. – Но как нам попасть в этот монастырь? Мы уже разыскивали один замок, где рассчитывали хорошо поужинать, но, – он вздохнул, – как говорит пословица «человек предполагает, а Бог располагает».

– В этих скалах я искал тропинку, которая привела бы меня в долину ниже горного потока, где находится монастырь, как вдруг услышал ржание ваших коней. Но есть более верная поговорка, чем ваша: «Что Бог ни делает – все к лучшему». Да, великому несчастью одного благородного человека обязаны вы тем, что я явился сюда, чтобы служить вам проводником.

– Что случилось? Расскажите! – нетерпеливо воскликнул Бембо.

– Я приношу известие, которое породит в Риме всеобщую скорбь, – ответил монах. – Благородный господин из фамилии Орсини, с небольшой свитой ехавший здесь с тайным посланием от союзного рыцарства к нашему святому отцу, захвачен разбойниками, свита же его убита. Возвращаясь вчера вечером из Лоретто, я также подвергся нападению той банды, и она вынуждала меня дать ей отпущение грехов.

– И вы отказали им? – прервал с испугом Бембо.

– Да, – холодно ответил монах, – несмотря на то что они угрожали мне поджарить мои пятки на медленном огне. Увидев, что я непоколебим, они предложили мне свободу с условием, чтобы я отправился в Рим и потребовал за их пленника выкуп в десять тысяч золотых крон. Я отказался. Тогда они завязали мне глаза и провели меня в одну из только им известных пещер, где они держат Орсини. Он прикован к скале, в которой изваяно гигантское распятие. Показав мне его издали, предводитель разбойников и дезертиров дал мне торжественное обещание, что несчастный пленник до тех пор не получит ни пищи, ни питья, пока к нему не явится с выкупом посланный, но непременно один.

– Безбожно и бесчеловечно! – воскликнул Бембо.

– Поэтому, брат мой, мы не должны терять ни одной минуты! – сказал иоаннит.

– Они только недавно освободили меня, после того как я тщетно пытался пробудить в них чувство милосердия, – продолжал монах. – Кроме того, я уже говорил вам, что не могу найти дорогу в долину.

– Не можете ли вы отвести нас на то место, где бандиты ждут выкупа? У меня найдется кое-что в кошельке, – сказал Лебофор.

– Ваши предки часто сражались против сильнейшего врага, это правда, – ответил монах, – но нельзя биться одному против сорока.

– О, нас здесь гораздо больше! – воскликнул Лебофор. – Стоит мне только затрубить в рог, как немедленно появятся двадцать славных молодцов, которые так долго были заключены в железо, что сами сделались железными.

– Все будет тщетно: разбойники знают в горах каждую тропинку и при вашем приближении могут убить пленника, – сказал доминиканец. – Но у меня появилась неплохая мысль. По какой дороге меня вели в пещеру, я не знаю, в горах разбойники завязали мне глаза, а когда сняли повязку, я находился в скалистом ущелье, откуда мог видеть всю пещеру. Но на

одном конце я заметил в скалах отверстие и пенящиеся волны, врывающиеся каждую минуту, и их ужасный шум заставил и меня подумать, что пещера находится под водопадом. Кроме того, распятие пробудило во мне подозрение. Один ученик святого Бруно, основавшего в этих горах монастырь своего ордена, был отшельником и жил в пещере, над которой низвергался этот горный поток. Своими руками он вырубил в твердой скале распятие, и это творение было причислено к тем добрым делам, ради которых церковь причислила его к лику святых. Однажды ночью отшельник умер в одиночестве в своей пещере, и, когда пришли картезианцы хоронить его, его тело исчезло и небесное благоухание разносилось вокруг, как будто здесь были ангелы. Пещера привлекала к себе многочисленных паломников, но так как в нее не знали другого входа, кроме как через водопад, то при безумной попытке проникнуть в нее гибло так много людей, что в конце концов это паломничество было запрещено папской буллой. Но, по-моему, в пещеру несомненно ведет еще какой-нибудь вход, который картезианцы, вероятно, скрыли, так как распространился слух, что святой подвижник был убит вследствие своей чрезмерной строгости. Так что очень вероятно, что разбойники случайно открыли этот ход.

– Поистине это – чудесная история, – заметил слегка насмешливо Бембо. – Но при таких обстоятельствах я посоветовал бы вам ускорить свой путь в Рим.

– У Орсини имеются веские причины хранить свои сокровища вдали от Рима, и я сомневаюсь, чтобы даже в этом случае, когда дело идет о спасении наследника фамилии, они могли достать необходимые десять тысяч крон где-нибудь ближе Венеции. Таким образом, это спасение может явиться слишком поздно, трудно поверить, что разбойники будут ждать слишком долго, – ответил монах, не сводя испытующего взора с иоаннита.

– Наследник Орсини! Как? Это – сам синьор Паоло? – с видимым участием воскликнул иоаннит и более холодным тоном прибавил: – О, но так как Борджиа избрали его своим зятем, то презренные дукаты несомненно будут присланы из Ватикана, хотя бы сумма была в десять раз больше.

Монах рассмеялся, но это был мрачный смех, без малейшего следа веселости.

– Известно, какую замечательную любовь выказывали Борджиа до сих пор к своим зятям, – проговорил он, – и я не вижу, почему они должны быть менее нежны к тому, кто кроме того, является опорой их врагов и чья хитрость пытается спорить с их коварством.

– Скажите нам ясно и понятно, чего вы от нас ждете? – смущенно воскликнул Бембо.

– Кроме того, герцог Валентине в Фаэнце, где он все еще продолжает осаду, а папа уже совсем не так упрям и тверд, как был раньше, и ничего не делает без совета, – ответил монах, видимо, стараясь избежать прямого ответа.

– Разве дон Ремиро, лейтенант Цезаря, этот волк справедливости, почти уничтоживший черные банды, не находится сейчас в Романье? – спросил иоаннит. – Там, где он находится, текут бурные потоки крови, его след не так уж трудно найти.

– Сила была бы бесполезна, разбойники исчезнут и унесут свою тайну с собой, – возразил доминиканец. – А между тем там, внизу, в этой ужасной пещере, Паоло борется со смертью, страдая от голода, холода и ужаса. Но я не удивляюсь, что друзья герцога Феррарского готовы дать погибнуть таким ужасным образом сопернику его сына.

– Клянусь слезами Пресвятой Девы, пролитыми Ею у Креста Господня! Я не покину этот край, пока не освобожу Паоло Орсини! – с внезапным пылом воскликнул благородный иоаннит.

– А так как мы – плоть и кровь рыцарства, то и я не оставляю вас, пока не окончим это предприятие, – ответил Лебофор и затрубил в рог, и вскоре с ними поравнялся усталый отряд.

– Это – грешное и языческое искушение Провидения, безбожный обет, от которого я разрешаю вас обоих, – озабоченно воскликнул Бембо.

Однако оба рыцаря не обратили внимания на его слова и просили доминиканца постараться вспомнить, не известна ли ему какая-нибудь другая тропинка, по которой они могли бы найти ход в пещеру. Но монах только печально покачал головой.

– Ну, тогда мы воспользуемся путем святого и пройдем через водопад, – сказал храбрый англичанин.

– Может быть, картезианцы облегчат вам каким-нибудь путем вашу задачу, ведь вскарабкаться по водяному столбу невозможно, – возразил доминиканец. – Наступает ночь, и вам необходимы факелы. Кроме того, вы должны снять свои доспехи, ибо, для того чтобы перебраться через эти бездонные пропасти, где каждый неверный шаг грозит гибелью, нужны гибкость змеи и ловкость кошки. Попробуем же сначала разыскать дорогу в монастырь.

Глава V

Солнце уже почти зашло, и тени стали длиннее. Когда путники под предводительством монаха достигли вершины, они увидели, что дорога уходила в лес, покрывавший склоны гор. Отсюда тропинка вела мимо ряда утесов над потоком, заканчиваясь образовавшейся в скале площадкой, от которой был перекинут мост. Переход через мост, не имевший перил, дрожавший от грома водопада и недостаточно широкий для одного пешехода, был, по-видимому, совсем невозможен для всадника. Но Лебофор тотчас же дал шпоры коню и вскачь промчался по мосту. Переправившись на противоположную сторону, он победоносно махнул рукой. Иоаннит последовал за ним, поразив еще большим хладнокровием, потому что на середине моста он приостановил коня и спокойно взглянул на водопад. Вода огромными массами низвергалась на самую высокую группу скал, ниспадала с них на утесы, превращаясь в море пены, и текла дальше сотнями потоков, которые в свою очередь разбивались о скалы. Под выдающимися скалами второго водопада темные впадины указывали вход в пещеру, но внимание иоаннита было приковано к красноватому, странному свету, падавшему на бурный поток от горевшего в пещере огня. В следующее мгновение свет исчез и рыцарь не знал, была ли это игра воображения, или это было странное явление, встречавшееся в этой вулканической местности.

Его раздумья прервал Бембо, закричавший ему, чтобы он освободил путь, так как, несмотря на смертельный ужас, он видел, что другого пути нет. Его мул твердой поступью вошел на мост, а сам священник, чтобы поддержать равновесие, протянул руки в стороны. Из чувства ли подражания, или по какому-нибудь другому поводу, но мул остановился посредине моста и не двигался с места, пока, наконец, ехавший сзади Вильям Бэмптон не ударил упрямое животное копьём. Тогда мул, задрав хвост и вскрикнув от боли, медленно двинулся вперед. Таким образом они перебрались на другую сторону, причем Бембо не переставал креститься. Всадники друг за другом следовали за ними.

Доминиканец следовал позади всех, и так как сумерки уже превратились в ночь, рыцари и свита с нетерпением ждали его перехода. Иоаннит и Лебофор видели, как он дошел до середины и остановился, словно пораженный каким-то видением. Он указал им рукой вниз. Рыцари взглянули в указанном направлении и снова увидели, как водопад осветился таинственным красноватым светом. Когда они обернулись, монах исчез.

Все заявляли, что моста он не переходил, и никто не заметил, чтобы он вернулся или упал в пропасть. Озадаченные рыцари соскочили с коней и возвратились по мосту на другую сторону, разыскивая своего проводника, но его и след простыл. На их громкий призыв отвечал лишь неумолкаемый шум водопада. Если монах упал в пропасть, он неминуемо должен был разбиться, и тогда его искалеченное тело унес с собой бурный поток. Но темная бездна ревниво хранила свои тайны, и единственное утешение, оставшееся рыцарям, заключалось в том, что монах, испугавшись, не пожелал лично участвовать в спасении Орсини, а поспешил спастись бегством. Все чувствовали при этом некоторый суеверный ужас, но никто не хотел сознаться в этом.

Погруженные в мрачные мысли по поводу всего приключившегося, путники выбрались наконец снова на дорогу и под заунывный звон колокола, призывавшего к вечерне, достигли ворот картезианского монастыря. У ворот висел металлический рог, и Лебофор затрубил в него.

Спустя некоторое время заскрипели тяжелые засовы, и перед путешественниками появился старый монах в коричневой рясе картезианца, с деревянным крестом на веревке, служившей ему вместо пояса. На просьбу рыцарей о крове, он молча указал рукой по направлению монастыря.

Узкая дорожка привела путников к еще более узкой опускной решетке, над которой возвышался монастырь, раскинувшийся между утесами и частью даже вырубленный в них. Рыцари копьями постучали в ворота, и сейчас же в окне башни над опускной решеткой показался монах: он сперва внимательно оглядел паломников и только после этого поднял воротом решетку. Тогда всадники очутились на длинном, узком дворе, вырубленном в скалах, где по обе стороны находились искусно сделанные углубления, предназначавшиеся, очевидно, служить стойлами для лошадей паломников. Едва только рыцари въехали во двор, решетка тотчас же опустилась, и вслед за тем сошел с башни привратник.

Он очень вежливо приветствовал путников и выразил сожаление, что не может предложить им больших удобств, так как лучшие помещения были заняты большим отрядом, сопровождавшим флорентийского посла в Рим. Настоятель, по его словам, находился сейчас у вечерни, по окончании же службы придет приветствовать путников. Затем он указал на еще незанятые стойла, рассказал, где найти соломы для лошадей, и пригласил посетителей следовать за ним, после чего привел их в трапезную.

Здесь путешественники встретили общество, с которым им пришлось разделить гостеприимство альпийских монахов. Несколько длиннородых молчаливых картезианцев были заняты угощением своих гостей: за каменным столом сидело около тридцати человек, на столе были расставлены блюда с ячменным хлебом, сыром, молоком, яйцами. Около каждого сидевшего лежало копье, почти вдвое длиннее человеческого роста. Вооружение у всех было солидно и богато. Их шлемы были украшены орлами с распростертыми крыльями и устремленным на солнце взглядом. Круглый щит с острием посередине, короткий меч и тяжелая булава дополняли их вооружение.

По девизу Цезаря Борджиа, окружавшему на мантиях сидевших герб церкви, иоаннит и его спутники угадали, что перед ними находится часть страшной гвардии, известной всей Италии своими храбростью и жестокостью. Этот отряд Цезарь составил из разных национальностей, сражавшихся в Италии, выбирая преимущественно людей, изгнанных за жестокость и преступления из рядов других армий, дикие и неукротимые страсти которых он один смог усмирить.

В кресле, обыкновенно предназначавшемся настоятелю, сидел человек, которому эта отчаянная братия служила свитой. Он был во цвете лет, высокого роста, немного худощав, с резкими, но приятными чертами лица, выдававшими его итальянское происхождение. Его брови, словно от частого размышления, были как-то странно загнуты книзу, вокруг закрытого рта лежало страдальческое выражение. Когда же черты его лица и глаза просыпались от своего задумчивого покоя, они светились насмешливым, живым блеском, и его улыбка заражала своей веселостью.

Казалось, он забавлялся прыжками и гримасами одного из тех несчастных существ, вся обязанность которых состоит в том, чтобы веселить своих повелителей неожиданными выходками своего полуразрушенного ума.

Тем не менее этот дурак, или шут, был, очевидно, необыкновенным представителем своего полоумного братства. Несмотря на пестрый шутовской наряд, вся его фигура отличалась удивительным изяществом и гибкостью, будучи среднего роста и не поражая выдающейся силой, он, тем не менее, заставил бы призадуматься любого борца, который захотел бы схватиться с ним, — настолько его движения были ловки и быстры. Черты его лица, сколько можно было рассмотреть под румянами и белилами, были тонки и почти женственно нежны. Его рот можно было бы назвать идеальным, если бы в состоянии покоя он не отличался едва заметным, но неприятным кровожадным выражением. Однако самым замечательным были его глаза: они необыкновенно глубоко лежали под крутыми бровями и по своему блеску и постоянной изменчивости цвета были подобны бриллиантам. Этот шут играл, или, вернее, дразнил двух огромных породистых собак, угрозами и ласками заставляя их громадными

лапами доставать из горячей золы печеные каштаны, и был настолько увлечен этой опасной игрой, что почти не заметил прибытия новых гостей. Наконец, звон оружия пробудил его, и лишь только он заметил рыцарей, как поднялся с места и поклонился им. Он бросил на них бессмысленный взгляд, затем тряхнул своими рыжими упрямыми вихрами, как будто пришельцы нисколько не заинтересовали его, и снова занялся собаками.

– Неужели действительно мне на долю выпало счастье встретить на моем трудном пути высокочтимого Макиавелли⁶ из Флоренции? – воскликнул Бембо.

Он произнес это таким тоном, какой далеко не соответствовал его речи, но он видел, что ему не оставалось иного выхода, так как посланник сразу узнал его.

– А если вашему преподобию не нравится, нам стоит только послать за другим, – заметил шут, выразительным жестом указывая вниз, но затем разразился бессмысленным смехом и ударил кочергой по угольям.

– Кого ты имеешь в виду? Дьявола или Цезаря Борджиа? – расхохотался посланник. – Но неужели я действительно вижу перед собой отражение Парнаса, квинтэссенцию учености и остроумия, Геркулеса богословия, в лице мессира Бембо из Феррары? – промолвил он с легким оттенком иронии. – Поистине, не будь мне никакой иной награды за мое путешествие через Апеннины, с меня было бы довольно одной этой встречи. Но ваша партия, дорогой Пьеро, вовсе не в таком фаворе в Риме, чтобы ваше паломничество туда могло быть слишком успешно.

– Я направляюсь туда, синьор, вовсе не для того, чтобы получить какие-либо милости, – сумрачно возразил священник. – Кроме того, вера и добрые дела не совсем еще вышли из моды, чтобы считать мое паломничество в Рим с этими благородными рыцарями таким уж большим чудом. Но почему тайный секретарь Флорентийской республики едет во вражескую столицу?

– Республика не требует обратно Медичей, и так как все остальные из вас заключают с церковью мир, то мы не видим, для чего мы должны быть настолько безумны, чтобы сражаться одним, – ответил посланник. – И вот, чтобы известить о таком решении святого отца, республика отправила к нему прямого человека. Но что нового на севере?

– Я не знаю ничего, кроме того, что еду в Рим только ради своих прегрешений, безо всякого поручения, так как я должен был бы найти случай принести извинение по поводу неотложного путешествия во Францию нашего молодого принца, – ответил Бембо.

– О, если вы несете в Рим свои грехи, – со смехом воскликнул флорентиец, – то где же тогда все красавицы, которые должны были бы сопровождать вас? Но, честное слово, брат Пьеро, у вас в Риме действительно нет другого дела, кроме спасения души?

– Если бы и было какое дело, брат Никколо, я все равно не сказал бы вам, слишком уж долго я был вашим товарищем по школе, чтобы пускать свои секреты на ветер, – с искусственной веселостью отвечал каноник. – Но я искренне рад, что вы счастливо избежали львиного логовища, как я называю лагерь монсиньора Борджиа.

– А мне жаль, что ваш принц бежал от предложенного ему блестящего союза с сестрой Цезаря, – с печальной миной ответил флорентиец. – Все идет согласно желанию Орсини, и, если их брак состоится, горе Тоскане!

– Да, да, пусть медведь видит, какой куш он отдает своими лапами, – смеясь и кривляясь, сказал шут. – Разве его преподобие лиса не заметила никаких следов на песке от когтей Орсини, когда она выслеживала их, чтобы определить, какой дорогой пошли звери?

⁶ Макиавелли – знаменитый государственный деятель и писатель (1469–1527), первый положивший начало науке о политике, излагающей способ воздействия на людей путем знания их вкусов, желаний и наклонностей и господствования над ними с помощью умения отгадывать сокровенные движения души, так называемому макиавеллизму.

– Клянусь Пресвятой Девой, ваш шут удачно попал в цель! – воскликнул Лебофор. – Послушайте, господин посланник, что мы открыли, и судите сами, есть ли хоть какая-нибудь гарантия безопасности для друзей Цезаря!

– Ну, что это за история, которой предшествует такое жалобное вступление? – с любопытством сказал Макиавелли.

Шут тоже наклонился вперед, но сейчас же снова принял свое обычное положение.

– Послушаем. Но нельзя ли не поминать Цезаря Борджиа, потому что разговорами о нем, которые мы слышим на каждом шагу, мы сыты по горло, – прибавил Макиавелли, бросив мимолетный взгляд на шута, который тряс головой, весело позвякивая нашитыми на шапке колокольчиками.

Только Бембо хотел было приняться за рассказ об их удивительном приключении, как был прерван появлением настоятеля в сопровождении длинной свиты картезианцев, и это избавило от повторения рассказа. Монахи двигались в торжественном молчании, опустив головы вниз, и сам настоятель был так изможден постом и бдением, что походил на колоссальный скелет. Только он один приветствовал новых гостей несколькими словами, но произнес их серьезно и холодно.

Макиавелли не дал Бембо окончить его красноречивую просьбу о гостеприимстве, но, прервав его излияния, потребовал у него рассказа про приключение. Бембо начал весьма пространно рассказывать всю историю, однако Лебофор, наскучив его отступлениями, прервал его на полуслове и в кратких словах изложил все события. Он закончил свой рассказ просьбой к настоятелю научить его, как найти дорогу в пещеру, чтобы убедиться, выдуманно или правдиво известие, полученное ими от монаха-доминиканца.

– А вы все в одно время бредили или один дурак одурачил всех? – сказал шут, презрительно усмехаясь. – Стоит ли, дядя Никколо, везти меня в подарок папе, раз эти господа по собственному побуждению едут в Рим?

– Смотри, шут, вежливый язык сохраняет здоровую шкуру, – многозначительно заметил флорентиец.

– Все, что вы рассказали, – невозможно, – произнес наконец настоятель нахмурившись, – это – не что иное, как бред безумного путника. Никто из нас не слышал о другом пути в пещеру святого, кроме как через водопад, но там уже столько верующих нашли свою погибель, что этот путь запрещен.

– Когда я был послушником, – прошамкал дряхлый монах, согнувшийся под тяжестью лет, – я слышал однажды об этом... Отец Амвросий как будто говорил про дорогу... но прошло уже шесть десятков лет, как он скончался. Была суровая зима, а он уже давно мучился кашлем, бедняга, и очень страдал перед смертью. Аминь! Я думаю, его душа у святого Гвидобальдо.

– Может быть, в образе того монаха к вам явился дьявол, чтобы ввести вас в искушение, сломать себе шею, – серьезно заметил шут.

– Святой отшельник Гвидобальд? Да, уже не первый раз его видение встречалось вблизи пещеры, где почивают его мощи, – сказал старец. – Но он является только великим грешникам, чтобы возвестить им близкую кончину.

– Нет, тот, кто явился нам, был не в картезианском одеянии, а в рясе ученого доминиканца, – с ужасом промолвил Бембо.

– То, что вы приняли за белое одеяние доминиканца, – с упрямой настойчивостью проговорил старый монах, – было не что иное, как саван, который надели на святого, прежде чем явились ангелы.

– Тогда, значит, святому Гвидобальду надоело в его забытой могиле и он хочет, чтобы его останки были перенесены в монастырь и положены в раку, где и стали бы творить чудеса.

– Вы так полагаете, синьор? – воскликнул настоятель, ухватившись, по-видимому, за эту мысль. – И действительно, в последнее время мы ничего не слыхали о бандитах, в особенности с тех пор, как дон Ремиро стал подестой⁷ Романьи, он предложил им на выбор: или они должны вступить под знамена герцога, или он их всех перевешает.

– Но мы собственными глазами видели трупы людей Орсини на том месте, где некогда стоял замок Джакобо Савелли! – воскликнул Лебофор.

Игумен недоверчиво взглянул на него, а затем произнес:

– Если это так, – тогда подождем до утра, иначе разбойники могут оказать сопротивление.

– Нет! Сегодня, сегодня! Ни на одну минуту я не хочу откладывать это дело! – порывисто воскликнул иоаннит. – Завтра, может быть, будет слишком поздно. Разбойники могут увезти или умертвить своего пленника, Паоло Орсини. Пусть всякий, кто считает себя христианином, возьмет факел и следует за мной!

– Как ты думаешь, шут, не подходит ли это предприятие также и для тебя? – спросил Макиавелли.

– Нет, я лучше посмотрю. Проваливайте вы, молодцы; вы не можете причинить мне никакого вреда! – ответил шут, равнодушно зевая.

– Если вы твердо решились, – сказал настоятель, – тогда наша братия будет помогать вам, насколько это в ее силах, но вы увидите, что ваше предприятие невыполнимо.

– Итак, в путь! Я даю вам, отче, свое рыцарское слово, что ничего невозможного мы делать не будем, – сказал Лебофор и выхватил из огня головню. Даже картезианцы забыли о своей обычной медлительности и стали торопливо зажигать факелы, а телохранители посланника смотрели на него, как свора собак на привязи.

– Ну, если уж все христиане должны участвовать в этом, дядя, так отпустите и вы своих негодяев, – промолвил шут, и, словно не нуждаясь в ином разрешении, отряд посланника с шумом присоединился к рыцарям.

Все монахи вышли за рыцарями во двор, где английские солдаты давали лошадям корм, а посланник с шутом остались одни в зале.

– Пойдем, дядя Никколо!.. Если другие сошли с ума, будем и мы безумными, – проговорил шут, подумав немного, и, схватив полу мантии посланника, пустился вокруг него в какой-то фантастический танец.

Макиавелли, казалось, не обращал внимания на своего спутника, пока они не вышли из монастырских ворот и не заметили света факелов, то появлявшегося, то исчезающего среди извилин скал. Здесь он остановился и, значительно усмехнувшись, обратился к шуту, внезапно перейдя на почтительный тон.

– Что вы думаете, ваша милость, об этом происшествии? – тихо спросил он.

– Я начинаю верить в чудеса, Никколо, хотя и причастен ко всей этой истории, – ответил тот, иронически улыбаясь. – Мигуэлото редко делает свое дело только наполовину, у него есть только один порок, который не годится для меня, – он жаден, Никколо, страшно жаден! Но он – губка, которую я выжму для себя, когда она наполнится, ведь без денег, Никколо, не много можно сделать на этом свете. Пойдем на мост и посмотрим, как эти дураки будут лететь в пропасть. Но где мои собаки? – Эй, сюда, Марий, Сулла!

– Они пошли за другими, – сказал флорентиец, – и, кажется, не узнали вас в этом шутовском наряде.

– Если бы я знал, что дьявол не узнает меня, я согласился бы лучше умереть в этом платье, чем в рясе монаха, – заметил шут и стал свистать и звать собак, но напрасно – они не появлялись.

⁷ Подеста – во многих самостоятельных городах Италии XII – нач. XVI в. глава исполнительной и судебной власти.

Тем временем Макиавелли не пошел по той дороге, которую указывали факелы, а направился на мост.

Глава VI

Посланник со своим шутом едва ли могли выбрать лучшее место для наблюдения, чем середина моста, дугой поднимавшегося над рекой. Отсюда можно было видеть все происходящее. Правда, благодаря несмолкаемому шуму потока, трудно было разговаривать, но никто, казалось, не был особенно расположен к разговору, оба напряженно ждали появления искавших. Внизу в это мгновение было все погружено во мрак, слабый свет звезд не проник в эти бездонные глубины.

– Здесь страшная высота, – сказал шут после паузы, во время которой он, по-видимому, обдумывал возможность успеха всего предприятия. – Здесь очень легко нечаянно оступиться. Что вы так странно смотрите на меня, Никколо? Я знаю, вы – мой друг.

– Я думаю, благородный господин, что такие неожиданные шутки могут быть и опасны, – сказал флорентиец. – Но синьор Паоло был вашим другом, по крайней мере, вы обнимали его и называли своим братом.

– Это для того, чтобы он так думал, – спокойно ответил шут.

– Я не умею объяснить себе глубину этой политики, – снова начал флорентиец. – Какой смысл уничтожать его теперь, когда для вашей милости так важно привлечь к себе Орсини и всю их партию и когда он с мирными намерениями и предложениями направлялся в Рим?

– Я уничтожу их всех, все равно, силой или хитростью, это достаточно благородное оружие против измены и возмущения! – с жаром отвечал шут. – Я скорей согласился бы по капле вычерпать море, чем сдаться и сложить в отчаянии руки. И кроме того, что я могу сделать, когда на людей, путешествующих инкогнито и без надлежащей охраны, нападают разбойники и убивают их? Разве вы не знаете, что Паоло ехал в Рим по приглашению моего отца, а не по моему желанию? И неужели же я должен спокойно отказаться от награды за все свои труды только потому, что старик стал нерешительным и боязливым?

– Если бы донна Лукреция вышла замуж за Орсини, тогда все дворяне снова должны были бы потребовать восстановления всех своих прав, – заметил посол.

– А что стало бы с моим герцогством Романья? – воскликнул шут, тряхнув рыжим париком.

– И где было бы тогда ваше итальянское государство? – добавил с ударением хитрый флорентиец.

– Вы шутите со мной, Никколо! – ответил шут, дико сверкнув глазами и сжимая руку, словно он уже держал скипетр. – Ах, если бы мне снова встретить старого полусумасшедшего колдуна, который обыкновенно помогал мне в изучении магии еще тогда, когда я мечтательным юношей ходил в Пизе в школу, а мои глупые учителя были убеждены, что я погружен в пыльные сочинения Августина и Бернарда!

– Насколько я помню, он показал вам какое-то видение в зеркале из аметиста? – насмешливо сказал Макиавелли. – По крайней мере, так рассказывает об этом в Италии народ, и говорят, что седобородый мудрец был самым дьяволом. Но вот они идут. Смотрите, как сверкает вода при свете их факелов!.. Точно горячий адский поток.

– Скажи, Никколо, что же, по рассказам народа, показал мне этот кудесник?

– Скелет в короне и царской мантии, вручивший вам скипетр, – ответил посол.

– Это ложь! К черту того, кто говорит это! – с дикой страстью воскликнул шут. – Это была тень в императорской короне и в мантии Карла Великого, как мы знаем его по изображениям хроники, она вручила мне скипетр и меч, которые были перевиты, как змеи.

– Ваша милость тогда отлично поняли науку, – ответил Макиавелли.

– И, я знаю, ты думаешь, что мой учитель сумел научить меня, как своего любимого ученика, всем фокусам? – с усмешкой спросил шут. – Но берегись, чтобы он не оставил

для себя одного из них, который в конце концов перехитрит тебя. Но, Никколо, если я из моей короны когда-нибудь сделаю нечто большее, чем этот дурацкий колпак, когда я действительно стану Цезарем, кем ты будешь для меня?

– Твоим Брутом⁸, – ответил флорентиец.

– Моим Сеяном⁹, ты хочешь сказать, дорогой Никколо, – слезал шут с усмешкой, за которой таилась мрачная мысль. – Ты что-то все приводишь неудачные сравнения.

Ничего не отвечая, Макиавелли полунасмешливо приподнял свою отороченную мехом шапочку и устремил свой взор вниз, не оставляя в то же время без внимания ни одного движения своего спутника.

То, что происходило внизу, представляло оригинальное и живописное зрелище. Рыцари, солдаты и длиннобородые картезианцы перепрыгивали в русле потока со скалы на скалу и, крича друг другу, махали факелами. При этом фантастическом освещении водопад горел всеми цветами радуги и сверкал как бриллиант.

Но поиски, казалось, были безуспешны, и шут разразился громким хохотом, когда разведчики сошлись на отдельных выступах утесов и, по-видимому, совещались. Внезапно Макиавелли и его спутник были поражены лучом красноватого света, исходящим из отверстия пещеры. Он сейчас же исчез снова, но был, очевидно, замечен и внизу, потому что оттуда слышались громкие крики, слышные даже сквозь несмолкаемый грохот водопада.

– В пещере совершено убийство, которое будет открыто, – промолвил флорентиец, бросив беглый взгляд в сторону своего спутника.

– Я до сих пор никогда не слышал, чтобы убийство обладало способностью зажигать огонь для того, чтобы привлекать к себе, в свои тайники, людей, – холодно ответил шут. – Но все равно им непременно придется вернуться и они старались понапрасну.

– Однако для чего же рыцари снимают с себя оружие? Что это значит? – спросил посол. – Смотрите, угрюмый английский оруженосец снимает со своего господина наколенники, а священник ломает руки! Что он сделал со своим факелом?

– Он уронил его в воду, я видел, как тот потух и поток увлек его за собой, – ответил шут. – Но куда девались мои собаки? Их инстинкта я боюсь гораздо больше, чем сообразительности этих глупцов.

– Клянусь святым Юлианом, безумцы хотят вскарабкаться на скользкие утесы! – воскликнул Макиавелли. – Смотрите, они лезут, один с этой, другой с той стороны водопада... Ловко прыгнул, дурак солнца!.. Он опередил своего спутника на много. Слышите, как он торжествующе хохочет! Должно быть, не так трудно лазить по этим скалам, как это кажется сверху! Они взбираются, словно по лестнице!

– Нет, нет! Ха-ха! Смотрите, священный рыцарь поскользнулся и падает, он разобьется! Что это, Никколо? Он ухватился за куст... Спасен!! – закричал шут, следя за опасным спуском иоаннита.

Между тем последний, поскользнувшись на выступе, ухватился при падении за куст, росший из расселины скалы, затем, хотя и с большим трудом, ежеминутно подвергаясь опасности быть сброшенным водопадом в бездну, возвратился на прежнее место.

– Где же теперь английский дикарь? – воскликнул шут. – Вот он!.. Смотрите, он окружен со всех сторон брызгами и пеной. Разве вы не видите его? – ответил Макиавелли.

– Я хотел бы, чтобы тот, другой, находился на его месте. Рожа этого иоаннита нравится мне гораздо меньше, – сказал шут. – Да, правда, он хочет последовать за ним, после того как избежал опасности с другой стороны. Этот не так ловок, три раза уже срывался. Ха, клянусь

⁸ Марк Юлий Брут (85–42 гг. до Р.Х.) был идеалом республиканца. Друг Цезаря, он не задумываясь встал в ряды его убийц, как только Цезарь стал угрожать неприкосновенности Римской республики.

⁹ Сеян был наместником римского императора Тиверия, составил заговор против него, заговор был раскрыт, и Сеян погиб в темнице.

ключами святого Петра, сумасшедший англичанин стоит перед нами на скале и отряхивается, как мокрая крыса. Еще один прыжок, и он будет в пещере, или внизу, в пропасти. Честное слово, его безумная смелость почти заставляет меня желать, чтобы это отчаянное предприятие увенчалось успехом, даже если будет спасен один из представителей ненавистного мне отродья Орсини.

– Скала колеблется под его ногами, он хочет прыгнуть! Это безумие... Остановитесь, рыцарь, остановитесь, вернитесь назад! – закричал Макиавелли.

– Не стоит очень сокрушаться о нем, наверное, после него останутся наследники, – принимая обычный тон, проговорил шут. – Но смотрите, он не решается... Да, конечно, ни один человек в здравом уме не решился бы на дальнейший путь. Простое течение может опрокинуть его.

Стоящие внизу, очевидно, тоже заметили опасное положение Лебофора и его нерешительность. Картезианцы шумно выражали свои опасения, иоаннит, Бембо и другие путники кричали ему, чтобы он бросил свою опасную затею. Однако Лебофор махнул торжествующе рукой, словно открыл какой-то выход, которого не видно было снизу, и... прыгнул!

Макиавелли закрыл от ужаса глаза, но сейчас же снова открыл их, так как его спутник вскрикнул, но не от ужаса, а от удивления. Снова появился таинственный свет, и в его блеске показался образ рыцаря, словно изваянный в водяной стене, образовавшейся от закругления низвергавшегося водопада.

– Не сомневаюсь, что его сейчас же прикончат, как только он войдет в пещеру, – со злорадством сказал шут, – судя по этому свету, там кто-то есть, чтобы достойно принять непрошеного гостя.

Рыцарь тем временем исчез.

Снова последовала глубокая, полная таинственного ужаса пауза, а затем стало видно, как иоаннит с азартом принялся карабкаться на утес, за ним следовали английские солдаты, но не так быстро, тяжелое вооружение стесняло их движения. Иоаннит добрался до выступа, откуда его собрат по оружию прыгнул в пещеру.

– Что с ним случилось? Неужели он не решается последовать за ним? – спросил Макиавелли. – Смотрите, он наклоняется вперед, как будто прислушивается к голосам из пещеры.

– Быть может, это рыцарь зовет на помощь, – ответил шут и подвинулся вперед, словно и ему хотелось услышать голоса. – Ха, ха, священник в нем одержал победу над солдатом! Видите, как он несется оттуда, словно за ним гонятся волки!

– Он снова внизу, рядом со своими спутниками, он что-то рассказывает им, смотрите, они все кидаются к утесам с вашей стороны! – объяснял Макиавелли шуту.

В это мгновение до них донесся лай собак, отыскавших след.

Путники и монахи, как безумные, кинулись через реку, мелкую в этом месте, и один за другим быстро скрылись в темной расселине среди утесов.

– Голову даю на отсечение, они открыли путь святого в его отшельническую келию! – воскликнул Макиавелли.

– Берегись, Мигуэлото, если ты обманул меня, – пробормотал шут, а затем, бросившись как тигр, ловко перепрыгнул через лежавшего на мосту флорентийца и быстро стал спускаться по скалам.

Макиавелли поднялся в свою очередь, и спокойно пошел за ним. На берегу он наткнулся на Бембо, отряхивавшего свое мокрое платье и певшего благодарственную молитву.

– Что случилось? – воскликнул флорентиец.

В ответ на это Бембо мог указать только на противоположные скалы, судорожно расхохотался и одновременно вытер мокрые от слез глаза.

Шут не стал терять время на расспросы, перепрыгивая с камня на камень, он достиг зияющей расселины, где свет факелов, громкие голоса в отдалении и непрерывный лай собак убедили его, что в пещеру был открыт безопасный путь. Последний образовался, вероятно, после землетрясения и длинным коридором вел прямо в пещеру.

Любопытного шута ожидало редкое зрелище. Пещера была значительных размеров и, будучи освещена бесчисленными факелами, сверкала спускавшимися сверху сталактитами, искрилась на блестящей поверхности базальтовых природных колонн и производила волшебное впечатление. На плоском выступе скальной стены виднелось изображение, в котором при известном напряжении фантазии можно было найти некоторое сходство с распятием, и на нем лежал человек, привязанный к нему ремнем, цепью и железным обручем. Вокруг него сустились рыцари, монахи и солдаты, изо всех сил стараясь разорвать державшие его путы. Над пленником тлелось, в некоем подобии жаровни, еще несколько головней, которыми он, по-видимому, производил таинственный свет, обративший на себя внимание рыцарей и, судя по его бледному и изможденному лицу, приведший их как раз вовремя, чтобы спасти его.

В отдалении стояли обе собаки, тихо подвывая и облизывая языком морды.

Глава VII

Макиавелли осторожно и не спеша шел за своим спутником, но цепь, приковывавшая несчастного Орсини к скале, была так крепка, что его спасителям еще не удалось разорвать ее, когда он вошел в пещеру.

Флорентиец внимательным взглядом окинул всю картину и остановил его на пленнике. Орсини был человеком во цвете лет, его фигура отличалась больше изяществом и соразмерностью форм, чем силой, но, вероятно, он был сильнее, чем казался. Черты его лица были строги, но тонки, а их подвижность и непрестанная смена света и теней указывали на сильные страсти, бушевавшие в нем. Несмотря на это, они по желанию могли преображаться в неподвижное спокойствие мрамора, с гневом отметававшее взор любопытного зеваки. Цвет лица Орсини можно было сравнить с тем оттенком, который принимает мрамор под влиянием горячих лучей южного солнца. Черные волосы еще больше оттеняли бледность его лица.

— Они действительно спасли эту непримиримую змею, это подлое отродье! — вполголоса проговорил шут Макиавелли. — Никогда ничего не буду предпринимать в этот день месяца, ибо слепой случай разрушил в этот день все, что было предусмотрено так мудро и так умно! Но погодите! Смотрите, в глотке у него пересохло, глоток воды оживит его. Я думаю, если я дам ему чего-нибудь выпить, это будет выглядеть просто обыкновенным милосердием с моей стороны.

— А чтобы студеная вода не простудила его, вы хотите добавить в нее немного восточного порошка, благодаря которому его желудок быстро разогреется? — спросил Макиавелли, вопросительно глядя на шута. — Но я не вижу здесь политической мудрости, — прибавил он. — По-моему, каждый правитель, желающий уничтожить врага, не должен пытаться делать это всевозможными способами, а избрать только один, иначе он может подвергнуться опасности пробудить сопротивление, которое может его же и уничтожить. Если вы не можете сразу убить врага, никогда не раньте его, в противном же случае вы будете сеять зубы дракона на собственную гибель. Пока вы не можете разом уничтожить весь род Орсини, было бы бесцельно раздражать их гибелью самого значительного члена их семейства. Я полагаю, совершенное в данный момент вторичное покушение на жизнь Орсини возбудит против вас подозрения.

— По вашему дружескому совету, Никколо, тот, кто хочет утвердить за собой покоренное государство, должен истребить весь род изгнанных государей, — возразил шут. — Моя же власть вырвана мною у пленников святого престола.

— Вы, несомненно, избраны орудием, которое должно уничтожить мелких тиранов Италии и объединить всю страну, — произнес дипломат. — Паоло Орсини, вне всякого сомнения, один из могущественных, а теперь, со времени изгнания Колонна, и самый могущественный супостат церкви, но, тем не менее, я не считаю настоящий момент подходящим для его уничтожения.

— Никколо, — с презрительной улыбкой сказал шут, — у тебя больше умения советовать, чем действовать. Но ты был постоянно моим оракулом, и, кроме того, какой-то внутренний голос подсказывает мне, что и эта неудача, как и все другие, послужит моему благополучию. Паоло еще может пригодиться мне, я попробую натравить его на гордого феррарского франта. И кстати, зачем пожаловал сюда этот Бембо? Что он разнохивает здесь?

— Я сам стараюсь выяснить это, — ответил Макиавелли.

— Итак, сейчас я не буду поить Орсини, — начал снова шут. — Кроме того, мне необходимо узнать, кто тот изменник, который оставил ему жизнь и за которого я теперь должен делать его работу, угощая Орсини ядом. Однако я сомневаюсь, чтобы синьор Паоло, не раз

встречавшийся со мной на поле брани, где взоры проникают прямо в душу, не узнал бы меня в этом наряде. Мне так же трудно скрываться, как солнцу.

– Нет, благородный господин! Никто не узнает в этом наряде, в этих рыжих волосах, в этом уродливом лице великого герцога Романьи, – возразил Макиавелли. – Кому из ненавидящих вас может прийти мысль, что самый тонкий ум нашего времени может допустить глупость, и искать защиты в переодевании?

Но в это время их разговор был прерван радостными восклицаниями. Под могучими ударами Лебофора распалась, наконец, тяжелая цепь, и пленник вскочил на ноги. Первым его желанием было броситься на колени перед распятием. Коленопреклоненный, он дал торжественный обет выстроить часовню святому Гвидобальду на месте своего чудесного спасения. Затем он поднялся и с живейшими выражениями вечной благодарности обнял своих спасителей.

– Мои сердце и душа, мои дворцы, мои поместья, мои сокровища – все к вашим услугам, благородные рыцари! – воскликнул он. – Жизнь, которую вы спасли, принадлежит вам, и кроме любви к моей невесте, нет ничего, чего бы я не отдал друзьям в благодарность за то, что они сделали для меня.

– Это единственное условие мы не будем оспаривать у вас, благородный синьор, тем более что оно служит, по-видимому, талисманом против несчастья, – с саркастической улыбкой произнес иоаннит. – Но ваша благодарность должна принадлежать более всего милосердному доминиканцу, который привел нас сюда, чем нам, так как это предприятие было для нас только удовольствием.

– Доминиканец? – с удивлением воскликнул Орсини. – Тогда это был мой ангел-хранитель, которого послала мне моя Покровительница, Пресвятая Дева, в церкви Санта Мария Маджоре. И Ей я отслужу торжественную мессу и поставлю пятьдесят свечей из турецкой амбры.

– От Санта Мария Маджоре! – пробормотал шут. – Да, конечно, потому что образ Пресвятой Девы в той церкви так похож на его прекрасную невесту.

– Возможно! Я слышал, что это несравненное произведение Леонардо да Винчи писал с вашей матушки, синьоры Ванацци¹⁰, – прошептал Макиавелли своему спутнику, который дрожал всем телом.

– Замечали ли вы когда-нибудь, дорогой Никколо, как мало похожу я на Мадонну Санта Маджоре, на мать или на отца, наместника Христа на земле? – спросил шут. – Мне довольно часто нашептывали раньше, да и сам я мало-помалу пришел к убеждению, что в раннем детстве меня подменили, мой отец больше боится меня, чем любит, и сам я питал к своим близким так же мало родственных симпатий, как и они ко мне, клянусь оковами святого Петра! Его святейшество почти отрекся от меня, назначив кардиналом. Я намереваюсь как-нибудь спросить колдунью, да так спросить, чтобы она сказала правду, кто породил меня!

Шут почти с жаром, почти с бешенством произнес эти слова, словно воспоминание об этой несправедливости глубоко потрясло его. Макиавелли посмотрел на него острым пронаблюдательным взором, но ответил таким тоном, как будто не придавал его словам никакого значения.

– Мне кажется, благородный господин, что с вашей стороны было бы крайне странно, даже нелепо, подтверждать эти слухи, если это – вообще слухи.

– Вы ошибаетесь, Никколо, на этот раз вы глубоко ошибаетесь! – ответил шут более тихим, но все еще взволнованным голосом. – Клянусь небом, теперь мне хотелось бы лучше

¹⁰ Ванацци де Катаней – возлюбленная Родриго Борджиа (затем папы Александра VI). Александр VI имел от нее пятерых детей – двое первых – Цезарь и Лукреция.

быть признанным, законным наследником нищеты моего дряхлого воспитателя, чем оставаться незаконным сыном священника!

– Возможно ли? – воскликнул Макиавелли, недоверчиво взглянув на говорившего, а про себя подумал: «Неужели в этой дьявольской груди есть место для стыда и раскаяния?»

Но, когда он припомнил ужасные слухи, очень распространенные тогда в Италии, у него внезапно явилась мысль, и, хитро улыбнувшись, он сказал:

– Но ведь не станете же вы уговаривать или принуждать вашего воспитателя открыть вам правду, прежде чем вы, как Борджиа, не утвердитесь в Италии, монсиньор?

– О, брат души моей! Наши мысли постоянно сходятся! – воскликнул шут недовольным голосом, словно ему было неприятно, что его сокровенные мысли были высказаны так открыто. – Поэтому-то я и не могу ничего скрыть от тебя, если бы даже и хотел. Но пойдем, нам необходимо опередить этих болванов, которые выпускают на волю мою драгоценную добычу.

После первых горячих изъявлений благодарности и радости Орсини, по-видимому, снова обессилел и, поддерживаемый своими спасителями, покачиваясь приближался к выходу. Посол и его спутник поспешили вперед, чтобы не быть замеченными.

У входа в скалистый проход слышался голос Бембо, спрашивавшего, что произошло в пещере, но не решавшегося войти в нее. Шут стал забавляться, отвечая ему вскрикиваниями и визгом, и его голос, дробясь и отражаясь о каменные стены, переливался причудливым эхом. Когда они вышли из расщелины на реку, Бембо уже исчез.

– Он побоялся встретиться с существом, которое производило эти звуки, – сказал с ироническим смехом шут. – Но я никак не могу понять появление доминиканца. Отец сам против моего желания пригласил Орсини в Рим, пока я не вспомнил, какой опасности подвергается путешественник в это время и что с гибелью Паоло должен погибнуть и весь их союз. Но откуда же его святейшество мог быть осведомлен о моих намерениях?

– Следовательно, вы не разделяете мнения Паоло, что само Небо приняло в нем участие и послало своего святого для его освобождения? – сказал Макиавелли.

– Если бы Небо стало печалиться о том, что происходит на земле, то ему не осталось бы времени думать о небесном. Скорее, это – дело рук моего злого демона, у меня есть такой, он разрушает все мои планы! – страстно воскликнул шут, и Макиавелли заметил, что черты его лица сделались мертвенно бледными.

– Не хотите же вы сказать, благородный господин, что... – начал снова флорентиец. – Ведь ты не веришь в духов, покрытых плотью, или бесплотных. Неужели ты не верил бы своим собственным глазам?

– Им-то я верю меньше всего. Мне надо знать самый корень, а не оболочку, – ответил посол. – Если бы я поверил своим глазам, я написал бы своей республике, что ваша милость избрала себе братом племянника Медичи, этого Орсини, и что поэтому все подъемные мосты во Флоренции должны быть подняты, как если бы надо было ждать врага.

– Союзники и не могут думать иначе. Никто не может доверять другому, и каждой партии, желающей сохранить свое могущество, не остается ничего, как только войти в союз с другой против третьей. Однако что ты такое толковал там о внешней оболочке? Разве не Лукреций полагает, что духи принимают формы их прежних тел? Если это так, тогда духи умерших сохраняли бы те же положения, в которых они отошли в вечность! Как по-твоему?

– Прошу вас, господин, выражаться более понятно, – сказал Макиавелли, ничего не выражающим взором смотря на него.

– Я говорю то, что мне приходит в голову, – в мрачном раздумье произнес шут, – я хочу сказать, что если бы мой покойный брат, герцог Гандийский¹¹, горькую судьбу которого

¹¹ Герцог Гандийский – старший брат Цезаря Борджиа, Джованни, пользовавшийся большим покровительством папы

отец не перестает оплакивать и который действительно был так добр и прекрасен, что люди благословляли его, когда он проходил мимо, а все женщины поголовно сходили по нему с ума из-за его восхитительных локонов... Так вот, если бы он когда-нибудь ночью захотел явиться своему... своему отцу, папе Александру, как ты думаешь, в какой одежде он явился бы ему?

– Своему отцу? – повторил Макиавелли, избегая мрачного взгляда собеседника. – О, отцы – удивительные люди! Конечно, он явился бы ему не с кинжальными ранами на теле и тибрским илом в золотистых кудрях, которые, по слухам, его святейшество нежно называл лучами герцога Ганди. А если бы он призвал в советники вкус своего отца, то несомненно явился бы ему цветущим юным Антиноем, как в тот день, когда, будучи назначен хоругвеносцем церкви, он, в белом шелковом одеянии, усыпанном рубинами, ехал на белоснежном коне, украшенном серебром и жемчугом.

– Я всех своих лошадей подкую серебряными подковами, но римляне должны будут забыть это великолепие! – страстно воскликнул шут. – У меня самого эта картина не так скоро изгладится из памяти, потому что я помню, как лошадь моего брата окатила меня грязью, когда я в кардинальской рясе плелся сзади него на своем тряском муле. Как он внезапно остановился, чтобы приветствовать свою сестру, донну Лукрецию, – моей я едва ли могу назвать ее. Я был так взбешен, что чуть не задохнулся от злобы. Мне думалось, что это было сделано с намерением унижить меня. Послушали бы вы, каким хохотом разразилась чернь!

– О, я слышал... ведь хохотали так громко, что мы могли слышать во Флоренции, – шутливо заметил Макиавелли. – От нас хохот перешел в Мантую и так дальше, до двора французского короля в Милане, где, несомненно, хохотали точно так же, потому что тогда вас ненавидели там.

– Меня ненавидят еще и теперь. Но пусть меня ненавидит кто хочет, мне все равно, служили бы только моим целям. Мне даже доставляет удовольствие видеть, как мои ненавистники льстят мне. Что такое могущество, как не владычество над людьми против их воли? – сказал Цезарь Борджиа и, снова возвращаясь к предыдущему разговору, продолжал:

– Следовательно, предположим, что Джованни посетил бы своего достойного отца, он явился бы ему в своей лучшей одежде и несомненно снял бы ее, если бы решил навестить своего убийцу.

– Здесь, надо полагать, он явился бы в той одежде, с тем же взглядом мучительного страдания, с каким принял смерть, – воскликнул Макиавелли, внезапно просыпаясь от своего обычного равнодушия. – С искаженными от ужаса чертами, со страданием и безнадежной мольбой, с девятью ранами, из которых потоками льет горячая алая кровь, с мертвенно-бледным прекрасным лицом, – да, вот истинный образ безгрешного Авеля, умерщвленного над своей благоухающей жертвой.

– Оплакиваемый женой и сестрой!.. Ха!.. – с ужасным хохотом воскликнул шут. – Ну, Абель заслужил свою участь, хотя, быть может, и не от руки Каина, если правы современные богословы. Но мой бедный брат! Ах, что сделал он, кого прогневил, он, такой покладистый, такой мягкий, такой уступчивый и нежный?

– Он был действительно выдающийся, даровитый юноша, богато одаренный прекрасными качествами, – произнес Макиавелли. – Мир душе его, если она у него была! Он достаточно долго пробыл в чистилище, чтобы освободиться от худшего своего порока – слишком большой любви к тому, что Платон называл *непрекрасным*.

Александра, получивший от последнего герцогство Беневентское, графства Террачина и Понтекорво, а также звание папского полковника и хоругвеносца. Успехи Джованни вызвали зависть Цезаря, бывшего тогда кардиналом, и он, стремясь к первенству, устранил брата – труп герцога всплыл в Тибре и, как оказалось, был пронзен шпагой. Это случилось на третий день после пиршества, которое устроил Цезарь перед своим отправлением в Неаполь, где он должен был от имени папы возложить корону на короля Фридриха.

– А если еще вдобавок подумать, что этот порок был причиной его гибели! – с лицемерным сожалением сказал шут. – Несомненно, в этот роковой день, четырнадцатого июня, он встретил на своем пути какого-нибудь ревнивого мужа или мстительного любовника.

– Или рассерженного отца, а может быть, разгневанного брата! – продолжал Макиавелли. – У нас во Флоренции рассказывали, что на большом празднестве, данном в вашу честь вашей матушкой по случаю вашего отъезда в Неаполь на коронацию Фридриха, – какой-то замаскированный требовал пустить его к герцогу и, когда его наконец допустили к нему, передал ему надушенное письмо. Вскоре после этого герцог, отговариваясь нездоровьем, удалился и ваша милость ушли вместе с ним, потому что вам необходимо было еще подготовиться к отъезду.

– Мы расстались с ним на лестнице палатцо Сфорца – это уже доказано, – спокойным тоном проговорил Цезарь Борджиа. – В веселом настроении брат во что бы то ни стало хотел уговорить меня, чтобы я, как священник, дал ему отпущение грехов, он намеревался отправиться к прекраснейшей женщине. Я засмеялся и сказал ему, что сначала он должен согрешить, и он, послав мне воздушный поцелуй и весело напевая, удалился как триумфатор. Вероятно, он хотел еще проститься со своей сестрой, донной Лукрецией, ибо направился в монастырь, где она жила в это время.

– И вы никогда не видели его больше? – внезапно спросил Макиавелли.

– О, как же! Я видел брата, когда его труп вытащили из воды у замка Святого Ангела и когда его хоронили с большим великолепием, – ответил Цезарь. – Мне пришлось распорядиться всем, так как наш отец совсем потерял голову: он заперся у себя в комнате, целых три дня ничего не ел и, конечно, умер бы с голода, если бы мольбы и слезы Лукреции не победили его. И каких только обетов исправиться не надавал он тогда! Но его святейшество – настоящий Везувий: он или пышет пламенем, или безмолвствует, покрытый снегом.

– По вашему мнению, в каком виде явился бы дух вашего брата к *своему убийце*?

– Как темная тень, бесцветная, безмолвная, без лица и без образа, – ответил Борджиа, с таким выражением лица повернувшись к своему собеседнику, что тот должен был бы испугаться, если бы не был истинным дипломатом. – Но, если бы у него и не было всех этих признаков, убийца все равно узнал бы его! Убийца любимца папы не может быть трусом, он не должен страшиться этого явления, но, тем не менее, оно больше раздражало бы его, чем самый ужасный образ, своим молчанием больше возмущало бы его душу, чем самыми страшными проклятиями. И вот, придя в бешенство, он схватился бы за меч, бросился бы на свою явившуюся жертву и, скрежеща зубами, увидел бы, что перед ним нет ничего, кроме тьмы, но за ней скрывается нечто, что не исчезнет никогда.

– Я не удивляюсь, что вы свое тщетное желание мщения утешаете такими ужасными надеждами на угрызения совести, – сказал флорентиец, – ведь убийцы так давно скрылись и ускользнули от розысков, что трудно надеяться найти их, по крайней мере, на земле. Ах, что должны чувствовать вы, брат убитого герцога! Вы играли с ним в детстве, пережили с ним все радости цветущей юности, вы, как два прекрасных кипариса, посаженные одной рукой, росли вместе, наслаждаясь радостями жизни.

– Нет, скорее, как два дуба. Причем один случайной милостью солнца рос и тянулся ввысь, а другой хирел, – с горькой усмешкой ответил шут. – Да бросим говорить об этом! Мне необходимо выяснить все о появлении доминиканца. Мигуэлото не посмеет так шутить с моими приказаниями. Не говорил ли ты мне, Никколо, что мой лейтенант, дон Ремиро, получил недавно без моего согласия от святого престола что-то вроде награды?

– Его святейшество был так изумлен справедливостью дона Ремиро, что за все жестокости, допущенные им при исполнении обязанностей, дал ему полное отпущение, – сказал Макиавелли. – Кроме того, его жена – родственница Колонна.

– Как мог я забыть об этом? – задумчиво заметил шут. – Нет, благородный господин, при совершении суда и расправы вам такой бессердечный человек был необходим, – возразил Макиавелли. – И разве он не оправдал вашего доверия уничтожением почти всех разбойничьих шаяк в Романье, так что теперь крестьяне могут сеять хлеб вплоть до Сполето?

– И – что еще больше – собирать его, – сказал шут. – Когда я назначал дона Ремиро подестой, я сказал ему, что во всей Италии не должно быть больше ни одного негодяя, кроме меня. Теперь мне говорят, что Ремиро так же нелюбим, как каленое железо, которым мы выжигаем раны, если при таких обстоятельствах он действовал против моей воли, то я знаю, что народ будет рукоплескать от восторга, когда увидит его восходящим на один из им же построенных эшафотов.

– Тогда я одобряю расправу над ним! – шутливо заметил посол. – Никто не имеет права властвовать над другим против его желания, хотя бы это служило ему на пользу. Но, ради бога, куда же мы забрели?

– Туда, куда я все время направлял наши шаги, Никколо, потому что даже в дружеской беседе не забываю своих дел. Я хотел просить вас прислать сюда моего немногого слугу Зейда, а эта громадная сосна послужит приметой, по которой вы направите его сюда.

Глава VIII

– Нет, благородный господин, здесь, в этой ужасной лощине, слишком уныло, особенно после нашего разговора о привидениях, – сказал флорентиец, взглянув из долины на реку, оставленную ими далеко позади.

– Бросьте мрачные мысли! Герцог Гандийский хорошо устроился на небе, а для нас осталось больше места на земле, – насмешливо возразил шут. – Торопитесь, мой добрый Никколо, и пошлите моего Зейда. Смотрите только, чтобы его уход не был замечен, и пусть он захватит с собою собак.

– Они здесь, благородный господин, – ответил Макиавелли, указывая на собак, с опущенными головами медленно следовавших за своим хозяином.

– Бедные животные! – проговорил Цезарь, ласково погладив собак по голове. – Они не привыкли, чтобы таким образом обманывали их ожидания. Но нечего терять время, Макиавелли, я останусь здесь, пока не передам приказаний Зейду.

– Но еще раз прошу вас, будьте благоразумны. Подумайте, прежде чем замыслите что-нибудь против этого молодого человека, – с легкой боязнью в голосе промолвил Макиавелли и плотнее закутался в плащ, словно ночная прохлада лихорадила его.

– Не беспокойтесь, я просто отправлю Зейда с одним поручением, – нетерпеливо ответил шут.

Флорентиец, заметив, что его спутник взволнован и раздражен, почтительно поклонился и пошел. Поднявшись по крутой тропинке, ведущей к монастырю, он не мог удержаться от соблазна остановиться на мгновение на вершине, откуда отчетливо увидел отвесную скалу, у подошвы которой остался Цезарь Борджиа.

– Тиран, убийца, братоубийца! – громко закричал он, поскольку не мог больше сдерживать своих чувств, – самый ужасный из всех тиранов! Будь королем, чтобы сделать ненавистными все знаки королевского достоинства, как твой отец стал священником, чтобы сделать отталкивающими все формы суеверий. Соедини неразрывной цепью разъединенные провинции Италии и, если необходимо, пролей для этой цели море крови! Живи, чтобы *объединить* Италию, и ты должен будешь умереть, чтобы *освободить* ее!

И, судорожно сжав клинок кинжала, республиканец шестнадцатого столетия продолжал свой путь.

Но, не дойдя до ворот монастыря, он встретил того, кого искал. Зейд только один знал, кто скрывался под личиной шута, но он был только мавр и – жертва восточной жестокости – нем. Однако молчаливость была одним из тех качеств, которые Борджиа особенно ценил, и потому мавр был особенно удобен для целей своего господина. Он числился при Борджиа скороходом, но в Риме молва называла его душителем и, хотя никто никогда не видел его в этой роли, все же слухи об этой его деятельности носились самые удивительные. Еще более чудесные рассказы ходили о способности Зейда бегать, это очень ценилось в те времена в скороходах. О Зейде рассказывали, между прочим, что он бегом не раз догонял на охоте оленя и без всякого вооружения клал его на месте.

Наружность «душителя» вполне соответствовала рассказам о нем.

В нескольких словах, понятных мавру, Макиавелли передал ему поручение господина, и мавр с такой стремительностью поспешил к Борджиа, что флорентиец готов был поверить, что он свернулся, как перекасти-поле, и скатился в долину.

Душитель быстро добрался до указанного места, где его повелитель беспокойно ходил со скрещенными на груди руками взад и вперед.

– Зейд, ты устал, бедный пес, и мне очень не хотелось бы снова посылать тебя в горы, – ласково проговорил Цезарь при виде скорохода. – Но я знаю, что ты любишь меня! Разве не я вымолил тебе жизнь, когда султан Зем занес над тобой саблю и хотел снести голову!

Раб фыркнул, как лошадь, почуявшая опасность, и этим выразил свое признание.

– Ты должен быть еще сегодня ночью в Ронсильоне, – начал снова Цезарь, переходя в повелительный тон. – Там в крепости ты найдешь подесту Романьи, дона Ремиро д’Орно, ожидающего моего прибытия. Возьми это кольцо в доказательство того, что ты пришел от меня, и передай ему мой приказ: он должен немедленно отослать дона Мигуэлото со всеми испанскими солдатами, которые не нужны для защиты крепости, с таким расчетом, чтобы они могли рано утром присоединиться ко мне.

Зейд низко поклонился, взял перстень и в знак почтения и послушания положил его на голову.

– Ступай по течению реки до Нарни, откуда ты знаешь дорогу, – продолжал Цезарь. Скороход хотел уже идти, но Борджиа быстрым движением удержал его. – Смотри, не теряй времени! Через час луна скроется за горами, и, лишь только исчезнет ее последний луч, я пошлю по твоему следу собак. И, если ты остановишься на дороге, чтобы улечься спать, ты знаешь, кто поднимет тебя.

Со знаками глубокого уважения мавр поклонился еще раз, как будто высказанная мера предосторожности была в порядке вещей, пустился как стрела из лука и почти моментально исчез из глаз.

Цезарь решил, по-видимому, исполнить свое обещание, так как остался на месте. Несколько мгновений он стоял, погруженный в свои мысли, а затем снова стал беспокойно ходить взад и вперед по поляне, не обращая внимания на то, что собаки следовали за ним по пятам.

Вдруг животные тихо завyli, вытянули морды по ветру и задрожали всем телом. Цезарь посмотрел на них, а затем взглянул по направлению, откуда собаки опасались, по-видимому, чьего-то появления. Он ожидал увидеть волка, или кабана, или какого-либо другого хищного жителя гор, но некоторое время и его орлиный взор не мог ничего рассмотреть. Вдруг в некотором отдалении на берегу реки показалась темная фигура с человеческий рост, но неопределенных очертаний.

Лицо Цезаря внезапно покрылось бледностью, и он прислонился к дереву, чтобы не упасть. Но в следующее мгновение он уже пришел в себя, поборол свой ужас и бросился вперед, воскликнув громким и твердым голосом:

– Стой, кто идет? Друг или враг герцога Романьи?

– Эй, вы, эхо! Эй, вы, девы! Бросьте со мною шутки в эту ночь! – ответил на это чей-то глухой голос.

Звук этого голоса, по-видимому, окончательно успокоил Цезаря. Его взор по-прежнему был направлен на путника, но и тени страха уже не было в нем.

Между тем путник с поразительной медлительностью, словно дряхлый старик, не переставая разговаривать с собой, продвигался вперед. Он был неуклюж и сильно горбился, его походка была неуверенна, и он все время опирался на палку. Лицо же и вся фигура его были закутаны черным плащом, который был привязан у бедер, причем против глаз были вырезаны две дыры. Это была черная одежда кающегося, которая одевалась обыкновенно самыми отъявленными грешниками.

– Добрый вечер, отец! Куда так поздно и в таком одиночестве? – веселым голосом спросил Цезарь, снова чувствуя себя свободным от пережитого только что ужаса.

– Хорошо одиночество, когда на каждом шагу кричит и воет волк! – с ужасным смехом ответил кающийся.

– Я как будто уже слышал этот голос? – задумчиво сказал Цезарь. – Ах, ты явился, словно по зову! Не старый ли ты мой учитель великого искусства – дон Савватий из Падуи, внушивший мне умную мысль, показав в зеркале из магического камня мое будущее. А когда инквизиция пожелала поближе познакомиться с тобой, сжегший свои книги и исчезнувший как блуждающий огонек на болоте.

– Или как те огненные языки вот там, на вершинах? – заметил кающийся, непомерно длинной, тощей и сморщенной рукой указывая на отдаленную гору, где виднелось довольно обычное в этих вулканических странах великолепное явление.

Казалось, что чьи-то демонические руки кидали снизу вверх горящие факелы.

– Но ведь это – ты? – сказал Цезарь, равнодушно взглянув в указанную сторону.

– Я уже давно был им, – ответил кающийся.

– Да, ты стар, очень стар, и в твои годы тебе необходимы покой и удобство, – нежно промолвил Цезарь. – Теперь я уже не так беден и бессилен, чтобы не быть в состоянии оказывать друзьям услугу, как прежде, когда мы в Пизе изучали вместе каббалу. И мне хочется возобновить мои занятия. Поэтому, если ты пожелаешь, мой добрый Савватий, поселиться у меня, в замке Святого Ангела, ты получишь одну из башен и можешь там в таком близком соседстве со святой инквизицией заниматься своим запрещенным искусством, что можешь плюнуть на нее, когда посмотришь на нее из окна. Мы станем тогда делать медные головы, которые говорят, будем изобретать противоядия и изучать растения, дающие такие чудесные яды, что умереть от них – одно удовольствие, и заниматься такими вещами, которые ты так любил тогда, когда я еще был твоим прежним и послушным учеником.

– Да, вы больше уже не младший брат, – произнес кающийся, насмешливо кланяясь, – и я очень благодарен вам за ваше приглашение, но людям, прожившим более пятнадцати столетий, следует думать о смерти, эти обязанности и меня заставили отказаться от черной науки и послали в Рим, чтобы на этом юбилейном празднике я спас свою душу.

– Пятнадцать столетий! Ты шутишь, или сошел с ума, дон Савватий! – испуганно воскликнул Цезарь.

– О, вы еще не знаете, как долго может ненавидеть Небо! – с горячностью ответил кающийся. – Уже много столетий миновало с тех пор, как был зажжен огонь великой радости, а тот, кто плюнул в лицо Сыну Божию, когда Тот нес крест на лобное место, все еще одиноко странствует по свету¹².

– Но оставайся у меня, я знаю, ты обладаешь многими великими тайнами, изучение которых разрешает нам даже сама церковь, – льстиво сказал Цезарь. – Разве я не видел, как ты пробудил в образе привидения умершего императора, который вручил мне свой скипетр?

– Какая польза тебе утруждать его еще раз? – спросил кающийся.

– Но если ты можешь пробуждать умерших, разве ты не можешь успокоить их? Чего ради он своим присутствием будет омрачать мне сияющий день? – воскликнул Цезарь, мучительно сжав руки.

– А разве и тебе мешают мертвецы? – спросил кающийся, и его глаза сверкнули в отверстие дьявольским огнем.

– Ты опытный толкователь загадок, – спокойнее промолвил Цезарь. – Я не могу сказать, что боюсь этого, но оно мешает мне, когда вдруг среди пира или блестящего праздника я, подняв свой взор, вижу того мертвеца перед собой. Но не думай, что я боюсь его. Я презирал его при жизни, презираю его после смерти! Я скажу тебе, дон Савватий, что, когда,

¹² Автор намекает на героя легенды о «вечном жиде» Агасфере. Когда Христос шел на Голгофу и хотел отдохнуть подле дома башмачника Агасфера, тот стал отгонять его. Христос сказал: «Я отдохну, ты же ходи, пока я не приду». С тех пор Агасфёр будто бы странствует по свету.

возложив в Неаполе в качестве посланника святейшего престола корону на голову короля дона Федерико, я в первый раз увидел его, я почти не испугался.

– Это лихорадочный бред; сын мой, вас преследует одно из самых сильных воспоминаний, которое может быть вытеснено только еще более сильным, – с коротким заглушенным смехом ответил кающийся. – Но вы забыли отослать ваших собак, а луна уже далеко зашла за Монте Сомма.

– Разве ты слышал мои угрозы Зейду? – с легким недоумением спросил Цезарь. – Но я никогда не грожу понапрасну. Эй, Марий, Сулла, за ним!

С этими словами Цезарь указал на след Зейда собакам, неподвижно лежавшим и все еще дрожавшим, словно присутствие незнакомца наполняло их страхом.

Но животные не двинулись, а снова завyli.

– Без сомнения, я обладаю чарами, мешающими им удалиться. Но я ухожу, – проговорил кающийся со своим обычным хихиканьем.

– Теперь уже поздно, пойдем со мной туда, в картезианский монастырь, – промолвил Цезарь.

Однако кающийся отрицательно покачал головой и насмешливым и одновременно тоскливым тоном тихо ответил:

– До самого Рима я не должен отдыхать под крышей, а тем более осквернять своим присутствием святой дом.

– Тогда я проведу вместе с тобой ночь под этим могучим кровом, – сказал Цезарь, указывая рукой на небо.

– Нет, я не смею медлить, а ты должен возвратиться к своему обществу. Разве у тебя не горят уши? Ведь там говорят о тебе! – произнес кающийся и поднял свой посох, словно намереваясь продолжить путь.

– Так обещай, по крайней мере, навестить меня в Риме. Тебе стоит только явиться в замок Святого Ангела с каким-нибудь знаком от меня к донне Фиамме, такой же последовательнице черного искусства, и ты будешь вернее и безопаснее спрятан у нее, чем некогда Мерлин¹³ при дворе короля Артура.

– Дайте мне ваш знак, – после небольшой паузы проговорил мудрец, – об этой женщине и о ее любви к науке я уже слышал.

– Тогда я тебе отдам мой ядовитый смарагд, который краснеет, если мое питье опасно, свой перстень я уже отослал по другому делу, – медленно сказал Цезарь, а затем с очевидной неохотой вынул из углубления в палке маленькую свинцовую коробочку, величиной и видом напоминавшую игральную кость, и отдал ее кающемуся. Если нам суждено увидеться с тобой снова, дон Савватий, то покажи мне тогда наконец свое лицо, которое ты так тщательно скрывал всегда. Тебе нечего бояться, что я из недостатка веры или рассудка предам тебя.

– Никому не верь, никого не бойся! – уныло произнес кающийся. – Но слушай, тебя зовут. Иначе что могут значить эти голоса, раздающиеся с утесов?

– Итак, до свидания в замке Святого Ангела! – сказал Цезарь, подходя ближе, чтобы подать ему на прощание руку.

Но незнакомец удовольствовался каким-то фантастическим поклоном, высоко подняв свои тощие руки, и в следующее мгновение исчез за уступами скал.

– Гей, шут, шут! – раздались в отдалении голоса.

По-видимому, Макиавелли был озабочен продолжительным отсутствием своего шута.

¹³ 13 Волшебник Мерлин является одним из главных действующих лиц цикла «королевских идиллий» английского поэта Тениссона, описывающих легендарную личность короля Артура и его рыцарей «Круглого стола».

Лишь только последователь тайных наук исчез, собаки с обычной живостью подпрыгнули. Цезарь, заметив это, попробовал пустить их по следу Савватия, но тщетно: собаки подняли страшный вой и не двинулись с места. Тогда Цезарь отвел их на прежнее место, к сосне, где его оставил Зейд, и они сейчас же пустились искать его по следу. Когда легкий шум их шагов стал неуловим даже для его острого слуха, Цезарь повернулся и направился к монастырю.

Глава IX

Поднявшись на гору, Борджиа очень искусно крикнул по-совиному, и вследствие этого к нему вскоре подошли Макиавелли и несколько солдат. Флорентиец с искусственным неудовольствием сделал ему выговор за беспокойство, причиненное его отсутствием, шут же ответил ему, что пытался достать золотую корону, висевшую на небе, а затем стал бессмысленно насвистывать свою песенку. Солдаты тем временем по знаку посланника направились к монастырю.

– Вы знаете, благородный господин, – начал по их уходе Макиавелли. – Возможно, что доминиканец был послан вашим батюшкой, я слышал, что он еще задолго до того, как синьор Паоло попал в западню, встретил его на пути и уговаривал вернуться.

– Как же это может быть? Бандитам довольно трудно сделать моего отца своим сообщником! – сухо возразил Цезарь. – По правде сказать, я право не знаю, чем объяснить все это. Духовник сестры – доминиканец.

– Знаменитый отец Бруно Ланфранки, ученик Савонаролы? Но почему же ваша сестра...

– Да, нахальный монах, своими поношениями уже давно заслуживший, чтобы ему вырвали язык с корнем! Только глупость Лукреции хранит его! – с ненавистью воскликнул Цезарь. – Во всех делах меня сейчас держат под надзором, но мое время еще придет.

С этими словами они подошли к монастырю, там, в большом зале, они нашли Паоло Орсини и его спасителей, оживленно беседовавших за скудной трапезой о последних событиях. У запасливого Бембо нашлось в его тюках несколько бутылок превосходного вина, и несколько глотков его заметно оживили освобожденного пленника.

– Я только что удивлялся, мессир Никколо, – сказал Орсини, когда посланник занял за столом свое место, между тем как шут беззаботно бросился на приготовленный для него пук соломы у огня, – каким это непостижимым образом бандиты проведали, что я намереваюсь пройти через горы под легким прикрытием, которое они умертвили при моем захвате?

– Если бы о вашем намерении знал только папа Александр, а не его ужасный сын! И, тем не менее, не нужно большого усилия, чтобы вывести заключение, – сказал иоаннит, и на мгновение воцарилось молчание.

– Нет, рыцарь, хотя вы – мой храбрый и благородный спаситель, я все же прошу вас не говорить таких речей! – побледнев, возразил Орсини. – Донна Лукреция так же добра, как прекрасна, и прямое преступление даже в безумии помышлять о таких ужасах.

– Вы счастливы в своем заблуждении, благородный синьор, холодно промолвил рыцарь.

– Благodeяния донны Лукреции безграничны! – с жаром продолжал молодой дворянин. – По ту сторону По нет ни одного нищего, который не мог бы рассказать о том.

– Ведь это необходимо, дядя Никколо, для того, чтобы прикрыть страшные грехи, – сказал шут, кидая на посланника ничего не выражающий взор.

– Берегитесь, синьор Паоло, чтобы те солдаты не слышали нашей болтовни!.. Они на службе герцога Борджиа, – с заметным беспокойством заметил Макиавелли.

– Самый худший из моих англичан свободно положит лучшего из этого пестрого сброда! – презрительно возразил Лебофор. – Да и большинство негодяев спит на сене, кроме того, они, будучи большей частью дикарями, на таком расстоянии поймут немного из того, что мы говорим. Прежде чем жениться на этой женщине, будь она сама Венера, – воскликнул он после небольшого раздумья, что было совсем не в его правилах, – я лучше посватался бы за старшую дочь дьявола с вечным проклятием вместо приданого!

– Нет, если бы донна Лукреция была даже этой дочерью, а смерть – священником, благословляющим наш брак, я с восторгом лег бы в могилу, если бы только она поделила ее со мной! – страстно воскликнул Орсини.

– Во всяком случае, она должна быть непременно красавицей! – промолвил, взглянув на иоаннита, Бембо.

– Тогда, синьор Паоло, в предательстве по отношению к вам, и отец и сын протянули друг другу руки, – упрямо проговорил иоаннит.

Розу понюхать рыцарь хотел,

Розу понюхать он не успел:

Пчелка ужалила рыцаря в нос.

Рыцарь разгневался, рыцарь вскипел,

Выбранил розу и бросил в ручей.

Рыцарь, не слушай ты глупых речей! —

сымпровизировал шут, бросив на всех бессмысленный взор, как бы не понимая, что говорит.

– Нет, рыцарь, такое предательство действительно невозможно! – воскликнул Бембо.

– Разве и он накололся на шипы, что так горько жалуется? – снова начал шут, серьезно взглянув на иоаннита, но затем внезапно с выражением почти идиотской глупости перевел свой взгляд на Орсини, который в первый раз внимательно посмотрел на него.

– Господа, разве есть что невозможное для Борджиа? – воскликнул иоаннит, не обращая внимания на умоляющий взгляд Бембо. – Почему, говорят, убит герцог Гандийский?

– Один Роланд за одного Оливера. Цезарь стал герцогом Романьи! – со смехом сказал Лебофор.

– Но позвольте, – сказал посол, – ведь вам известно, синьор Орсини, что в интересы республики вовсе не входит упрочение мира между вашей партией и Цезарем. Но при печальном изменении обстоятельств у Борджиа, несомненно, были все причины действовать по отношению к вам, как к главному деятелю перемирия, открыто и честно.

– Кроме того, – сказал Орсини, хватаясь за подсказку, – Цезарь в доказательство своей искренности рассказал мне все о тайных переговорах, происходивших между ним и Марескотти из Болоньи, которые из ненависти к Бентиволли хотели сдать ему город.

– Он выдал их, потому что не верил, что они выполнят свое обещание, – ответил неуступчивый иоаннит.

– Во всех случаях он – позорное пятно рыцарства, недостойный изменник! – с жаром воскликнул Лебофор.

– Хватит ли у вас, рыцарь, мужества высказать это ему в Риме? – спросил Макиавелли.

– И в Риме, и в его логовище!

Легкий жест шута прервал ответ, готовый сорваться с языка Макиавелли.

– Нет, вы не можете винить яйца за то, что из них выходят крокодилы, – проговорил он со своим обычным ничего не выражающим взглядом, странно противоречившим его полным смысла словам.

– Мне больно слышать, господа, ваши неразумные речи, – сказал Бембо, – поистине, вы оскорбляете нашу святую мать-церковь, понося таким образом его высшего земного главу. Кроме того, вы подрываете самое основание веры, ибо может ли быть божественной та религия, которая своим представителем имеет такое чудовище?

– Он избран благодаря симонии¹⁴, и не по праву удерживает за собой власть, пока его не поразит небесный гром! – страстно возразил иоаннит.

¹⁴ В Средние века в Западной церкви *существовала* купля и продажа священного сана, так называемая симония.

– Или союз римского дворянства, который, как я слышал, замышляет это, – проговорил флорентиец.

– Небесное возмездие уже покарало его избирателей за их прегрешение против Святого Духа, и сделало это собственными руками избранника, – продолжал иоаннит. – Кардинал Колонна в изгнании, у Юлиана делла Ровере, Асканио Сфорца и Савелли – конфисковано имущество, и они, чтобы спасти себе жизнь, сами бежали из Рима, старый кардинал ди Капуа отравлен, кардинал Орсини и архиепископ флорентийский будут уничтожены со своими близкими в очень недалеком будущем.

– И все же возможно, что только пылкая и страстная душа, как у его святейшества, могла возвратить церкви ее блеск и отнятое у нее наследие и что ради этого Небо стерпело его возвышение, – неуверенно сказал Бембо.

– Юрист, солдат и священник! Разве по этому рецепту делают черта, дядя? – спросил шут. – А ведь Цезарь последовательно был ими.

– И все в такой высокой степени! – возразил флорентиец. – Папе Александру, бесспорно, приписали бесконечно больше дурного, чем он заслуживает. Его безмерная любовь к могуществу и к своим детям, его стремление к прославлению своего имени, его могучие, пылкие страсти – все это привело его к ужасным деяниям тирании, но всем этим действиям он дает такое верное направление, что к ним почти нельзя предъявить обвинение в несправедливости. Кто из его жертв не заслужил своей участи?

– Да как вы можете обвинять папу в симонии, когда во время его избрания ни один святой на небесах не славился столькими божескими и человеческими добродетелями, как он? – поддержал его Бембо.

– Возмутительное лицемерие! – возразил иоаннит. – Но я готов допустить, что его сын – наихудший из двух демонов и подстрекает упрямого старика на его ужасные поступки. С тех пор, как Цезарь¹⁵ стал пользоваться влиянием, получилось такое впечатление, что Римом стал править ареопаг¹⁶. Говорят, что временами он даже чувствует угрызения совести, но поток уже захватил его, и он не может удержаться. Александр – безумный тигр, но Цезарь помесь змеи и тигра.

– Ради вас самих, благородный рыцарь, я дал бы вам совет помолчать в Риме о таких вещах, – очень серьезно сказал посол.

– Мой спаситель будет в Риме под моей защитой, – с горделивым румянцем на бледных щеках воскликнул Паоло Орсини, – мы, Орсини, не подчиняемся там ни папе, ни Цезарю!

– Я знаю, ваш род очень могуществен, благородный синьор, – ледяным тоном ответил Макиавелли, – но как-то странно звучит ваша речь для вассала святого престола.

– Если есть такая низость, которой не совершил бы Цезарь, хотел бы я знать, как он ее называет на исповеди! – сказал Лебофор. – О, в нашей стране его задушили бы при рождении, если бы можно было прочесть его душу на лице его.

– Почему же вы не умертвили своего короля, горбатого Ричарда, точный портрет Цезаря? – сухо спросил Бембо. – Освещало ли когда-нибудь солнце более мрачного злодея?

– Не смейте оскорблять короля Ричарда, или, клянусь небом... Впрочем, ведь вы не знаете, что это именно он был тем храбрым королем, который в утро перед битвой у Босуорта

¹⁵ Со времени убийства брата Джованни, герцога Гандийского, Цезарь Борджиа всецело овладел папой Александром и тот стал подчиняться ему во всех случаях и лишь изредка пытался направить дела по своему усмотрению, как, например, в случае, описываемом в этом романе, а именно в вопросе третьего замужества Лукреции, где желанным кандидатом на ее руку являлся для него лично – вопреки желанию Цезаря – Паоло Орсини. Этим и была вызвана попытка Цезаря погубить Орсини на его пути в Рим.

¹⁶ Ареопаг – в древних Афинах орган власти, осуществляющий государственный контроль, суд и другие функции: состоял из пожизненных членов – представителей родовой аристократии.

посвятил меня в рыцари и со своей шляпы отдал мне цветок дрока! – с жаром воскликнул Лебофор.

– Ого, смотрите-ка!.. Какой же великий подвиг совершили вы, рыцарь? Ведь, по-моему, тогда вам едва ли могло быть больше двенадцати лет? – спросил Макиавелли. – Скажите мне это, пожалуйста!.. Ведь я знаю, что этот король редко делал что-нибудь без достаточной причины.

– Мой отец, мой брат и их приближенные ночью покинули короля Ричарда, чтобы соединиться с Ричмондом, теперешним королем, – ответил Лебофор, – я же, будучи в полном неведении о злодеяниях Ричарда и восхищен лишь его рыцарской храбростью, потихоньку вернулся в его лагерь. Когда Ричард услышал об этом, он поклялся святым Павлом, что я один стою больше всей моей семьи, и, воскликнув: «О, мой Босуорт, ты будешь твердыней!», обнажил свой меч и так сильно ударил меня, посвящая в рыцари, что я несколько недель чувствовал на спине это посвящение.

– Поистине, брат Реджинальд, хороший нотариус мало заработал бы, составив только реестр преступлений Цезаря, – снова начал неугомонный иоаннит.

– Преступления, которые приписываются ему, должны бы вы сказать, это было бы справедливее, – с жаром возразил Макиавелли. – Но что же доказано из преступлений Борджиа? Разве непреложная истина – обвинения его злейших врагов, которых он заставил отказаться от своих несправедливых и наглых притязаний? Папа Александр хочет восстановить права церкви над своими вассалами, они оказывают ему противодействие, он заставляет их подчиниться, и поэтому он – тиран! Князья церкви восстают против своего верховного главы, он отправляет их в изгнание, конфискует их имущество, поэтому он – угнетатель! Его старший сын падает под рукой неизвестного соперника, значит, его убил родной брат!

– Зятья папы один за другим погибают от руки убийцы, и молва твердит, что здесь дело нечисто, – насмешливо подражая Макиавелли, продолжал иоаннит. – Епископ цельтский отравлен, и в народе идет слух, что его убили, потому что он посмел утверждать, что Цезарь возил во Францию буллу, благодаря которой король Людовик мог развестись со своей художавой кузиной и жениться на пышной вдове из Бретани¹⁷. Борджиа ведут войну с римским дворянством и уничтожают его, обращают затем свое оружие против вассалов Романьи, и тут простодушно пытаются уверить, что они на развалинах всеобщей свободы утверждают собственную тиранию.

– Некоторые старые беспутники умирают скоропостижно, следовательно, Цезарь отравил их? – начал снова задетый Макиавелли.

– Нет, и молодые также! – возразил иоаннит. – За жизнь своего бежавшего брата Зема султан Баязид обещал триста тысяч дукатов, и Зем умирает от яда в лагере французского короля, который думал, что он принесет ему пользу в крестовом походе против поганных турок.

– И из этого, конечно, следует, что в его смерти виновны Борджиа? – сказал флорентиец. – Если Баязид за жизнь брата хотел заплатить такую высокую цену, неужели он не мог найти для этой цели другие руки?

– Лучшим ответом на это может быть объяснение Цицерона. На вопрос: «Кто неизвестный виновник преступления», ответившим: «Тот, кому это выгодно», – сказал иоаннит. – Кто, как не Цезарь, получил все наследство после молодого турка, его гарем и все его сокровища, которые он после своего неудачного мятежа привез с собой в Италию?

¹⁷ Чтобы добыть средства для объединения Италии, Цезарь помог Людовику XII развестись. В благодарность Людовик пожаловал ему титул герцога Валентского с доходом в 20 000 ливров и помог жениться на наваррской принцессе Шарлотте д'Альбрэ.

– Государство – законный наследник всех чужестранцев, умирающих на чужбине и не оставляющих после себя наследников, – промолвил Орсини, и святейший престол был волен передать свои права кардиналу Валенсийскому, которым был тогда Цезарь.

– Вы хотите сказать, благородный синьор, что кардиналу Валенсии угодно было захватить это наследство, а протонотариусу Джованни Баттисто Феррара – передать ему от имени святейшего престола, – возразил иоаннит. – Кардинал Валенсийский! Вот почтенный священник!.. Ведь он похитил из монастыря постриженную монахиню, к тому же происходившую из самого благородного в Риме рода Колонна.

– Простите, рыцарь, Орсини не уступают в благородстве ни одному роду, наши вольные грамоты – самые древние, которые когда-либо представляла церковь, – с надменной резкостью произнес Паоло Орсини, задетый, с одной стороны, едкими замечаниями иоаннита относительно его невесты и ее родни, а с другой – ненавистью и вечным соперничеством, с незапамятных времен царствовавшими между родами Орсини и Колонна. – Кроме того, – прибавил он, – уже давно всем известно, что несчастную девушку увлек на вечную погибель султан Зем.

– Неправда! Благородный турок допустил это лишь как предлог, чтобы замаскировать отказ папы Александра разыскать девушку и покарать ее, как предписывают канонические правила, – серьезно сказал иоаннит.

– Скажите пожалуйста, мессир Бембо, в чем заключается эта кара? – спросил сир Реджинальд, обращаясь к священнику.

– Ее надлежало бы замуровать в стену, – с серьезным выражением лица ответил Бембо.

– Тогда честь и слава папе Александру и за то, что он не привел этого наказания в исполнение, я от души пью за его здоровье! – воскликнул Орсини, залпом осушая свой стакан.

– Господа, уже поздняя ночь, а наш разговор точно не доведет нас до добра, я предлагаю лучше отправиться спать, – зевая, заметил Макиавелли. – Вам же, синьор Паоло, покой необходимее, чем кому-либо другому.

– Но я не хотел бы долго предаваться ему, – возразил Орсини.

– Кто знает, что слышали и поняли из нашего разговора солдаты Борджиа и что у них на уме? – и его взор беспокойно упал на шута, уже несколько часов спавшему на своем неудобном ложе.

– Я хотел бы сторожить вас и бодрствовать, шагая взад вперед по комнате, – сказал Реджинальд.

– Мы будем с тобой меняться, брат, – серьезно предложил иоаннит, – а то ты завтра упадешь с седла, – проговорил он и улыбнулся.

– Это, бесспорно, будет самым лучшим, – заметил Бембо, которому очень хотелось спать и который вместе с тем боялся уснуть. – Если бы я не так устал от тряски своего мула, я с удовольствием согласился бы караулить всю ночь один.

С этими словами он стал устраиваться насколько возможно удобнее, и быстро заснул, не дожидаясь конца спора, начавшегося между Орсини и его спасителями, потому что Паоло также захотел принять участие в этой, по-видимому, ненужной и лишней охране. Но то, что рассказывалось о коварстве и жестокости Борджиа, произвело на всех такое сильное впечатление, что эта предосторожность никому не показалась смешной или ненужной.

Глава X

От испытанных волнений и беспокойств Паоло Орсини почти всю ночь не сомкнул глаз. Он первый поднялся с восходом солнца и торопил путников к отъезду, чтобы до наступления жары добраться до долины. Его нетерпеливое желание быть в Риме перешло почти в страсть и приняло довольно неприличный характер, когда он потихоньку стал уговаривать Лебофора тронуться в путь, не дожидаясь Макиавелли и его свиты, по его объяснению, они могли только задержать их. Если бы Реджинальд согласился на такое нарушение приличий, все равно этот план был разрушен шутом, который внезапно вскочил со своего ложа и громко затрубил в лежавший около него рог. Этими звуками он мог пробудить окаменевшего короля Артура со свитой в уэльской пещере. Действие его было мгновенно, и Макиавелли, далекий от мысли расстаться с неожиданными попутчиками, протирая глаза, стал упрашивать их не спешить, а он со своей стороны готов был скорее потерять лишний день, чем лишиться их общества.

Во всяком случае старания Паоло ускорили отъезд. Отслужили обедню, настоятель торжественно благословил всех, и путешественники, щедро одарив монастырь, после скудного завтрака, громыхая доспехами, словно горный поток, выехали из монастыря.

Отряд двигался в порядке, насколько допускала это извилистая горная дорога, то сбегавшая в долину, то поднимающаяся на утесы, но все время следовавшая вдоль реки. Орсини и Лебофор совершали путь рядом, причем Паоло ехал на лошади одного из английских солдат, который и пешком не отставал от своих конных товарищей.

Быть может, именно в различии характеров итальянского дворянина и его нового друга был залог влечения, которое оба почувствовали друг к другу. Открытый, веселый и беззаботный характер англичанина доставлял некоторое удовлетворение мрачному, страстному и подозрительному состоянию духа итальянца. Живость и ничем не омраченное добродушие рыцаря солнца, совсем не в духе того страшного времени, показывали итальянцу природу человека. Для пресыщенного и образованного ума было приятно выслушивать простые рассуждения человека, почти не вкусившего книжной премудрости. В описываемое время английское дворянство выделялось, главным образом, своим физическим развитием.

Бембо и Макиавелли вели между собой серьезный разговор, и оба напрягали все свои усилия, чтобы скрыть свое истинное мнение и выпытать что-либо друг у друга. Иоаннит, по-видимому, не слишком вслушивался в разговор и лишь изредка по его лицу пробегала насмешливая улыбка, когда Паоло Орсини расточал чрезмерно горячие похвалы донне Лукреции. Шут носился кругом, словно мотылек, то впереди, то сзади поезда. Он подшучивал над кем-нибудь из путников, и в следующее мгновение уже гнался за пчелой, и снова возвращался, увенчанный репейником и чертополохом. Орсини время от времени беспокойно поглядывал на него, но на подвижном лице шута трудно было что-нибудь прочесть.

Путешественники почти не встречали людей на этой пустынной дороге, лишь изредка им попадался одинокий пилигрим, или в отдалении виднелся молящийся отшельник, вышедший из своей пещеры. Путники продвигались по извилистой дороге у подножия горы, и Бембо в прекрасном расположении духа развивал перед своими не особенно внимательными слушателями научные исторические теории. Вдруг они увидели перед собой разрушенные своды моста, построенного из громадных мраморных глыб и некогда соединявшего обе стороны узкого прохода. На вершине показались две фигуры: одной была серна, спокойно пасшаяся на краю разрушенной арки, другая, насколько можно было судить по яркому блеску, — латник в полном вооружении, быстро исчезнувший при их приближении. За скалистыми утесами под мостом высилась крутая гора, покрытая кипарисами и оливковыми деревьями, среди которых виднелись бесчисленные террасы цветущего города.

В первый момент Бембо пытался убедить себя, что он ошибся, что блестящее вооружение только показалось ему, но, пока он размышлял, в некотором отдалении раздался звук трубы, на который сейчас же отозвался другой, и внезапно из рощи появился отряд всадников в блестящем вооружении, с копьями наперевес и развевающимися знаменами. Наши путешественники немедленно остановили лошадей и с изумлением смотрели на приближающийся отряд.

– Может быть, это – паломники, направляющиеся в Рим? – нерешительно сказал Бембо.

– Зачем же они вооружены и повернулись к Риму спиной? – возразил иоаннит.

– Может быть это – друзья синьора Паоло, пожелавшие видеть своими глазами, как он добрался до цели своего путешествия? – пожав плечами, промолвил Макиавелли.

– Не думаю, чтобы мои друзья решились бы в таком количестве покинуть Рим, не зная, кого при своем возвращении могут встретить у его ворот! – воскликнул Орсини. – Но нет!.. Разве вы не видите? Это – знамя церкви: ключи креста на хребте и меч святого Петра!

– Эй, копьа наперевес! – скомандовал сир Реджинальд, оборачиваясь к своим людям, но с удивлением увидел, что отряд, окружавший его, состоял из всадников свиты Борджиа, которые, тем не менее, моментально опустили копьа.

– Берегитесь, господа, чтобы на вас не напали одновременно сзади и спереди! – тихо предупредил Макиавелли и насмешливо добавил: – Зато мы с вами, брат Бембо, можем быть вполне спокойны, теперь вы несомненно найдете необходимым принять на себя свою настоящую роль посланника герцога Феррарского.

– Приберегите свои острооты до более подходящего времени, мессир Никколо, – с беспокойством ответил Бембо. – Мы, во всяком случае – паломники, по обещанию направляющиеся в Рим на святой юбилей. А, может быть, эти люди – просто вассалы какого-нибудь дворянина, объезжающие лошадей, или фуражиры из Ронсильоне.

– Смотрите, и шут с ними! Надеюсь, что они ничего дурного не сделают болтуну, но зато я-то лично погибну! – со спокойствием отчаяния проговорил Орсини.

– Я, со своей стороны, не покину вас, жениха донны Лукреции, и в доказательство искренности своего обещания готов смешать свою кровь с вашей, – сказал иоаннит и, обнажив кинжал, слегка разрезал им руку, и окровавленное оружие подал затем Орсини.

Синьор Паоло воодушевленно разорвал свой камзол и, сделав кинжалом надрез на груди около самого сердца, смешал свою кровь с кровью иоаннита. Лишь только он выполнил эту часть торжественного обряда, как сир Реджинальд схватил, в свою очередь, окровавленное оружие, задумался ненадолго, как лучше ему доказать свою дружбу, а затем, обнажив свое левое плечо, вырезал на нем небольшой крест. Благодаря этому обряду, считавшемуся у рыцарства самым священным и ненарушаемым, три рыцаря стали братьями по оружию. Лишь только все было кончено, приближавшиеся всадники, гремя оружием, остановились под аркой разрушенного моста.

Худошавые, но высокие и мускулистые фигуры всадников, их камзолы из буйволовой кожи, неимоверно длинные копьа, круглые щиты, большие бороды, небольшие, но огненные кони и масса оловянных образков, висевших на груди, – все это обличало в них испанцев или, вернее, каталонцев.

Один из всадников – по-видимому, предводитель – отделился от отряда и настолько медленно приближался к путникам, что они имели достаточно времени, чтобы хорошо рассмотреть его. Черты лица его были резки и грубы, а его крупные ноздри, толстые губы, оливковый цвет лица и жесткие волосы выдавали его арабское происхождение. Он был среднего роста, мускулист и подвижен. Выражение глаз было холодно, серьезно и решительно.

Приблизившись к паломникам, незнакомец в знак уважения склонил свое копье и внимательно, а не угрожающе осмотрел путников. Иоаннит прищпорил лошадь и гордо поднял свое копье, незнакомец моментально остановил своего коня, и оба встали как вкопанные.

– Что вам нужно от нас, кондотьер¹⁸? – спросил иоаннит, убедившись, что у его противника не было золотых рыцарских шпор. – Для чего вы преградили нам дорогу?

– Меня зовут дон Мигуэль де Мурведро, обыкновенно же – Мигуэлото, я – полковник и начальник стражи в Ронсильоне, достопочтенный рыцарь, – ответил каталонец. – Поэтому мне кажется, что я имею некоторым образом право спросить вас, что означает здесь, в Нарни, ваш вооруженный отряд? Я не намерен входить в долгие препирательства, так как имею точный приказ своего начальника, подесты Романьи, нетерпящий отлагательства и имеющий целью освобождение нареченного зятя его святейшества, высокоблагородного дона Паоло Орсини, которого захватили какие-то неизвестные разбойники и спрятали в пещере у Мраморного водопада.

– Тогда спокойно можете повернуть назад, ведь я освобожден и нахожусь в полнейшей безопасности, – сказал Паоло Орсини, подъезжая к иоанниту и бросая испуганный взгляд на закованного в железо всадника, пробудившего в его душе смутное подозрение и напомнившего своим видом, что перед ним человек, которого молва называла одним из самых ужасных орудий Цезаря Борджиа, участника всех его кровавых злодеяний.

– В таком случае, высокоблагородный синьор, я буду иметь честь сопровождать вашу светлость до Ронсильоне, – произнес кондотьер, сходя в знак почтения с лошади. – Дон Ремиро ожидает вас там, и оттуда сам будет сопровождать вашу милость в Рим.

– Благодарю вас, храбрый воин, благодарю и пославшего вас, – отвечал Орсини, – но в этом нет надобности. Я нахожусь сейчас в полнейшей безопасности.

– Покорнейше прошу вашу милость не забывать, что я – солдат, который должен повиноваться приказу, а подеста строжайше приказал мне доставить вас в Ронсильоне, – ответил Мигуэлото таким тоном, в котором одновременно слышались и лесть и угроза. – После такого ужасного случая дон Ремиро никому, кроме себя, не доверяет охрану вашей особы, которая важна для государства и так дорога герцогу, его повелителю. За свое же послушание я могу поплатиться жизнью.

– Вы хотите сказать, что намерены захватить этого синьора против его воли? – спросил Лебофор, нетерпеливо махая копьем.

– Я обязан исполнить то, что мне приказано заместителем герцога Романьи, рыцарь, – отвечал каталонец с улыбкой, которая скорей омрачила, чем осветила его лицо. – И если я не ошибаюсь, то у вас и спереди, и сзади копыя, которые принадлежат его светлости герцогу. Поэтому я прошу благородных рыцарей подумать хорошенько. На этом пути вы не можете и не должны идти иначе, как только под моей охраной и только в Ронсильоне.

Приведенный таким ответом в бешенство, Лебофор поднял свое копье, но Бембо и Макиавелли поспешно схватились за него, а каталонец, сделав вид, что ничего не произошло, низко поклонился и возвратился к своему отряду.

– Что же делать? – унылым голосом протянул Бембо. – Сопротивляться невыносимо!

– До тех пор, пока один идет против десяти, мои англичане не сдадутся? – воскликнул Лебофор.

– Я советовал бы вам поразмыслить, кто находится впереди и сзади вас, – промолвил Макиавелли.

– Нет, мои храбрые братья, ради меня вы не должны так безрассудно пасть в неравном бою, – печально произнес Орсини, но, немного погодя, более веселым голосом прибавил: – Дон Ремиро не так враждебно настроен против меня, но вот что касается этого Мигуэлото...

¹⁸ Кондотьерами в XIV и XV вв. назывались предводители наемных дружин.

Вы, пожалуй, будете смеяться надо мной, но мне кажется, что он и голосом, и фигурой походит на атамана той черной шайки, которая захватила меня!

– Так трубите атаку и, если эти негодяи сзади нас только двинутся с места, они увидят, кто у них в тылу! – горячо воскликнул молодой рыцарь солнца.

– Успокойся, брат, это была бы верная гибель! Но горе мне, если я покину кого-нибудь из моих кровных братьев! – проговорил более рассудительный иоаннит. – Мы будем сопровождать синьора Паоло в Ронсильоне, и, может быть, наше присутствие предотвратит злой умысел, если таковой имеется.

– Что иного можно ждать от Борджиа? – проворчал Бембо. – Кроме того, я не раз слышал, что подозрение наталкивает людей на дурное, как нагромождение мешков с песком ведет осаждающих всегда к самому опасному месту.

Но, несмотря на это и другие предупреждения предусмотрительного и трусливого Бембо, рыцари решили ехать вместе или вместе погибнуть. Орсини должен был сообщить об этом решении Мигуэлото, Макиавелли выразил согласие следовать вместе с ними, а Лебофор отправился к своим людям предупредить их на всякий случай.

Вскоре Орсини и Макиавелли вернулись с известием, что Мигуэлото вполне согласился принять поставленные ему условия.

Таким образом, дело уладилось к общему удовольствию, и Мигуэлото приказал своим людям ехать вперед в Нарни, а сам со стальным шлемом в руках ждал под аркой, пока не прошли рыцари, посланник и Бембо с английскими латниками. Затем проследовал конвой Цезаря, и получалось, что маленький отряд окружен со всех сторон.

Мигуэлото, вероятно, чувствовал, что его присутствие могло пробудить нежелательные для него воспоминания, поэтому держался на некотором расстоянии в арьергарде.

Вскоре появился истинный виновник его беспокойных поисков в лице шута. Свистя и напевая, он добежал до каталонца и с удивительной ловкостью вскочил сзади него на лошадь.

– Вперед! – повелительным тоном приказал он. – Если даже нас и заметят, так сочтут это дурацкой выдумкой с моей стороны. Клянусь Мадонной, немало труда мне стоит привести в порядок все нити, так по-идиотски глупо спутанные твоей бандой.

– Клянусь бородой святого Яго, благородный господин, я здесь совсем не виноват! – ответил Мигуэлото. – Дон Ремиро так строго смотрит за всем, что без его позволения мои люди никак не могли ничего сделать. Но, когда я предъявил ему неограниченные полномочия вашей светлости, у него хватило наглости показать мне приказ, собственноручно подписанный его святейшеством, по которому он под страхом смерти обязан доставить дону Орсини в целости до ворот Рима, или, если благородный синьор предпочтет свое инкогнито, следить за тем, чтобы по дороге с ним не случилось какого-либо несчастья. Когда я спросил его, как он пришел к мысли, что против синьора Паоло замышляется недоброе, он ответил мне, что его святейшество только опасался, и если мое поручение не касается Орсини, то мне ничто не мешает исполнять приказания вашей светлости.

– Вот как? И больше ничего? – спросил шут.

– Нет, государь, когда я вынужден был ознакомить его с вашим решением, дон Ремиро битый час спорил со мной, что вы не могли задумать такое предательство, как он назвал это, и наконец, заявил, что он – подеста церкви, а не герцога Романьи.

– Ага, так он думает так? – воскликнул Борджиа. – Неблагодарная гадина! Для того ли охранял я этого кровавого судью, эту крысу от народных проклятий, защищал его от гнева отца, чтобы услышать такую дерзость?

– В Риме, вероятно, найдутся люди, которым будет приятно видеть, какую ненависть против вашего владычества породила безжалостная справедливость подесты в сердцах народа, – сказал каталонец.

– Прекрасно!.. Пусть видят, как я умею пользоваться людьми, чтобы они оказывали мне только добрые услуги, а не служили мне во вред, – воскликнул Борджиа. – Ремиро привел Романию к покорности и к повиновению. А что, если я отдам его народу, как козла отпущения?

– Я думаю, у ваших друзей не найдется достаточно причин еще любить его. Я знаю, что между Ватиканом и Ронсильоне происходит очень оживленная переписка, – проговорил Мигуэлото. – Даже когда я ясно высказал дону Ремиро ваше намерение, он побледнел, как гусиная печенка, и согласился только на то, чтобы я захватил Орсини и спрятал его до тех пор, пока он не услышит вашего желания из собственных ваших уст, то есть, пока он не найдет время известить об этом Орсини в Риме и Вителли в Кастелло, и в случае моего неповиновения грозил распилить меня.

– Распилить тебя? Этот арагонец учит меня новому способу убивать, такого я еще до сих пор не знал... хорошая кара для изменника! Разве он к тому же и не богат? Богат, если принять во внимание недостаток средств в государстве и вымогательство у бедного люда!

– Поэтому-то он так усердно стремится к сиянию святейшего отца, – ответил каталонец. – Он больше ненавидит вас, чем любит, и потому повсюду ищет помощи. Свои награбленные богатства он ради безопасности хранит в Ронсильоне.

– Как ты думаешь, можно положиться на этих солдат? – с легкой улыбкой спросил Цезарь.

– Их страх перед Ремиро может быть побежден только вашим личным вмешательством. Я, как известно вашей светлости, – офицер почти без власти.

– Ну, ну, ты на пути к ней, – ответил Борджиа.

– При некоторых обстоятельствах вы дали мне милостивое обещание...

– Говорю тебе, что я не забыл его! Ты сам вредишь себе, напоминая мне про мои обещания, потому что я поберегу для тебя гораздо лучшую награду! – с нетерпением перебил его Цезарь. – Разве я не осыпал тебя милостями, с тех пор как ты помог мне устранить ту тень, которая покрывала меня? Сколько времени прошло, негодяй, как ты был в Риме?

– Ваши приказания застали меня там, монсиньор, – ответил Мигуэлото.

– Ага, тогда я могу узнать новости. Что поделявает мой угрюмый отец? Что он думает о наших последних деяниях?!

– Как всегда, ваша милость, он радуется возвышению своего дома и пугается средств.

– Нет, это не все! Что сказал он моему посланному, который принес ему ключи Фаэнцы? – мрачно спросил Борджиа. – «Цезарь делает из меня великана, но великана в цепях!» Да?

– Действительно, его святейшество становится под старость ворчливым и подозрительным, – согласился Мигуэлото.

– Я слышал, что на время юбилейных торжеств комендантом замка Святого Ангела он назначил старого дурака, сиенского кардинала Никколомини? – резко спросил Цезарь.

– Какое же это может иметь значение, синьор, когда находящиеся в замке немцы и гасконцы до последнего человека преданы вам? Но становится грустно, когда подумаешь, как много зависит от капризов вспыльчивого старика, на которого еще находят порой угрызения совести!

– Маловерный, ты должен с большим уважением отзываться о наместнике святого Петра! – шутливым тоном воскликнул Цезарь. А какие вести из Милана? В то беспокойное время, когда я объезжал свои цитадели, я ничего не получал оттуда.

– Вчера через Ронсильоне проезжал герольд французского короля из Милана с неприятным, как я опасуюсь, посланием от короля его святейшеству и вам.

– Французский король в Милане? Шутишь, мой храбрый Мигуэлото! – с удивлением воскликнул Цезарь.

– Как, монсиньор? Неужели же вы действительно не слышали, что французы напали на Милан и уничтожили всех своих противников и что герцог Сфорца вследствие предательства швейцарцев в настоящее время – их пленник?

– Мигуэлото, ты сошел с ума! Этого не может быть! По последним известиям, их фуражиры были в Савойе! – недоверчиво проговорил Цезарь.

Но дальнейшие подробности, сообщенные ему его наперсником об удивительной победе, одержанной Людовиком Двенадцатым над миланцами после их вторичного возмущения, не оставляли места никаким сомнениям.

– Вот тема для нравственных размышлений о падении дурных правителей! – оправляясь от изумления, проговорил Цезарь. – Такая изобретательная голова, и с такой радостью принятый снова своими подданными – как это могло случиться? Может быть, Сфорца слишком дурно платил своим наемникам, или, наоборот, слишком хорошо? Вот загадка, которую ты должен разгадать мне, друг Никколо! Эти проклятые швейцарцы! Кто еще будет доверять им?

– Конечно, не ваша милость. Я сомневаюсь, чтобы они забыли кровавую бойню, которую вы устроили им в Риме за то, что их братья в войске короля Карла разрушили дом вашей матушки, – ответил Мигуэлото.

– Плохо ты знаешь людей, если думаешь, что их легковерию есть пределы! – заметил Цезарь.

– Тем не менее его святейшество, по-видимому, не разделяет того же мнения, так как тех, кого он своим вмешательством спас от наших мечей, он назначил в личную охрану донне Лукреции, моей повелительнице, – с особенным ударением проговорил Мигуэлото.

– А! – был единственный ответ Цезаря, который, тем не менее, имел глубокое значение для его наперсника.

– А при известии о счастливом возвращении вашей светлости, – продолжал Мигуэлото, – его святейшество присоединил к ним еще сотни легковооруженных албанских беглецов, которые наводняют всю страну около Непи.

– Непи! Что делает там донна Лукреция? – с напускным равнодушием спросил Цезарь.

– Молится и кается... должно быть, за чужие грехи, – ответил Мигуэлото с кривой усмешкой. – Вероятно, в честь ваших побед и вашего счастливого возвращения его святейшество провозгласил свою дочь герцогиней Непийской. Поэтому она очень часто бывает в Непи, где имеется сильная крепость.

– Не шути со мной, Мигуэлото! – сказал Цезарь таким суровым тоном, что насмешливое настроение его спутника исчезло в одно мгновение, но затем, как будто забыв об этом, он прибавил: – Однако, действительно, этот неожиданный успех французов меняет все мои планы! Кто мог бы предположить такую внезапную перемену счастья!

– Ваши враги, благородный господин, теперь повсюду поднимут голову, – озабоченно проговорил Мигуэлото.

– А все-таки из этого обстоятельства может получиться некоторая выгода, – возразил Цезарь. – Я не могу больше рассчитывать на французов, а папа разрешит мне для себя самого собрать итальянское войско, что, несомненно, посоветует ему и Никколо.

Мигуэлото с легкой grimасой покачал головой.

– Он скорее заключит мир с Колонна, чем даст вам в руки такую силу.

– Не говорил ли я, что даже эта неудача с Орсини предназначена судьбой к моему же благу! – воскликнул Цезарь. – На всякий случай мне необходим мир с его партией, чтобы не допустить Колонна, и потому я радуюсь его спасению. Но вернемся к нашим новостям. Что поделявает кардинал Борджиа, мой двоюродный братец? Ему что-то нездоровилось, когда он уезжал от меня из Фаэнцы.

– Ах, ваша светлость, он скончался по дороге в Рим от какой-то внезапной болезни, словно это была чума. Прошло уже три дня со дня его смерти, – с лицемерным выражением грусти произнес Мигуэлото.

– Он не был другом мне, и я только сожалею, что он умер, именно возвращаясь из моего лагеря. Будут говорить, что я отравил его, тогда как он слишком много ел дынь. Но у тебя найдутся лучшие вести о моем дорогом друге, монсеньоре Анвелли, архиепископе Козенцы, секретаре святого престола и вице-легате в Витербо?

– В день моего отъезда из Рима его нашли в постели мертвым, после хорошего ужина накануне! – расхохотался Мигуэлото.

– Бедняга, это произошло так внезапно! Но ведь такие святые люди постоянно готовы к своему последнему часу, – улыбаясь ответил Цезарь. – А какую же часть его наследства назначил мне отец?

– Как я слышал, оно все предназначено на торжество вашего приема и на празднества святой недели. Но меня удивляет, что ваша светлость ни разу не спросила о своей царственной супруге.

– Так она еще жива и в Риме? – равнодушно спросил Цезарь.

– Я не слышал, государь, чтобы она умерла! – испуганно ответил Мигуэлото.

– Ну, тогда она, бесспорно, жива. Скажи, а донна Фиамма, должно быть, очень раздражена моим браком, – продолжал Цезарь.

– Ваша светлость должны были видеть ее, когда я полгода тому назад передавал ей ваше письмо из Франции с известием о вашей свадьбе, – проговорил Мигуэлото с легким ужасом, который у человека его натуры имел особое значение.

– Она, поди, металась, кричала и безумствовала, как всякая брошенная девушка? – с презрительной усмешкой воскликнул Цезарь.

– В продолжение нескольких минут, синьор, она не проронила ни звука, а уставилась на меня неподвижным взором. Ее лицо побледнело, как мрамор, и искривилось так, словно Медуза на Капитолии! – ответил Мигуэлото. – Затем у нее вырвался такой вздох, будто разорвалось сердце, и, тем не менее, у нее скатилась только одна слеза, большая и тяжелая, как капля расплавленного свинца. Она сейчас же презрительно вытерла ее и дала мне драгоценный перстень – за хорошую новость, как она сказала. Потом она расхохоталась, сказала, что день для свадьбы выбран удачно, и без чувств упала на пол!

– Я поквитался с ней за султана Зема, – поспешно проговорил Цезарь.

– Нет, ваша светлость. Если вы хотите знать мое мнение, то вы приревновали ее без всякого повода, – боязливо заметил Мигуэлото.

– Может быть! Может быть, я думаю так же, как и ты, но ты не знаешь, как приятно иметь наготове ответы беснующейся женщине!.. И ты увидишь, как легко уверить эти глупые души, когда они любят, если только дать себе труд произнести несколько ласковых слов и лицемерных обещаний. Сначала женщина будет плакать и безумствовать, но затем она успокоится, как море после бури, когда проглянет солнце. Ведь любовь в сердце женщины даже в то время, когда она раздражена, – солнце, лишь омраченное тучами. Стремительность ее собственной бури проложит путь золотому лучу, и после пережитых волнений все будет еще спокойнее и лучше. Посмотри, какой дивный ландшафт внизу!

Действительно, путешественники поднялись на возвышение среди гор, образующих долину Нара. Они видели отсюда тибрские равнины. Внизу долина была покрыта лесами, а посередине протекала знаменитая река, извиваясь, словно громадная золотая змея. У подножия горы, на которой находились путники, возвышались освещенные розовым светом колонны римских руин. По другую сторону реки простиралась бесконечная равнина, на которой паслись стада буйволов. Цепь синеватых гор закрывала вид с севера.

– Там Непи! – сказал Мигуэлото, останавливая лошадь и указывая налево, где на вершине крутой горы виднелись серебристые зубцы древнего собора.

– Какую же епитимью исполняет Лукреция в Непи? Может быть, она подражает паломничеству Изабеллы Висконти к святому Марку в Венеции, которое было настолько удачно, что при своем возвращении прекрасная дама должна была отравить своего супруга, чтобы защитить его уши от сплетников? – после краткого раздумья спросил Цезарь.

– Нет. Ведь за донной Лукрецией следит строгий доминиканец, – ответил Мигуэлото, – а это – такой человек, который может обуздать Венеру и готов обвинить Диану.

– Ах, доминиканец! Если бы я мог предположить, что Лукреция так высоко ставит Орсини и для его спасения послала монаха, то никакая политика не удержала бы меня, чтобы пощадить его, – сказал Борджиа. – Мне необходимо пролить свет в этом деле. А пока... Но вот они въезжают на мост, мы должны решить, что нам делать.

Предоставим на время итальянского полководца и его наперсника своим размышлениям и присоединимся к конному отряду в долине. Отряд только что переправился через реку, и Бембо в поэтическом экстазе процитировал и тут же перевел своим не понимающим латыни слушателям:

– Смотрите, вот возвышается снежок, покрытый Соракте! – И указал рукой на гору, громадным валом вздымавшуюся на горизонте.

– Святой Орест! – повторили все, и мгновенно обнажились все головы перед воображаемым святым.

– Нет, нет, братия! – промолвил озадаченный Бембо. – Впрочем, все равно, судя по коротким теням деревьев, теперь должен быть полдень, час молитвы Пресвятой Богородице против турок, и мы помолимся вместе.

С этими словами он остановил своего мула, сложил руки и, возведя очи к горячему синему небу, зашептал молитвы Пресвятой Деве, прося у нее защиты не только от турок, но от всех врагов, дальних и ближних, к которым он про себя от всей души присоединял всю династию Борджиа.

– Итак, благословясь, дита, смелей вперед!.. Я твердо верю, что в лице нашем или моих спутников, благочестивых паломников, никакой обиды не будет нанесено святой церкви!

В это время приблизился Мигуэлото. Он уже избавился от своего седока и с большой дороги повернул отряд в сторону, в печальную вулканическую местность, где на больших расстояниях на высоких, как казалось, почти недоступных, вершинах гнездились города и монастыри. Волнистая горная цепь, залитая горячим солнцем, закрывала вид со всех сторон.

Роскошная растительность, покрывавшая болото, скрывала бездонные глубины, которые выдавали исходившие из них сернистые испарения. Непрерывное кваканье лягушек и крики водяных курочек разоблачали эту предательскую роскошь. Наконец, исчезло и это обманчивое великолепие, и перед путниками простиралась черная, покрытая лавой равнина. Затем пошел темный лес, покрывавший спереди склоны горы.

Вид этой местности был не таков, чтобы могли рассеяться опасения Орсини, и, казалось, самому Макиавелли было не по себе, потому что он предложил снова ехать в Рим прямым путем. Но непродолжительное совещание с Мигуэлото успокоило его опасения, и рыцарский отряд вступил в лес, круто поднимавшийся среди высоких утесов. Когда путешественники перебрались через вершину на другую сторону и стали спускаться, дорога была обрамлена дубами необъятной величины и на каждом двенадцатом дереве висел человеческий труп. Судя по одежде, несчастные были крепостными какого-нибудь дворянина, которому вздумалось пометить их крестом на руке.

Шут снова присоединился к Мигуэлото, ехавшему теперь впереди отряда. Окинув равнодушным взглядом трупы повешенных, отравлявших воздух гниением, он спросил, кем и за что они повешены.

– Доном Ремиро из любви к Колонна! – злорадно ответил полковник из Ронсильоне. – Там находится крепость Агапита Колонна, которую он, вопреки приказу подесты и вашему положительному решению, снабдил жизненными припасами и вассалами. Но вместо того, чтобы начать безопасное и легкое обложение, подеста уведомил его, что до тех пор, пока Колонна не согласится сдать крепость, он каждый день будет вешать одного из его крепостных, пока не останется ни одной живой души. И вот результаты. А Агапит не сдастся, и бог знает, когда этому будет конец.

– Какой же негодяй этот Ремиро! Он щадит замок только потому, что Агапит – родственник его жены! – с жаром воскликнул Цезарь. – Я скорее простил бы ему, если бы он отправил на тот свет сотню дворян, чем убийство этих рабов! Какая польза мне от этих трупов?

– Подеста – настоящий кровожадный тиран! – сказал Мигуэлото.

– Это верно, – подтвердил Цезарь, – и, прежде чем лишиться такого драгоценного оружия, я должен убедиться в его измене! Твой замысел слишком ясен, мой Мигуэлото, но не воображай, что я поставлю тебя подестой на его место. Ты мне нужен для других целей. Я хочу управлять народом таким образом, чтобы он преисполнился особой любовью ко мне. Но ты, кажется, говорил мне, что Ремиро при помощи почтовых голубей вел изменническую переписку с моими врагами в Риме?

Мигуэлото вытянул свою сухую шею, чтобы посмотреть, нет ли кого поблизости, и затем тихонько ответил:

– Нет, благородный господин. Я говорил, что он сообщался со своей прекрасной женой, Беатрисой Колонна.

– Лишь только ты дашь знать дону Ремиро, что я прошу его впредь до моих дальнейших распоряжений охранять Орсини и что я тайно уехал в Рим, он, если он действительно – предатель, каким я по твоим речам должен считать его, несомненно отправит с этими новостями своих голубей, сказал Цезарь. – И вот, когда ты тайно доставишь меня в крепость, я выберусь в башню ветров и стану со своим соколом Горобеком, который никогда не упускает своей добычи, ждать отправки доном Ремиро голубя. Ты ведь хорошо ходил за ним?

Даже Мигуэлото испугался этого коварного и злобного намерения. Но у него не оставалось времени отговаривать Цезаря, если бы он даже захотел. Пушечный выстрел внезапно разбудил дремавшее озеро, к зеркальной поверхности которого они спускались. Направление выстрела и дым, поднявшийся в тихом вечернем воздухе, указывали, что их приближение было замечено из крепости и их желали встретить с необыкновенным почетом. Это убеждение усилилось, когда при входе в узкую долину появилась группа мужчин, которые, по-видимому, ожидали путников. Цезарь обменялся еще несколькими словами со своим полковником и затем фантастическими прыжками исчез из вида.

Дон Мигуэлото выехал вперед и вскоре достиг ожидавшей их группы, состоявшей из таких же испанских солдат, как и отряд Мигуэлото. Впереди на белоснежном муле, в мантии и шапочке доктора права, в длинной золотой цепи, указывавшей в нем подесту, ехал худощавый сгорбленный человек. Его лицо от забот и дум было изборождено морщинами. Длинные седые волосы, серьезное, озабоченное лицо, сумрачный и беспокойный взгляд – таковы были отличительные признаки безжалостного губернатора Романьи, дона Ремиро.

Мигуэлото выразил подесте желание поговорить с ним наедине, и они поскакали вместе в долину.

Подеста был, очевидно, одурачен известием, принесенным ему ночью африканским скороходом, и с удивлением и страхом слушал теперь, что переодетый герцог соединился с Мигуэлото близ Нарни и приказал ему немедленно принять меры к освобождению синьора Паоло Орсини и что его светлость, узнав дурные новости из Милана, нисколько не сердился на подесту за препятствия, которые тот устроил ему на пути к устранению изменника, но

считал необходимым до тех пор задержать Орсини, пока он не убедится, как обстоят дела в Риме, куда он и отправился тайком сам. Поэтому подеста должен был задержать Паоло Орсини в Ронсильоне впредь до дальнейших приказаний, со всем почетом, но не спуская с него глаз.

Глава XI

В продолжение этого донесения черты лица подесты приняли свое обычное выражение. Его внутреннее беспокойство, правда, не улеглось, но привычка скрывать свои истинные чувства сделала свое. Потом Мигуэлото равнодушно прибавил, что герцог Цезарь устроил таким образом, что один из его слуг, переодетый монахом, указал каким-то паломникам место, где был спрятан Орсини, и те освободили его. Это известие, по-видимому, устранило всякие сомнения в душе дона Ремиро, и он ответил, что повиновение приказам своего повелителя составляет его радость и обязанность. Но взор его устремился с пытливым недоверием на своего подчиненного, ненависть и честолюбие которого, вероятно, не составляли для него тайны.

Однако в это время приблизился весь отряд. Подеста обернулся и был немало изумлен, увидав такое многочисленное и знатное общество, но, лишь только он узнал Орсини, он слез со своего мула, чтобы приветствовать его. На эту вежливость римский дворянин немедленно ответил тем же. Они пешком пошли друг другу навстречу и, согласно церемониалу того времени, поцеловались в обе щеки. Подеста принял молодого Паоло с горячими приветствиями по поводу его освобождения из власти бандитов, которые, как он узнал, к своему величайшему огорчению, напали на него в пределах его округа и потребовали с него выкуп.

– Не стоит говорить об этом, – прервал его Орсини. – Наши черные банды покушались на самого императора. Но теперь я в безопасности под верной защитой моих спасителей, и притом не так легко сбиться с пути в Рим через Кампанию. Но, как я ни рад, дорогой подеста, видеть вас здоровым и невредимым, я, тем не менее, весьма сожалею, что вы заставляли меня сделать такой большой крюк, и, чтобы наверстать потерянное время, я вынужден сократить удовольствие нашего свидания, так как думаю провести эту ночь в Сутри или Непи.

– По длинным теням, лежащим от гор, вы можете видеть, благородный господин, что близок закат, – возразил Подеста решительно и строго. – Путь, которым вы намерены идти, проходит по болоту, лесам и пустынной местности. Ваши лошади измучены так же, как и лошади моих людей. Кроме того, синьор, у меня нет полномочий отпустить в Рим дворянина, о котором известно всему свету, что он восстал против церкви. Поэтому я должен униженно просить вашу милость остаться в Ронсильоне, пока я не получу от его святейшества необходимых указаний.

– Как, уважаемый подеста? Вы хотите насильно удержать меня, в то время как я везу в Рим мирный договор? – страстно воскликнул Орсини.

– Я должен исполнить свой долг, – с многозначительным видом заявил подеста, – и наступит время, когда ваша милость узнает, что я – ваш преданнейший и искреннейший друг, был им, есть и буду.

– И супруг одной из Колонна! – воскликнул Паоло.

– Колонна не любят Орсини, но других зато еще меньше! – возразил подеста, и приятное воспоминание о молодой жене заставляло его улыбнуться.

– Наш святой отец сам пригласил меня в Рим, а меня насильно засаживают в эти башни! Мои друзья помогут мне, и вам придется умертвить меня перед лицом всей Италии, так как все, что вы совершаете, она будет видеть глазами вот этого синьора, флорентийского посланника.

– Слава пресветлому сенату! – воскликнул подеста, склоняя свою обнаженную голову перед посланником. – Вашим спутникам я должен предложить такое же гостеприимство, – с замечательно просветлевшим лицом прибавил он. – И если правда, что вы приглашены его святейшеством, то чего же вам бояться незначительной задержки, пока я получу подтверждение из Рима?

– В таком случае, благородный подеста, дайте нам обещание, что синьор Паоло не будет разлучен с нами, его друзьями, и, когда мы покинем Ронсильоне, он будет сопровождать нас, – проговорил иоаннит.

Ремиро очень охотно дал свое согласие, а так как сопротивление было действительно невозможно, то путешественники были вынуждены удовольствоваться этой шаткой порукой.

Таким образом, подневольные гости стали подниматься к воротам крепости. На губах Макиавелли блуждала неопределенная улыбка, потому что и он не знал, что может случиться, но чувствовал, что должно было произойти несчастье.

Размеры и мощь этой крепости стали заметны только теперь, когда из-за утесов стали выступать во всех направлениях многочисленные башни и зубцы. Ее можно было считать крепостью вдвойне, так как за первым кольцом готических укреплений возвышалось строение в сарацинском стиле из белого камня, посередине которого стояла высокая круглая башня с подковообразными бойницами, называвшаяся башней ветров.

Но внутри крепости везде можно было наткнуться на новшества, являвшиеся результатом требований времени, так как даже укрепление мрачных Борджиа проявляло повсюду следы роскоши и любви к искусству, пробудившейся в Италии. Комнаты, отведенные гостям, были поистине великолепны, а большой зал, где вскоре после их прибытия был устроен обед, был украшен мастерскими живописными фресками. Столовые приборы были из серебра, и среди них можно было уже заметить однозубые вилки.

Рыцари отказались снять оружие, отговариваясь тем, что, согласно данному обету, они должны были все время находиться в полном вооружении. Бембо с удовольствием заметил, что английских солдат угощали в том же зале, за отдельным столом. В этом он видел доказательство того, что сейчас по отношению к ним не замышлялось никакого предательства, его эпикурейское сердце было преисполнено радостных ожиданий превосходного обеда.

Стол, наконец, был, по-видимому, совсем накрыт, зажаренный целиком дикий кабан, роскошные окорока, громадные паштеты, обложенные со всех сторон дичью, всевозможные рыбы и на первом плане громадный жареный журавль – это были главные блюда. Отсутствовал только сам хозяин, который, по словам Мигуэлото, отправился в свои покои, чтобы написать несколько писем. Бембо с голодной жадностью глядел на стол и затем, со вздохом, перевел свой взор на озеро, серебрившееся за окном. Он вспомнил о старинном предании, утверждавшем, что на дне озера покоится большой город, как вдруг его взгляд упал на голубя, вылетевшего из одной башни с чем-то белым на шее. Сначала он летел в прямом направлении на юг, затем вдруг его полет изменился, он стал описывать круги и опустился к озеру.

Бембо с любопытством взглянул наверх и заметил сокола, в беспредельной вышине казавшегося крошечной черной точкой. Но сокол опускался все ниже и ниже, и голубь, словно предчувствуя неминуемую гибель, сделал последнюю попытку ускользнуть от страшного врага и взлетел ввысь. В ту же минуту хищные когти впились в его трепетавшее тело.

Бембо не успел посмотреть, что произошло с несчастной птицей дальше, в зал вошел давно ожидаемый подеста. На его лице был написан такой ужасный гнев, что это снова наполнило душу Бембо всякими опасениями.

– Кто это, Мигуэлото, позволил себе без моего разрешения выпустить сокола герцога? – в сердцах воскликнул он. – Благодаря соколу, вылетевшему сейчас из башни ветров, я потерял лучшего из моих почтовых голубей, и письмо, отправленное мною жене, теперь, наверное, пропало.

– Это Угуччоне. Я уже не раз предупреждал его, – ответил Мигуэлото. – И соколы слишком хорошо выдрессированы и ни один из них не растерзает голубя, поэтому ваше письмо, несомненно, цело.

– Пойди и немедленно приведи негодяя ко мне, – приказал подеста. Клянусь небом, если он сделал это, я сейчас же прикажу повесить его в предупреждение таким любопытным канальям, с которыми сладу нет!

Мигуэлото удалился, по-видимому, не без удовольствия, и подеста, овладев собой, предложил гостям садиться за стол. Прошло несколько минут, и хотя подеста был все еще взволнован, гости не обращали на это внимания и отдавали должное прекрасным кушаньям. Орсини ел только те кушанья, которые ставились перед хозяином.

Еще никто не успел попробовать журавля, как снова вернулся Мигуэлото. Его от природы лукавое и одновременно угрюмое лицо так ясно выражало сейчас злобное удовольствие, что ребенок не мог бы ошибиться в нем. В руках у него было распечатанное письмо, которое он подал дону Ремиро.

– Это сделал не помощник сокольников, как я думал, с дьявольской усмешкой сказал он, а какой-то парень, он явился недавно в крепость и выпустил герцогского сокола. Я застал его как раз за чтением вашего письма синьоре донне Беатрисе, вашей благородной супруге.

– Моей жене? В таком случае, ты также прочитал его, Мигуэлото? – воскликнул подеста, бледнея.

– Вашей милости должно быть известно, что в монашеском искусстве я – такой же неуч, как монах – в военном! – возразил Мигуэлото.

– Да, ты часто признавался мне в этом, – промолвил подеста, тяжело дыша, словно с души у него спала большая тяжесть. Но разве этот любопытный негодяй не прочитал его тебе?

– Клянусь небом, у него не было времени для этого! – ответил Мигуэлото.

– Как, мой превосходный, мой верный Мигуэлото? Разве ты в благородном негодовании на его наглость не воткнул ему кинжал в грудь? – быстро спросил дон Ремиро.

– Я немедленно арестовал его, но считал своим долгом подождать приговора вашей милости.

– Где ты оставил его, с кем? Тащите его сейчас же на ближайшее дерево! Это несомненно – шпион наших врагов, иначе почему он стал бы читать мои письма?

– Он свободный, ваша милость, и, как таковой, должен быть сначала судим и осужден согласно тем самым законам римского короля, на которые вы так часто ссылались, – возразил Мигуэлото, радуясь затруднительному положению своего начальника.

– Не давайте никому говорить с ним, приведите его связанным сюда. Я быстро вынесу ему свой приговор, – гневно промолвил дон Ремиро.

– Он здесь, за дверями. Вашей милости нет надобности надолго прерывать обед, – ответил Мигуэлото, поспешно направляясь к двери и настежь распахивая ее.

Испуганные взоры пирующих упали на блестящие доспехи и копья стражи флорентийского посла, быстро вступившей в зал. Словно по команде, ряды ее вдруг разомкнулись, и из середины твердым шагом, с пылающим гневом очами, раздувающимися ноздрями и бледным от бешенства лицом, вышел Цезарь Борджиа!

Его неожиданное появление, ужасный взгляд, его черные как смоль волосы, змейками выбивавшиеся из-под белой меховой шапочки, даже его платье черного бархата, сверкавшее драгоценными камнями, – все могло наводить ужас даже на тех, кто не имел никаких оснований бояться его. Дон Ремиро стоял бледный и неподвижный как статуя, рыцари вскочили со своих мест, схватившись за мечи, а Бембо творил молитвы и заклинания.

– А, подеста! Меня за мою нескромность вы хотели приговорить к повешению! Какого же наказания заслуживает тогда *измена*? – загремел страшный полководец и, мгновенно

переменив тон на самый вежливый и любезный, обратился к гостям: – Не обращайтесь на это внимания, благородные рыцари, и ты, мой дорогой друг и брат Орсини. Только помогите мне определить, какому наказанию подлежит этот неблагодарный изменник, не только пытающийся раздуть пламя междоусобной войны, которое мы всеми силами стараемся погасить, но еще стремящийся замарать мое доброе имя обвинением в позорнейшем предательстве, возбудить против меня все человечество и даже посеять вражду, подозрение и ненависть между отцом и сыном!

С этими словами он вырвал перехваченное письмо из рук трепетавшего подесты и громко прочел его своим недоумевающим слушателям.

Отправляя это письмо, дон Ремиро действительно поступал под влиянием злого рока. После нежных приветствий прекрасной супруге и горьких жалоб на продолжительную разлуку, он выражал надежду, что время их взаимного печального одиночества приходит к концу. Затем он уведомлял ее о прибытии Паоло Орсини со своими спутниками в Ронсильоне, описывал несчастье, случившееся с ним дорогой, и наказывал ей немедленно по получении письма поспешить в апостолический дворец, заявить пароль, по которому ее узнают там, добиться у папы тайной аудиенции и известить его об этом событии, прибавив, что он, подеста, знает, что все это было устроено герцогом Романьи для того, чтобы умертвить своего будущего зятя, и что, если не явится помощь, это намерение может осуществиться. Чтобы предотвратить это несчастье, папа должен послать подесте приказ немедленно доставить Орсини в Рим, но, чтобы войска и мятежный полковник в Ронсильоне не отказали в повиновении, дать посланному отряд немецких солдат и отряд из воинов Орсини и им же ради безопасности предоставить до их возвращения охрану Фламинских ворот.

Далее влюбленный Ремиро признавался жене, что он не может дольше жить без нее, а так как герцог начинает подозревать его в сношениях с папой и, кроме того, сам кровожаднее тигра, коварнее змеи, то он не намерен больше продолжать службу и потому просит ее прислать ему три больших ширококолесных экипажа, чтобы он мог отправить к ней свое имущество и сокровища, прежде чем явится тиран. Среди последних находится ожерелье из жемчуга величиной с голубиное яйцо, конфискованное у одной дамы из Монтефельтро, которая хвасталась, что она может предсказывать будущее и пророчила близкую гибель подесты, и он надеется вскоре увидеть это украшение на самой прелестной шейке на свете.

– Ну, господа почтенные рыцари, как вы думаете, ошиблась ли эта дама с жемчугами и голубиное яйцо? – с ужасным смехом проговорил Цезарь, прочитав письмо до конца.

– Если в своем любовном излиянии дон Ремиро высказал правду, за что же тогда карать его, герцог? – спросил иоаннит.

Вместо того чтобы прийти от этих слов в ярость, как опасался Бембо, Цезарь прерывающимся от воображаемого огорчения голосом, с глазами, полными слез, разразился трогательными жалобами на суровую судьбу, которая позволила обвинять его в таком страшном преступлении.

– И вы, Паоло, вы также не доверяете мне? Иначе почему вы решили ехать *тайно* по моей области? – с упреком проговорил он, почти обманув этим Орсини. – Но хвала Пресвятой Богородице, у меня есть превосходный ответ на клевету моих врагов! Разве вы здесь не в моей власти, не окружены моими верными солдатами, не в моем крепком замке, который Орсини и немецкие солдаты могут безуспешно осаждать годами? Ну хорошо!.. Тебе, Паоло, я предлагаю полнейшее, безграничное подтверждение всех условий мира, решенных нами в Имоле, а вам всем, господа, я говорю добро пожаловать, предоставляю вам верное убежище и хорошее угощение, а завтра с рассветом мы все отправимся в Рим, где вы должны будете разделить все почести, какими намеревается засыпать меня великодушное правительство.

При этих словах он с напускным воодушевлением протянул Орсини руку, а тот несколько мгновений недоверчиво смотрел на него.

– Итак, вы согласны утвердить наш союз этим, так часто предлагавшимся образом? – ответил он. – Скажите «да», Цезарь, исполните свое обещание отпустить нас, и мои сомнения рассеются навсегда!

– По этому пункту должны вынести решение сама донна Лукреция и ваше счастье в любви, – спокойно произнес Цезарь.

– Но вы не станете, по крайней мере, употреблять свое влияние в пользу принца Феррарского? – все еще недоверчиво спросил Орсини.

– Ха-ха! Что вы думаете!.. Но мы забыли тайного советника нашего святого отца. Убери его, Мигуэлото!

– Сжальтесь, мой повелитель, мой высокий, победоносный государь! Сжальтесь над несчастным преступником! – закричал подеста, бросаясь на колени.

– Сжалиться над тобой, безжалостный изменник? – сказал Цезарь, отталкивая несчастного ногой, когда тот пытался обнять его колени.

Мигуэлото подскочил и ухватил подесту за его меховую мантию. Но в это мгновение вмешался Орсини.

– Как ни подло, предательски и неблагодарно поступил перед вами этот человек, Цезарь, – обратился он, – я все же не могу забыть, что он принимал некоторое участие во мне, хотя бесцельное и ненужное. Я прошу вас, не карайте его, по крайней мере, смертью.

– Я почтительнейше прошу разрешения высказать свою точку зрения, всемилостивейший государь, – вступил Макиавелли, и видя, что его не прерывают, продолжал: – Я передал бы его связанным народу, которым он управлял, женам и детям тех рабов, которых мы видели висевшими на дубах...

– Да будет так, – радостно воскликнул Цезарь. – А когда они покончат с ним, пусть его труп распилят пополам и выставят на рынке, чтобы народ знал, что я не стерпел его жестокостей и не соглашался с ними!

При этом ужасном приговоре сознание покинуло несчастного Ремиро, и он упал на руки Мигуэлото. Воспоминания о жестокостях подесты, виденных незадолго перед тем, могло, вероятно, несколько умерить пыл его защитников. Тем временем Мигуэлото ухватился за свою жертву с хищностью дикого зверя, словно опасаясь, что ее могут отнять у него, и проворно вытащил Ремиро из зала.

Глава XII

Казалось, что только по окончании своего приговора Цезарь заметил присутствие флорентийского посланника. Он сердечно обнял его, проговорил:

– Итак, в счастливый час мы все сошлись вместе. Ваши высокие правители республики могут теперь убедиться, как неосновательно их подозрение, что мир с Орсини должен непременно заключать в себе угрозу для вашего государства. Вы сами должны будете подтвердить им истину! Мигуэль!.. Где он? Ах, да! Принесите мне мой стальной сундучок!

Несколько солдат бросились немедленно исполнять приказание, и вскоре возвратились с тяжелым ящиком, который иоаннит, как ему показалось, видел уже среди вещей Макиавелли. Вынув оттуда огромный пергамент, Цезарь стал громко и внятно читать его. Этот документ остается одним из самых замечательных памятников того бурного времени. Он возвращал, с некоторыми исключениями, разоренным вельможам-феодалам их прежнюю власть и права. Колонна также был включен в их число. При этом для церкви здесь была громадная выгода, не предусмотренная союзниками: она заключалась в их согласии на уступке папе всех предоставленных им императорами ленных поместий, при условии, что папа немедленно возвратит их им как свои. Договор предоставлял церкви все права верховной власти и среди них право принуждать ленников¹⁹ нести военную службу.

– Я согласен на эти условия... Но что я говорил. Разве имеет какое-либо значение мое согласие? Ведь я останусь незначительным герцогом! – с нарочитым смехом проговорил Цезарь.

– Без поручительства, без залога за точное соблюдение этого мира договор – не что иное, как бездушная кожа! – своим глубоким, строгим голосом произнес иоаннит и, обратив свой взгляд на Цезаря, прибавил: – Если ваш святейший отец так желает этого брака, то почему вы не даете торжественного обещания связать вашу любовь алмазными узами, соединив в браке наследника Орсини с дочерью Борджиа?

– Желает мессир Бембо, только что явившийся из Феррары, подписать этот прекрасный договор? – спросил Макиавелли, видимо обеспокоенный таким предложением. – Или, может быть, ваша светлость желает к чему-нибудь обязать себя, что будет не чем иным, как тираническим насилием над волей прекрасной Лукреции?

– Пока я находился во Флоренции, у синьора Паоло было время узнать ее расположение, – испытующим взором смотря на Орсини, ответил Цезарь. – Если ты действительно можешь уверить меня, брат, что она дала тебе надежду, тогда я сам сделаю то, чего требует этот воинственный миротворец.

Лицо Орсини омрачилось, между тем черты лица Цезаря в такой же степени прояснились.

– Я не принадлежу к тем неверным рыцарям, которые хвастаются ласками своих возлюбленных, я не заставляю дам краснеть, – с печальной улыбкой заявил Паоло. – Предоставим это времени, судьбе и огненному пламени страсти, которое может зажечь ответный огонь даже в мраморной статуе.

Цезарь ничего не ответил, но схватил поданное ему перо и неуклюжими буквами написал договор.

– А теперь давайте пировать! – весело воскликнул он. – Мигуэлото, а где Астор Манфреди, которого я в свой последний приезд сюда назначил своим кравчим?

¹⁹ Ленник – в Средние века владелец земельной собственности (лена), обязанный нести разные повинности тому, от кого получена земля.

– Я сейчас найду его, – ответил Мигуэлото. – Он редко выходит из своей комнаты, синьор.

– Скатите солдатам бочку моего лучшего сицилийского вина. Отправьте в Рим курьера, который возвестил бы о заключении этого прекрасного мира и о нашем предстоящем прибытии, и пошлите также к Вителли, в Болонью, а главным образом, к моему дорогому другу Джованни Франджипани в Фермо!

– Разве вы ничего не слышали, синьор, о том, что случилось с этим престарелым благородным дворянином? – боязливо промолвил Бембо. – Мы слыхали об этом во время пути из Феррары.

– Он, верно, так же мирно, как и жил, отправился наконец к праотцам? – спросил Макиавелли.

– Нет, он позорно и изменнически убит своим племянником, которого он с детства воспитывал и держал как родного сына! – сказал иоаннит. – Во время последнего перемирия он под предлогом навестить дядю приехал в Фермо и убил старика среди праздничного пиршества, которое тот устроил в честь его приезда!

– Оливеротто – твой друг и союзник, Орсини, и близкий родственник Вителли, – серьезно заметил Цезарь.

– Пусть он постарается сделать как можно больше добра народу, в противном случае ему не придется долго править в Фермо, – задумчиво проговорил Макиавелли.

В это время появился Мигуэлото. За ним несколько человек несли пурпурный, украшенный золотом балдахин, под которым подеста обыкновенно отправлял правосудие, и поставили его над Цезарем. Мигуэлото ввел, или – вернее – втащил, за собой жалкую фигуру, несчастный вид которой привлек внимание Бембо. Это был юноша не старше восемнадцати лет. Его лицо было когда-то положительно прекрасным, теперь же его опущенные глаза выражали полнейшее безумие. Его, очевидно, наскоро вымыли и одели, и роскошное платье висело на нем, как мешок. Тем не менее когда-то оно было ему впору и великолепно сидело на его прекрасной фигуре. Год назад в расцвете сил он защищал наследие своих отцов – Фаэнцу – против Цезаря Борджиа.

– У Юпитера нет более благородного кравчего, чем у меня! – произнес Цезарь, не замечая появления своего кравчего. – Мне доставляет удовольствие пользоваться услугами гордого мальчика. Из него вышел бы превосходный солдат. Эй, Мигуэлото, это что за привидение?

– Это – благородный Манфреди. По приказанию подесты, его держали в строгом заключении, так как дон Ремиро боялся, что он убежит.

– Как убежит, когда я дал слово употребить перед святым Отцом все свое влияние, чтобы снова возвратить ему его владения!

– Да, подеста опасался, что он убежит, чтобы начать войну против вашей светлости, – ответил Мигуэлото.

– Шесть месяцев очень изменили его, – с состраданием сказал Цезарь. – Уведите его, позаботьтесь о нем, я пришлю для него из Рима врачей. Но что это значит, Мигуэлото, что я не вижу среди вас ни одной женщины? Когда я был в последний раз в Ронсильоне, я видел их немало.

– Тот, кого распилили сегодня, в одно прекрасное утро рассудил их, благородный господин, – с отвратительным смехом ответил Мигуэлото. – На него находили такие припадки правосудия, как он их называл. Но о мертвых не следует говорить дурно! Только если ваша светлость желает, я возьму с собой дюжину копий и приволоку с рынка несколько самых красивых девушек.

– Если, герцог Цезарь, замышляется какое-либо насилие над женщинами, то как мои рыцарские обязанности, так и моя религия повелевают мне биться не на жизнь, а на смерть

с теми, кто это сделает! – воскликнул иоаннит, поднимаясь с места и хватаясь за рукоятку меча, готовый броситься на Мигуэлото.

– Мир вашей храбрости, благородный рыцарь! Я ведь сам принадлежу к благородному ордену рыцарства, рукой императора возведен в рыцари, и точно так же обязан защищать слабых, а что же может быть слабее женщины? – иронично проговорил Цезарь, играя золотыми украшениями ордена, висевшего у него на шее.

Затем по данному им знаку Мигуэлото моментально исчез с молодым Манфреди.

В продолжение всего последующего пира только иоаннит оставался пасмурным и молчаливым, почти не вмешивался в разговор и не притрагивался к пище. Казалось, он не мог забыть так быстро впечатления трагических сцен, свидетелями которых они были недавно, как его собрат, веселый добродушный англичанин, или не умел так ловко скрывать свои чувства, как Паоло Орсини. Однако в характере Цезаря было что-то волшебное, как только он начинал выказывать все свои богатые умственные способности и широту души, которым он находил такое ужасное применение. Для одного у него была наготове грубая шутка, для другого – глубокая философская мысль, игра фантазии и остроумия, вдохновение или незлая насмешка – словом, все сложные настроения богато одаренной человеческой натуры были, казалось, к его услугам.

Время было уже далеко за полночь, когда Мигуэлото позволил себе заметить, что было бы полезно удалиться на покой, так как герцог с гостями ранним утром намеревался отправиться в Рим. При этом предложении Орсини изменился в лице, что не ускользнуло от наблюдательного взора гостеприимного хозяина. Он не преминул иронически улыбнуться и произнес:

– В мои намерения вовсе не входит нарушать соглашение моего подесты, и если постели из душистого сена не будут роскошным ложем для вас, всю ночь ваши спасители будут рядом с вами. Этот зал мы превратим сейчас в спальню.

Орсини согласился. Несколько полунагих рабов внесли охапки благоухающего сена и постелили его на полу вдоль стен, для каждого отдельно. Единственным преимуществом для рыцарей и монахов было одеяло из медвежьей шкуры. Но решение Цезаря спать с ними вместе в зале, казавшееся таким благородным и полным доверия, отнимало у путников всякую возможность поделиться впечатлениями о событиях дня.

Глава XIII

После долгой, еще более тревожной для Орсини, чем накануне, ночи, забрезжил, наконец, долгожданный рассвет. Отслужили обедню, плотно позавтракали, и так как герцогу хотелось ехать так же, как и его гостям, то, не теряя понапрасну времени, все вскочили в седла, и еще задолго до полудня небольшой отряд покинул Ронсильоне. Дорогой он, как лавина, увеличивался от примыкавших к нему толп и принял довольно грозный вид.

Новые их спутники были большей частью незначительные дворяне со своими вассалами, ленники святого престола и, кроме того, отряды немецкой конницы. Цезарь был так занят приемом отдельных начальников и выслушиванием донесений, что его гости могли свободно беседовать друг с другом. Лебофор с добродушным благородством уже был готов составить о герцоге более благоприятное мнение и посмеивался над подозрениями Паоло, полагавшего, что так таинственно и внезапно исчезнувший шут был не кто иной, как сам Цезарь Борджиа. Во всяком случае, он не решался прямо высказать это и придавал своим словам оттенок недоверия. Но Бембо и иоаннит, казалось, вполне разделяли это мнение. Первый со страхом старался припомнить, что он говорил в картезианском монастыре, Орсини пытался убедить себя, что Цезарь никак не мог знать о заговоре против него, иначе бы он не остался равнодушным зрителем.

Они проехали необъятную равнину Кампаньи, по которой протекал мечтательный Тибр. Нигде не было ни малейшего следа человеческого жилья! Только полуразрушенные памятники да колонны указывали направление Фламиниевой дороги.

Несмотря на значительные силы, Цезарь не пошел прямо через Кампанью, так как тогда им бы пришлось проходить мимо замка Монтерози, принадлежавшего к партии Колонна. Поэтому они оставили Непи вправо и въехали в бесконечный старый густой и тенистый лес. Невыносимый полуденный жар, царивший в долине, в лесу сменился приятной свежей прохладой. Внезапно среди расступившихся деревьев показалось пустынное черное болото с островками пышной растительности. Стадо буйволов, пасшихся, как обыкновенно, на некотором расстоянии друг от друга или валявшихся в грязном болоте, было единственным, что напоминало о кипевшей здесь некогда жизни. Цезарь при виде животных отдал приказ убить несколько штук. Для этой цели отрядили несколько человек копьеносцев, и они громким криком и остриями копий погнали стадо к лесу, где Цезарь должен был ждать их с отрядом избранных конных стрелков. При свирепости и невероятной силе этих животных первая часть предприятия была сопряжена с немалой опасностью, и это заставило сира Реджинальда примкнуть к загонщикам. Иоаннит не обнаружил большого интереса к охоте, но, чтобы не оставаться с Цезарем, спокойным шагом последовал за копьеносцами.

Чтобы не спугнуть стадо преждевременно, охотники пошли в обход через лес, окружавший болото, и иоаннит, следуя за ними в след их подков, достиг одного места, где с изумлением остановил лошадь. Лес спускался в одну из тех глубоких лощин, откуда поднимаются скалы, на которых построено большинство городов Кампаньи. На некотором отдалении на вершине противоположной горы живописно раскинулся обнесенный стеной город, увенчанный сильной крепостью. Окружающие его поля были прекрасно обработаны, гора покрыта виноградниками и оливковыми деревьями, а долина волновалась богатыми нивами и роскошными зелеными лугами. Казалось, Церера высыпала в эту счастливую местность весь рог изобилия. Над всем царили такой мир и покой, что иоаннит не мог объяснить себе присутствие этого оазиса в опустошенной области.

Очарованный видом, он решил, что эта местность принадлежит какому-нибудь монастырю, святость которого охраняла его владения от опустошения. Предположение подкреплялось еще более зрелищем, которое он мог наблюдать в долине. На опушке сосновой и

кипарисовой рощи возвышался высокий готический алтарь, построенный над источником и увенчанный крестом, который с тоской обняла коленопреклоненная дева, а какой-то святой в монашеской одежде старался утешить ее, указывая на небо. Вода источника вытекала из львиных голов, венчавших полукруглые ступени. На верхней ступени стоял доминиканец и горячо проповедовал что-то собравшимся богомольцам. Алтарь был окружен многочисленными группами крестьян в грубой, но живописной одежде. На загорелых лицах видно было религиозное воодушевление. Среди них находилось немало паломников, которых можно было узнать по розмариновым веткам. Под деревьями стояло несколько солдат.

Главная же группа окружала даму, по-видимому, очень знатного происхождения, она сидела напротив проповедника в золоченом кресле, а несколько священников, принадлежавших, судя по их пышному облачению, к высшему духовенству, с епископом во главе, стояли неподалеку от нее. На небольшом расстоянии находились носилки из пурпурно-красного шелка на золоченых столбах.

Со своего наблюдательного пункта, несмотря на отдаленность, иоаннит мог видеть то царственное достоинство, с каким дама сидела в кресле. Его любопытство усилилось, когда он заметил, что, при всем окружавшем ее блеске, на даме было платье из грубейшего холста, которое, тем не менее, не могло скрыть красоту ее фигуры. Ее ноги были босы, а грубый черный шерстяной ковер еще более выделял их мраморную белизну. Длинные локоны распущенных золотистых волос шелковистыми прядями ниспадали на ее тело и вместе с рукой, на которую она в религиозном экстазе склонила голову, почти совсем закрывали ее лицо.

Зрелище было тем замечательное, что алтарь был украшен по-праздничному, причем на каждом выступе, на каждом украшении висели цветочные гирлянды. Рыцарь увидел перед собой извилистую дорогу, ведущую вниз. Движимый любопытством, он незаметно для себя поехал по ней, как вдруг услышал позади себя треск и громкий крик. Он обернулся и увидел громадного черного буйвола, который, высоко задрав хвост, несясь с горы, между тем как Реджинальд с хохотом и криками галопом преследовал его. Он, конечно, не подозревал, что позади него было все стадо, которое, спасаясь от загонщиков, неслоь вслед за своим быком. Иоаннит сразу понял, какой страшной опасности подвергаются погруженные в молитву богомольцы в долине. Пришпорив коня, он с криком: «Буйволы, Буйволы!», поскакал по дороге.

В толпе произошло страшное замешательство, в особенности когда вооруженный всадник не сумел удержать скачущую лошадь, обогнул алтарь и за ним показалось несшееся в бешенстве животное. Крестьяне в паническом ужасе бросились в разные стороны. Паломники, рабы и священники, не помня себя, кинулись в бегство, и только монах, говоривший проповедь, остался на месте. Остановив, наконец, лошадь, иоаннит увидел, что безоружный монах стоял перед креслом, с которого поднялась дама и бледная, словно презирав постыдное бегство, звала на помощь то Святую Деву, то своих вассалов. Сообразив, что буйвол в своем безумном беге стремился прямо на нее, что от неминуемой гибели ее защищала только тощая фигура монаха, иоаннит на своем могучем коне бросился между чудовищем и покинутой группой.

Буйвол был необъятной величины и силы. Это был африканский бык самой крупной породы, покрытый черной шерстью, с маленькими глазами, налитыми кровью, он несясь как лавина с горы. Навстречу ему устремился иоаннит, но вовсе не с безумным намерением принять на себя его разъяренный удар. С ловкостью, редкой даже для итальянских наездников, искушенных в битвах, он повернул громко ржавшую лошадь и, выждав момент, когда буйвол несясь мимо него, с неимоверной силой направил свою секиру в шею быка, как раз в то место, где позвонок соединялся с мозгом. Буйвол зашатался, и в то же мгновение в его широкую спину вонзилось копьё Реджинальда, который скакал с такой стремительностью, что его оружие расщепилось и он сам перелетел через спину буйвола. Но копьё пронзило

чудовище, и со страшным ревом, от которого, казалось, задрожала земля, оно свалилось на землю. Стадо, следовавшее за ним, при этом реве вдруг остановило свой бег и, охваченное паническим ужасом, повернуло назад.

Реджинальд, не чувствуя после падения боли, вскочил на ноги и бросился на помощь к своему собрату по оружию. Но он увидел, что тот соскочил с лошади и с водой в руках побежал к даме, которую доминиканец вместе с креслом поспешно втащил по ступеням, где она упала в обморок.

Монах, стоя на коленях, держал в руках ее голову и тщетно тер ей лоб, но даже в это мгновение, когда она бледная и безжизненная, словно мраморная статуя, лежала перед ним, ее необыкновенная красота приводила иоаннита в восхищение и изумление. Ее грубая холщовая одежда, пришедшая в беспорядок, еще яснее подчеркивала ее красоту, а роскошные очертания ее форм и белоснежная нежность ее лица пробуждали фантазию рыцаря, будили неясные грезы. Он откинул свой капюшон и, склонясь над прелестной фигурой дамы, был так занят приведением ее в чувство, будто он был Пигмалионом, старавшимся оживить холодный мрамор. Монах изо всех сил помогал ему, и Реджинальд поспешно вскочил на лошадь, чтобы привести Бембо, обладавшего большими познаниями в медицине.

И возвращение жизни в тело прекрасной кающейся как две капли воды походило на оживление знаменитой статуи. На бледных щеках появился нежный румянец, открылись большие, влажные темно-синие глаза с длинными ресницами, и горячий блеск их, загоревшийся при встрече с обычно суровым, но теперь почти женственно нежным взглядом очей иоаннита, показал, что сознание вернулось к ней. Грациозным жестом стыдливой нимфы, застигнутой при купании, она прикрыла своим платьем шею, прошептала несколько бессвязных слов благодарности и с усилием приподнялась на руках доминиканца. Ее взор упал на чудовище, лежавшее в луже крови, а затем, с удивлением и горячей благодарностью взглянув на рыцаря, она прошептала:

– Синьор, вы не ранены?

Тон ее вопроса выдавал, что все свои заботы она перенесла с себя на него. Это, казалось, зажгло бурный пламень в груди иоаннита – принца Альфонсо д’Эсте.

– Нет, благородная дама, со мной все в порядке, если не считать страха, что человечество могло лишиться дивной красоты, – ответил иоаннит, который мог, по-видимому, быть любезным, когда хотел.

– А мои бедные вассалы и добрый епископ со своей свитой, где они? – со слабой улыбкой обратилась дама к монаху.

– Они предоставили вас, дочь моя, вашей судьбе, предоставьте же их своей! Впрочем, они все в безопасности, – ответил монах. – Но садитесь в свои носилки, потому что едут люди, которые, кто бы они ни были, не должны видеть вас в этой одежде, хоть вы и носите ее для совершения святой епитимьи.

Дама покраснела еще больше и уселась в кресло, между тем как доминиканец сбегал вниз и приказал народу, который вернулся, вооруженный камнями и дубинами, поднять носилки, брошенные носильщиками на землю. Сам же он с поразительной быстротой поднялся по ступеням и подал кающейся роскошный плащ.

Едва она успела накинуть его поверх своей грубой одежды, как сверху галопом прискакал отряд воинов. Среди них находились Цезарь, Паоло, флорентийский посланник и Бембо, которого потащил за собой Лебофор, не обращая внимания на мучительную тряску, испытываемую им на муле.

Казалось, воинственная лавина привела кающуюся в беспредельный ужас. Со страхом и недоверием, захватившими даже ее спасителя, она приподнялась в кресле, но силы оставили ее, и она упала бы, если бы иоаннит не удержал ее в своих объятиях. Молящим взором она взглянула на сурового воина, на что он ответил выражением беспредельного восхище-

ния и сердечного участия, и все, увидев их в этом положении, должны были согласиться в душе с поэтическим восклицанием Бембо:

– Марс и Венера!

Но не успел Бембо слезть с мула, чтобы оказать свои услуги, как Цезарь уже соскочил с коня, взлетел по ступенькам и с диким ужасом закричал:

– Лукреция! Сестра моя, дорогая сестра моя, ты ранена?

Лишь только Цезарь произнес это роковое имя и его жгучие взоры, в которых вихрем проносились всевозможные чувства, упали на красавицу и на иоаннита, последний высвободил руку и отошел в сторону. Лукреция бросила на него изумленный взгляд, побледнела и затем снова покраснела, не только до корней волос, а всем телом. Трудно было не понять выражения, хотя и мимолетного, ужаса, отвращения и даже страха, появившихся на благородном и серьезном лице иоаннита. Однако вслед за испугом и изумлением на Лукрецию, казалось, налетел рой мыслей. Ее прекрасное лицо горело и сияло всевозможными выражениями. Затем она снова побледнела и упала в кресло, словно опять потеряла сознание.

Все стали тесниться, чтобы оказать ей помощь, но Цезарь серьезным голосом отдал приказ, чтобы никто не смел подниматься по ступеням, кроме Бембо. Бембо взял оброненную паломником ветвь розмарина и, растирая ее руками, давал Лукреции нюхать сильный запах. Благотворное действие не замедлило сказаться. Лукреция протянула монаху руку, промолвив слабым голосом:

– Уведите меня отсюда, отец мой. Я нездорова!

– Разве ты не узнаешь меня, Лукреция? Я – твой брат, Цезарь! – воскликнул герцог тоном униженного смирения, совсем необычного для него.

– Цезарь? Мой брат? Да, действительно! – ответила Лукреция, без посторонней помощи поднимаясь с места. – Добро пожаловать, брат! Я здорова, совсем здорова, благородный государь, ничуть не ранена. Что угодно здесь вам и вашим солдатам? Знаете ли вы, что своим присутствием вы нарушаете грамоту вольности, которую я получила от его святейшества? Зачем наш мирный праздник нарушен таким образом вашими вооруженными воинами?

– Не волнуйтесь, дочь моя! Опомнитесь! Герцог ведь случайно попал сюда. Солдаты принадлежат вашему брату, – уговаривал ее доминиканец.

– Простите меня, страх совсем лишил меня рассудка! – заливаясь слезами, ответила Лукреция и с истерическим смехом прибавила: – Нет, нет, нам нечего опасаться нападения нашего брата на наше новое владение! Добро пожаловать, синьор!.. Приветствую вас на родной земле и поздравляю с победами!

– Простите меня, моя прекрасная сестра!.. Как я мог предполагать, что здесь, в Непи, я охочусь в *вашей* области, когда вы ничего не сообщали мне о своих делах? – сказал Цезарь с кажущейся беззаботностью. – Но здесь есть некто, для которого, вероятно, найдется у вас более теплый привет, а именно, синьор Паоло Орсини!

Он обернулся и легким, почти презрительным жестом указал на молодого римлянина, который, побледнев от волнения и трепеща всем телом, поднялся по ступенькам и преклонил перед Лукрецией колени.

– Синьор!.. Цезарь, это не по-дружески! – с гневным взором проговорила Лукреция и холодно протянула Орсини руку, которую тот страстно прижал к губам. – Я не в состоянии оказывать такой прием и с вашего разрешения отправлюсь в Непи, куда, к сожалению, не могу пригласить ваше вооруженное общество, потому что городу святейшим престолом даны некоторые привилегии при условии, что всем солдатам, не состоящим на службе повелителя, будет закрыт доступ в него.

– Но сначала, синьора, простите невежественного виновника этого несчастья, который лучше тысячу раз готов пожертвовать своей жизнью, чем хоть сколько-нибудь повредить

несравненной владычице здешних мест! – с горячим воодушевлением промолвил Лебофор, преклонив колено на самой нижней ступени.

– Прощение уже дано вам, прежде чем вы попросили его, и действительно, я думаю, вы ради нашей безопасности рисковали жизнью, благородный чужестранец, не меньше, чем этот храбрый рыцарь, – с достоинством произнесла Лукреция, бросив сияющий взор на иоаннита. – Но он, как истый великодушный благодетель, по-видимому, уже забыл, что он совершил.

– Благодарите случай, синьора, а не его слепое орудие, – с серьезным спокойствием сказал иоаннит. – Даже этот инок, безоружный, рисковал своей жизнью, защищая вас! Но если здесь и есть какая-либо заслуга, то припишите ее к счету синьора Орсини, вашего искреннего слуги и рыцаря, который с радостью готов всем пожертвовать для вас. Я же исполнил только свой долг, за который вы удостоиваете меня благодарности, да и то сделал это больше по необходимости, чем по доброй воле.

– Нет, благородный господин и светлейшая донна, мне думается, что только тот – настоящий рыцарь, кто совершает такие дела! – воскликнул Бембо, с восхищением взирая на знаменитую красавицу. – Поэтому мне кажется, что нет никого достойнее быть орлом солнца вашей красоты, чем этот храбрый и неустрашимый герой, мой дорогой друг, самый благородный рыцарь Феррары.

Взгляд Лукреции снова упал на иоаннита, и в ее и гордом и молящем взгляде было что-то неописуемо прекрасное. Губы ее дрогнули, и слезы затуманили огонь ее очей.

– Вы забываете мое одеяние, дорогой каноник, – с удвоенной строгостью ответил иоаннит. – Я – не менее монах, чем рыцарь – воин Христа, службу Которому я не должен осквернять ничем земным! Но здесь дело иное. Ведь если эта дама не жительница неба, что можно предположить по ее красоте, так за кого же мы должны считать ее?

– Ну, если бы в вашем лице сам голубой орел Эсте превратился в монаха, это было бы сказано слишком по-монашески! – пытливо глядя на рыцаря, произнес Макиавелли, намекая на герб герцогов Феррары.

– Макиавелли, величайший гений Италии, сердечно приветствую вас! – с внезапной живостью воскликнула Лукреция, когда флорентиец подошел к ней поцеловать руку, которую она дружески протянула ему.

В эту минуту раздался глубокий печальный голос доминиканца:

– Дочь моя, тебе не прилично в этой одежде кающейся показываться такому светскому обществу и не согласно с наложенной тобой на себя епитимьей. Носилки ждут тебя, и стража готова.

Все взоры обратились на него, хотя в его словах не было ничего особенного, но тон их был требователен и грозен. Художник увидел бы в этом старике прекрасную модель для апостола Павла.

– Но в Риме мы снова встретимся все, и там, рыцарь, сам святой отец будет благодарить вас за спасение жизни, которую он ценит больше, чем она стоит, – сказала Лукреция с подкупающей кротостью и прелестной улыбкой.

Иоаннит ответил молчаливым поклоном, краска гнева и стыда снова залила лицо Лукреции. Она поспешно спустилась по ступенькам к носилкам, у которых стояли солдаты.

Цезарь хотел было помочь сестре сесть, но она, словно не замечая его движения, протянула руку флорентийскому посланнику, и он почтительно усадил ее. Казалось, она хотела удалиться без дальнейшего прощания, но вдруг обернулась и еще раз с грацией и величием недоступной богини склонила вновь свою прелестную головку.

Однако среди всех голов в шлемах и перьях, почтительно склонившихся перед ней, ее беглый взгляд искал лишь статную фигуру иоаннита. Затем она опустилась на место. Сол-

даты, по данному монахом знаку, понесли носилки, и вскоре от прерванного праздника не осталось других свидетелей, кроме окровавленного буйвола и украшенного цветами алтаря.

– Ну и скупа же, шурин, на ласку сестрица! – проговорил Цезарь, дружески хлопнув замечтавшегося Паоло по плечу. – Клянусь ключами святого Петра, вы должны быть благодарны, что наш собрат по оружию – столько же монах, сколько рыцарь, а то он мог бы быть опасным соперником!

Паоло рассеянно улыбнулся, но его угрюмый взгляд с недоверием скользнул по иоанниту. Рыцари снова сели на коней, и, оставив в покое буйволов, весь отряд вновь направился в путь.

К общему удивлению, сир Реджинальд, обыкновенно такой живой и веселый, долго оставался задумчивым и молчаливым. Иоаннит же, напротив, сделался очень разговорчив, как будто хотел отогнать тревожившие его мысли. Он впервые завязал разговор с Цезарем и, казалось, находил особенное удовольствие в шумной веселости герцога, говорившего о последнем приключении и сравнивавшего его с подвигами древних паладинов, для которых сражение с чудовищами было делом обычным и нетрудным. Но, когда Бембо в своих поэтических хвалебных гимнах необыкновенной красоте Лукреции перешел всякие границы, когда даже Макиавелли присоединил свои довольно двусмысленные похвалы, Альфонсо снова впал в свою прежнюю серьезную задумчивость. Из равнодушия его вывело наконец замечание Орсини.

– Хорошо ли вы рассмотрели доминиканца, достопочтенный брат? – спросил он. – Походил ли он хоть немного на странствующего монаха, который навел вас на мой след?

– Мы не разглядели его лица, но его глубокий голос и его фигура навели и меня на эту мысль, – с глубоким вздохом ответил иоаннит.

– Тогда, Цезарь, я могу, пожалуй, льстить себя надеждой, что даже Лукреция не совсем равнодушна к моей судьбе. Еще же я вынужден предположить, что именно ее духовник встретился мне и предупреждал меня не идти через Апеннины, – проговорил Орсини, выходя из печальной задумчивости.

– Ну а так как вы это предупреждение оставили без внимания, то вероятно, моя же сестра послала бандитов, чтобы еще чувствительнее наказать вас за недоверие, брат Паоло! – с язвительной улыбкой ответил Цезарь. – Нет, уж предоставьте эту честь духу святого Гвидобальда, в противном случае доброго духовника пришлось бы считать плутом или дурачком, если он пускается на такие авантюры. Не пытайтесь разгадывать эту загадку, а то, чего доброго, вы придете к заключению, что моя сестра нарочно послала своего духовника с предупреждением для того, чтобы вы были подальше от нее.

Сир Реджинальд расхохотался, поняв намек, но далеко не так громко и весело, как раньше.

Скоро лес стал редеть, и путники снова очутились на открытой равнине Кампаньи. Солнце палило невероятно, и нигде не было местечка, чтобы укрыться от знойных его лучей. Вдруг Мигуэлото выехал вперед и отдал приказ остановиться, не объясняя причины. Однако вскоре она стала понятна. Блеск копий и знамен в тылу колонны возвестил о приближении другого воинского отряда.

Глава XIV

Остановка произошла на вершине холма. Вдали внезапно показались стены и башни Вечного города, а кругом лежала вулканическая и болотистая пустыня.

Путешественники обернулись и с опасением следили за приближающимся отрядом. Цезарь при остановке вынужден был развернуть свои ряды, противник тоже остановился, как будто только теперь заметив, что перед ними находятся очень значительные силы. Через несколько минут Цезарь отдал приказ Мигуэлото выехать навстречу незнакомцам с белым флагом и от имени герцога спросить их, кто они и что им надо. Но почти одновременно из противоположных рядов появился герольд в пестрой одежде, с серебряным жезлом и уверенно, как подобает его сану, поднялся на разделявшую их возвышенность. Цезарь выехал к нему, и герольд, сейчас же склонившись перед ним, обнажил голову и произнес ясно и четко:

– Могуущественнейший государь, или кто бы вы ни были, мой повелитель, Вителлоццо Вителли, господин Читта да Кастелло, благочестивый паломник на святой праздник великого юбилея, желает знать, кому он посылает свой мирный привет, дабы не встретить неудовольствия, если вы думаете иначе.

Среди слушателей немногие были довольны этим приветствием. Вителлоццо был главой могущественной фамилии Вителли, мятежных ленников святого престола, самых опасных и сильных благодаря тому, что их громадные владения помещались вне римских пределов. В союзе дворян против притязаний Александра VI Вителли представляли наибольшую опасность и были, кроме того, родственниками Орсини и, следовательно, изгнанных из Флоренции Медичи. С Медичи их объединяла еще ненависть, которую питал к флорентийцам глава фамилии за смерть брата, командовавшего на флорентийской службе наемными войсками, и казненным вследствие действительной или предполагаемой измены. Немецкая конница Вителлоццо была главной причиной поражения папских войск в битве при Браччиано, и с тех пор его гордость и высокомерие стали так велики, что он, по слухам, намеревался сместить Александра с папского престола.

Таков был паломник, который в сопровождении почти тысячи могучих всадников появился на пути в Рим на великий юбилейный праздник христианского мира.

Несмотря на неприятное ощущение от этого известия, Цезарь не задумался ни на минуту и, ничем не обнаруживая своих истинных чувств, воскликнул радостным голосом:

– Слышите, синьор Паоло? Наше счастье достигло своего апогея, и наш мир действительно будет написан алмазами, если благородный Вителли подпишет его, или, по крайней мере, приложит к нему свою печать, ведь, насколько мне помнится, он всегда хвалится, что не умеет писать. Но для чего на мирный праздник церкви он захватил такое большое войско?

– Предоставьте мне, герцог, спросить его об этом и заключить между вами братский и союзный договор! – сказал с готовностью Орсини.

– Союз и братство! Вителли – вассалы святого престола, а я – его полководец! – гордо произнес Цезарь, но, осмотрев еще раз многочисленные ряды противника, с веселой улыбкой прибавил: – Ну идите, дорогой брат, но не затягивайте слишком долго своих переговоров, а то солнце совсем изжарит нас.

– Ступайте вперед, герольд! – проговорил Орсини и, торжествующе и значительно посмотрев на Реджинальда, отправился вслед за вестником.

– Я не знаю, как мне быть, – едва слышно прошептал Цезарь наперснику, – у нас несомненное преимущество в численности, но я сомневаюсь, чтобы мы могли выдержать натиск этих светловолосых варваров. Кроме того, будет бесполезно показать его святейшеству, что мы, несмотря на все, можем еще оказывать государству некоторые услуги. Да и флорен-

тийцы пусть видят, что наша дружба – по меньшей мере – лед, который может сковать этот поток, чтобы он не смыл их.

В это время к нему подошел Макиавелли и с саркастическим и вместе с тем недовольным выражением проговорил:

– Ах, герцог, из вашего могущества вы сделаете детскую игрушку, если согласитесь, чтобы это вражеское войско соединилось в Риме с мятежными Орсини и другими дворянами!

– Успокойтесь, дорогой друг! Что я могу поделать? Мое же время может настать и настанет! Не силой убивают несущегося на вас быка! Разве вы не видите, что эти всадники – дикари с Эльбы и Дуная? Если мы будем побеждены, тогда Вителлоццо действительно может идти в Рим и – сохрани бог! – перед лицом всего христианского мира свергнуть нашего святого отца с престола!

– Паломники ни в коем случае не допустили бы до этого! Они собрались из отдаленных стран и не знают, чем можно было бы оправдать такое поношение Неба в лице Его земного наместника! – улыбаясь ответил Макиавелли.

– Поверьте, дорогой маэстро, я уступаю, как волна, гонимая ветром.

– Рослые ребята, что и говорить! – взглянув на всадников, снова начал Макиавелли. – Но почему вы не вербуете своих солдат в Англии? Там люди еще сильнее и крепче.

– Я уже думал об этом, но англичане – такой дикий и недисциплинированный народ, что ими не могут управлять даже их короли. Но смотрите, наш миротворец, наш влюбленный миротворец, кажется, выполнил свою миссию удачно, он направляется к нам вместе с великаном.

– Меня удивляет, как этот допотопный конь выдерживает его, – неудовольствие послышалось в голосе Макиавелли, когда огромная фигура Вителлоццо появилась невдалеке.

Необъятный полководец был почти семи футов роста и ехал верхом на таком же громадном коне. На его шлеме, более похожем на бочку, чем на головной убор, развевался черный султан из перьев.

Вителлоццо ехал за Орсини только в сопровождении двух копьеносцев. Отъехав на расстояние выстрела от своих всадников, он внезапно остановился, и его громкий голос донесся даже до Цезаря:

– Нет, клянусь святым Павлом, я не сделаю ни шага дальше, пока не увижу своими глазами, что здесь нет никакого подвоха!

Паоло, казалось, стал уговаривать его, но Цезарь, приказав Мигуэлото оставаться на месте, один выехал навстречу своему подозрительному гостю.

Это кажущееся доверие, по-видимому, больше подействовало на Вителлоццо, чем все красноречие Орсини.

– Добро пожаловать, благородный герцог! Клянусь душой, вы один?! – воскликнул он, словно не веря своим глазам.

– Я никогда не верю наполовину, Вителлоццо, – возразил герцог. – А вот мне сдается, что вы не особенно доверяете обещаниям нашего святого отца, если берете с собой на юбилей более тысячи копий.

– Наш святой отец обещал защищать только тех, кто сам не может защитить себя, – ответил Вителлоццо, снова принимая свое обычное грубое и упрямое выражение. – Кроме того, мы слышали о пленении разбойниками нашего дорогого друга Паоло, а не о его освобождении. Одним словом, мы хотели предоставить возможность и нашим болванам принять участие во всеобщем отпущении грехов. А уж как они нуждаются в нем, известно одному богу!

– Но после того, как я сообщил условия нашего договора, а храбрый Вителлоццо принял их, его боевые силы только увеличат ваше войско, Цезарь, – сказал Орсини.

– Пусть так! – ответил герцог с вежливым поклоном, словно не замечая нерешительного выражения на лице Вителлоццо.

Великан что-то неразборчиво промычал и затем прибавил:

– Но, как мы слышали, вместе с вами посланник флорентийской сволочи, а у меня – изгнанный князь – Пьетро ди Медичи!

Это известие повергло Цезаря в некоторое смущение.

– Так что же? Прекрасно! – после краткого размышления сказал он. – Пьетро – такой же паломник, как вы, и направляется в Рим, и как такового отец всего христианского мира может приветствовать его, не оскорбляя ни людей, ни государства.

В это время к ним приблизился высокий, статный рыцарь в полном вооружении, но без шлема. За ним следовал единственный оруженосец с синим знаменем, вышитым золотыми шарами – гербом Медичи. Случайно в эту же секунду к герцогу присоединился и Макиавелли, так что изгнанный князь и посланник республики встали лицом к лицу. Последовала короткая пауза.

– Мессир Никколо Макиавелли? – мягко произнес Медичи, ученый и храбрый муж? Я рад видеть вас.

– Я – *посланник* Флорентийской республики, синьор, – серьезным тоном ответил Макиавелли. – Но я точно так же рад видеть вас здесь.

– Хо-хо-хо, мессир Никколо, как понравилось вашим согражданам мое последнее посещение Вальдарно? – с мрачным хохотом спросил Вителлоццо.

– Настолько понравилось, что они вскоре ответят на него, – отвечал посланник.

– Я думаю, все казни египетские не могли бы лучше хозяйничать в стране, – продолжал великан.

– Ну нет, вы уж слишком стараетесь из-за одного! Тень вашего убитого брата должна уже быть теперь удовлетворена! – сказал Цезарь, нарочно вызывая это воспоминание в его памяти.

– Бывают, герцог, люди, которые кровь родного брата ценят так же, как купцы свои товары, – мрачно ответил Вителлоццо. – Имя своего брата я уже вписал на каждой пяди флорентийской земли, и надеюсь еще яснее написать его во Флоренции!

– Успокойся, успокойся, Вителло! – прервал Медичи своего недипломатичного союзника.

– Я не премину поставить об этом республику в известность, – заметил Макиавелли.

– И вы можете еще в таком случае прибавить, – дрожа от гнева, снова громко завопил великан, но Медичи снова перебил его:

– Нет, мой добрый Никколо, поезжайте лучше рядом со мной, и мы будем говорить о таких вещах, которые могли бы положить конец этой ужасной распре.

– Да, благородный господин, но, как мы видим, пилюли позолочены, – кидая насмешливый взгляд на знамя, сказал Макиавелли, – однако уверяю вас, что Флорентийская республика опять проглотит их!

– Господа, господа! – воскликнул Бембо, присоединяясь наконец к группе. – Когда же мы доберемся до Рима, если проболтаем здесь до захода солнца! Я думаю, не пойти ли вам всем вместе дальше, а будущее предоставить Господу нашему...

И так как всем было ясно, что дальнейшее не приведет к добру, все решили последовать его предложению. Цезарь, как будто не желая стеснять друзей своим присутствием, заявил, что поедет вперед в Рим в качестве их герольда, и, вернувшись к своему отряду, дал приказ трогаться в путь. Прошло несколько времени, прежде чем войско Вителлоццо последовало его примеру.

– Неужели ты думаешь, что я когда-нибудь стану терпеть надменное высокомерие этого быка в полном вооружении? – сказал Цезарь, заметив мрачный взор Макиавелли. – А

что касается Медичи, то я не забыл тот день, когда ездил во Флоренцию хлопотать за жизнь одного из моих слуг, нечаянно убившего в ссоре флорентийского гражданина? Отец был тогда простым кардиналом, только еще мечтавшим о папской тиаре, а Пьетро Медичи был в полном блеске счастья! Честное слово, Никколо, я целый день ожидал у него в прихожей вместе с его лакеями, а к вечеру он велел передать мне, что занят и не может принять меня! Занят, черт возьми! Тогда я уехал, предоставив своего беднягу-слугу его милосердию, а он приказал колесовать его! Колесовать моего самого верного слугу!

При этом воспоминании о перенесенном оскорблении, которое, как было известно, Цезарь никогда не простит, Макиавелли немного успокоился.

Между тем Рим со своими бесчисленными башнями и зубцами все яснее выступал в сверкающем воздухе. По равнине со всех сторон к городу то группами, то в одиночку тянулись благочестивые пилигримы всех сословий. Казалось, только узкая полоса Тибра отделяла Цезаря и его спутников от цели их путешествия.

– Рим! Рим, мой Никколо! – воскликнул Цезарь с воодушевлением, редко им выражаемым. – Вот она, развенчанная царица мира, которая возложит венец на главу рыцаря, когда тот вырвет его из подлых рук, сорвавших его с нее! Клянусь святым престолом, эти круглые стены со своими башнями кажутся мне громадной золотой короной, плавающей в воздухе!

– Не гробница ли это Нерона? – холодно спросил Маккиавелли, указывая на одинокую развалину.

– Да, и крепость Франджипани! Разве ты не видишь их знамени с преломленным хлебом? Но что означает эта толпа на мосту?

– Как будто это – какая-то процессия, окруженная народом, – ответил Макиавелли. – Но вот идут путешественники, которые, несомненно, объяснят нам все.

На мулах к ним приближались два человека, причем на одном были шапочка и облачение епископа. За ними следовало несколько рыцарей, богатое вооружение которых блистало золотом на солнце.

– Честное слово, это – мой друг Датарий, епископ Мадены и царь финансистов! – воскликнул Цезарь. – А рядом высокопарный дурак, Иоанн Страсбургский, церемониймейстер его святейшества. Если бы врата Царства Небесного были открыты для всего человечества только полчаса, он стал бы терпеливо ждать, пока очередь по старшинству не дошла бы до него.

Тем временем оба путника были так близко, что их можно было рассмотреть. Датарию было лет под шестьдесят. Он был небольшого роста, худощавый и сутуловатый, и удивительно походил лицом на лису. Другой был очень тучен, причем его широкое, плоское и жирное лицо сияло самодовольством и глупостью, составляя удивительный контраст с острыми чертами епископа. Это был Иоганн Бурхард, папский придворный, дневник которого сохранился до наших дней, подтверждая своим свидетельством некоторые невероятные подробности нашей правдивой истории.

– Бурхардо! – воскликнул Датарий, хлестнув своего мула. – Вон герцог!

– Не может быть! Без надлежащей свиты? – сказал церемониймейстер. – И впереди всего своего войска?

– Тем не менее это так. Во всей Италии нет таких других глаз, которые сияли бы так же, как эти, – ответил Датарий, понукая мула.

– Вам неприлично торопиться, ваше преосвященство! – сказал Бурхард.

– Каждому человеку, по крайней мере, умному человеку, при таком счастливом случае прилично показать свое усердие, – ответил епископ и остановился за шаг от того места, где стоял Цезарь с флорентийцем.

Последовала длинная процедура приветствий, и Датарий сообщил герцогу, что его святейшество повелел встретить его со всеми почестями и что на Понте Молле его ожидает процессия.

– Его святейшество приказал также устроить большую иллюминацию и пышные торжества, которые ваша светлость, надеюсь, извинит, принимая во внимание, как мало времени было для их организации, – напыщенно проговорил страсбургский декан. – Кроме того, я должен проводить вашу светлость во дворец Колонна, который его святейшество подарил вам и назначил для вашего пребывания.

– Во дворец Колонна? Разве в Ватикане не нашлось места для простого солдата? – воскликнул Цезарь с мрачным взором.

– Ваша светлость, светлейшая супруга ваша живет во дворце Колонна, и только там свита вашей светлости может быть размещена соответствующим образом, – ответил Бурхард, трясаясь всем телом от грозного взгляда. – Святой дворец наполнен высокими паломниками и завтра туда еще ожидают вашу благородную сестру, донну Лукрецию.

– Донна Лукреция в Ватикане! – воскликнул Цезарь. – Какой скандал! Скажи, пожалуйста, Бурхардо, случилось ли тебе во всей твоей практике, в твоих изысканиях папских хроник, натолкнуться на такой случай, чтобы на глазах всего мира женщина жила во дворце святого Петра?

– Разве вы никогда не слышали о папине Иоанне? – прошептал Макиавелли, но Бурхардostroил глупое и испуганное лицо и ничего не ответил.

– Но так как святейший отец не может ошибаться, то мы должны подчиниться его воле, отложив дальнейшие изыскания, – с горькой иронией проговорил герцог. – Спешите, почтенный Бурхардо, и возвестите этим зевакам мое прибытие. А ты, дон Мигуэль, – обратился он к своему полковнику, когда папский церемониймейстер удалился, – поезжай назад и скажи Орсини и его спутникам, чтобы они ехали сюда и, как братья, приняли участие в моем триумфе. Да не забудь подробно рассказать новость, что в доме первосвященника будет жить женщина. Итак, святой отец желает, чтобы между нами протекал Тибр? – обратился он к Датарию, когда усакал его услужливый наперсник.

– Да, и ваша милость не может переправиться через него без особого разрешения, – с коротким смехом ответил епископ. – Старый Пикколомини, которого святой совет назначил губернатором города, когда Орсини при известии о несчастье с синьором Паоло взяли за оружие, назначил в замок Святого Ангела нового полковника.

– Для чего же тогда его святейшество сделал меня пожизненным главнокомандующим? – скрежеща зубами, промолвил Цезарь.

– Сейчас, благородный господин, необходимо, чтобы вы посетили нас, – продолжал епископ. – Его святейшество окружают люди, которые стараются посеять между вами раздор и все, что бы вы ни сделали, представляют в неблагоприятном свете. Удивительно, как он теперь хлопочет о брачном союзе донны Лукреции с Паоло Орсини, с тех пор как расстроились переговоры об этом же с Феррарой.

– Моя сестра – вдова уже целый год! У его святейшества прекрасные основания! – ответил Цезарь. – Но уж я разделаюсь с этими советниками! Вы не слыхали в Риме о веселой комедии, которую я сыграл с синьором Ремиро в Ронсильоне?

Епископ с улыбкой вскинул на герцога острый взор и отрицательно покачал головой. Но, когда Цезарь, с поистине дьявольской веселостью, рассказал ему ужасную историю, у министра финансов пропала с лица краска, словно он был близок испытать такую же судьбу, какая выпала на долю Ремиро.

– Ну, вы не смеетесь, синьор? – спросил Цезарь бледного министра. – А все же нет ничего приятнее поймать негодяя в его собственной ловушке.

– Охотно верю, ваша светлость, это в высшей степени приятно. Но я не знаю, что подумает его святейшество, – заметил Датарий.

– Таким вот образом из двойственного политика легко можно сделать двоих, – с ироническим хохотом сказал герцог. – Но я представляю такие доказательства его виновности, которые будут достаточны для духовного суда неверующих иудеев! Но что вы говорили! Орсини обнажили свои мечи?

– Весь Рим волновался. Даже Колонна осмелились показаться на свет Божий. Конти, Ченчи, Сальвати забаррикадировали свои улицы. От ужаса мы все потеряли голову, только его святейшество оставался спокойным. С балкона Ватикана он уговорил смущенных паломников и уверил их, что никто из них не был схвачен.

– Старые развалины почти заполнились массой народа, – сказал Цезарь, с удовлетворением осматривая толпы народа, покрывавшие дорогу от реки до городских стен.

– К сожалению, они невероятно скупы и не хотят ничего пожертвовать в возврат расщепительной благотворительности святого отца, – уныло возразил хищный министр.

– Вот как? – механически произнес Цезарь, очевидно, занятый своими мыслями.

Датарий оправился теперь от испуга и начал хохотать, будто вспомнил что-то очень смешное.

– Вот вы удивитесь, благородный господин, когда увидите лиссабонского кардинала. Он, из всей святой коллегии больше всех любивший пышность, ходит теперь без свиты и почти в лохмотьях. Послушайте, как это случилось. Он думал, что уже близок к смерти, и, чтобы не оставить своих богатств церкви, роздал все своим родным и слугам. Но небо услышало их лицемерные молитвы и в наказание за его обман послало ему исцеление. Между тем неблагодарные негодяи из всех его сокровищ не захотели подать ему даже милостыню, и теперь он – нищий. Это – яркий пример для тех, кто думает обмануть святую сокровищницу!

Перед взорами возвращающегося полководца развевалось великолепное зрелище. Река была покрыта раззолоченными гондолами, которые своими разукрашенными носами, пестрыми знаменами и расписными киями тешили взор на золотистых волнах. Над мостом возвышалась триумфальная арка, сооруженная из лавровых ветвей, копий и труб. Здесь собрались знатные особы, назначенные для встречи герцога, кардиналы в красных мантиях, верхом на мулах, римские дворяне, из менее знатных фамилий, в блестящем вооружении и ярких плащах, прелаты в священническом облачении, многочисленные слуги, пажи и лакеи в великолепных ливреях. Все это было окружено рядами испанской папской гвардии. По ту сторону моста вся дорога была усеяна движущимися во все стороны толпами народа. То были дворяне со своими вооруженными приближенными, послы чужестранных государств, с национальными знаменами, в сопровождении герольдов и блестящей свиты, городские цехи со значками, префект города Рима с белым знаменем, а со всех сторон на стенах, на выступах холмов, находилось бесчисленное множество простых зрителей.

Герцог едва успел бросить беглый взор на эти приготовления, как к нему подъехали Паоло Орсини с сиром Реджинальдом и дон Мигуэль.

– Вителлоццо просит извинить, герцог, – нерешительно сказал Паоло. – Он не решается кому бы то ни было передать командование своими варварами.

– О, он все еще не доверяет нам? – печально спросил Цезарь. – Неужели нет средств, которыми можно было бы убедить его в нашей искренности? Мы будем тогда просить его ехать в город впереди нас и поселиться вблизи дворца Колонна, так как не желаем никакой другой охраны, кроме его храбрых варваров. Идите, дорогой Паоло, и скажите ему это!

– Так, значит, дворец Колонна конфискован? – смущенно спросил Паоло, хотя это известие говорило о полном разорении фамилии, с которой его род так долго вел упорную войну.

– Полагаешь ли ты, брат, что было бы умно оставить гнездо, когда истреблены осы? – возразил Цезарь. – А где благородный иоаннит? Ему следовало бы разделить с нами эту пышную встречу.

– Он остался далеко в арьергарде, чтобы на свободе отдаться своим мрачным мыслям, – угрюмо ответил Паоло, и после краткого раздумья поспешно отправился к Вителли.

– Могу ли я просить вас, благородный английский рыцарь, возвестить о нашем прибытии нашим друзьям на мосту? – с такой утонченной вежливостью промолвил Цезарь, что сир Реджинальд не мог отказаться и, хотя и с неудовольствием, исполнил обязанности герольда, поскакал к мосту. – О, мой Никколо, не беспокойся, когда-нибудь я отомщу за твоих республиканцев! – прошептал Цезарь, и в его глазах засветилось так долго подавляемое бешенство.

– Может быть, ваша светлость прикажет разбить палатку, чтобы ради этих торжеств одеть какой-нибудь блестящий костюм? – спросил Мигуэлото.

– Не знаю, какой из моих нарядов мог бы выделиться среди этого пурпура и блеска, – сказал герцог. – Чтобы здесь быть замеченным, надо одеться попроще. Я одену свое самое плохое платье – черный шелковый камзол, тот самый камзол, который был на мне на похоронах герцога Гандийского. Это – траур по брату, который заткнет болтунам их лживые рты, и все в моей свите пусть будут одеты в траурные костюмы.

Палатка была наскоро разбита в стороне от дороги. Тем временем тяжелой рысью проехали всадники Вителлоццо. Пришел ли Вителлоццо, несмотря на свое недоверие к Цезарю, к убеждению, что ему неловко отклонить его просьбу, или, может быть, именно поэтому рассеялись его опасения, но он согласился и несколькими минутами раньше Цезаря проехал через Понте Молле.

В своем черном шелковом камзоле, украшенном лишь тяжелой золотой цепью, герцог выделялся более, чем это удалось бы ему в его самом блестящем наряде. Берега Тибра, бывшие так часто свидетелями возвращавшихся победителей, снова огласились приветственными криками. Пьетро Медичи с опущенным забралом проехал вместе с Вителлоццо в город, и по сторонам Цезаря ехали только Орсини и Макиавелли. Мигуэлото с тайным поручением был отправлен в арьергард.

Лишь только герцог стал приближаться, церемониймейстер, ожидавший подходящего момента, поклонился особам, которые должны были первыми встретить Цезаря Борджиа, и в ту же минуту три кардинала выехали на своих мулах вперед. Первый был человек почтенный и его спокойное, сосредоточенное лицо привлекало к себе благочестием. Двое других были еще молоды, но оба прекрасно сложены, один выделялся серьезным и гордым достоинством, другой – бурной живостью, более подходящей рыцарю, чем священнику. Первый был кардинал Медичи, впоследствии папа Лев X, другой – кардинал Адриан Корнето.

Приветственные крики раздались снова и смолкли, когда кардинал и герцог встретились и почтенный прелат преподал ему благословение церкви, а затем в латинской речи стал прославлять его геройские подвиги. Цезарь Борджиа слушал с обнаженной головой, смиренно склоняясь над лошадью, благодаря чему торжественная речь несколько раз прерывалась ее громким ржанием, что вызывало сердитые взгляды церемониймейстера.

Не успел старый кардинал окончить свою речь, как к поезду, несмотря на предупреждения Бурхарда, приблизился почтенный дворянин в сопровождении одного кардинала, одного прелата, нескольких кавалеров и двадцати лакеев в красных и белых ливреях с гербами Орсини. Все были пеши. Последние слова приветствия были прерваны объятиями Паоло Орсини и его родными. Почтенный дворянин был его отец, герцог Гравина. Понятие о могуществе этого дома можно было составить, если представить, что среди тех Орсини, которые теснились, чтобы приветствовать наследника их главы, находились семь баронов, один кардинал, один архиепископ и множество подчиненных дворян, которые, тем не менее, все обладали вблизи Рима или замками, или укрепленными крепостями. Сморщенные щеки

старого Гравина были орошены слезами, несмотря на все его усилия скрыть их. Глубокие рыдания потрясали его старческую грудь, когда он прижимал к сердцу сына. Даже Цезарь, казалось, был тронут, он отвернулся в сторону, как бы желая скрыть свои чувства, но те, кто внимательно наблюдали за ним, видели в его чертах скорее иронию, чем нежность.

Бурхард предложил посланникам принести свои приветствия, и дипломатический корпус немедленно пришел в движение, причем каждый стремился выехать вперед, церемониймейстер же громким криком пытался привести в порядок расстроенные ряды. Английский посланник, человек серьезный и представительный, в сопровождении свиты молодых кавалеров, выехал вперед с такой стремительностью, что очутился в одно время с послом императора, который по положению имел преимущественное право на первое место.

Произошло всеобщее замешательство, и прочие посланники приблизились к герцогу со своими приветствиями в таком беспорядке и с такой торопливостью, что Цезарь смеясь воскликнул:

– Эй, господа, вы сломаете друг другу шпоры!

– Никто не посмеет коснуться моих, прежде чем он разmozжит мне голову! – с бешеным сказал испанский посол.

– Испанцы привыкли хвастаться! – возразил французский посол, блестящий рыцарь, гордо сидевший на коне, и бросил презрительный взор на испанца.

– Ах, мой благородный д'Обиньи! – поспешно воскликнул Цезарь, протягивая руку послу могущественной державы, которую он так недавно оскорбил. – Никогда вид твоего победоносного шлема не доставлял мне большей радости, я вижу, что на нашем мирном торжестве ты находишься в полном вооружении.

– И я не сниму его до тех пор, пока не получу приказов от своего короля из Милана, – гордо ответил француз, и Цезарь отвернулся от него, чтобы приветствовать испанца.

Пока посланники поздравляли герцога, Орсини искал в толпе своих спасителей, чтобы представить их отцу. Но Реджинальд, оскорбленный Цезарем, переехал мост, а иоаннит уже давно не показывался. Бурчардо, предоставив сперва посланникам время для их приветствий, нашел нужным закончить их и, вмешавшись в толпу, заявил герцогу, что его царственная супруга уже давно ждет его на другом конце моста.

Супруга Цезаря ожидала его, сидя на иноходце, покрытом белым шелком. Два конюха в расшитых золотом ливреях держали его под уздцы. Над ней был раскинут пурпурный балдахин с французскими лилиями и королевской короной, который поддерживали четыре рыцаря. Это была молодая живая француженка, кокетливая и вертлявая, но при виде своего страшного супруга она притихла и побледнела. Ее окружал сонм прекрасных женщин, из которых состояла ее свита, и гордые жены римских патрициев.

– Смотрите-ка, сосед, как он целует у нее руку, глаза-то рыскают среди ее придворных дам! – сказал в толпе рыцарь уродливому карлику, который стоял рядом и с улыбкой злобной радости хихикал и почесывал себе голову.

– Так как же иначе-то, сосед! – ответил карлик. – Ведь для него они все – более старые знакомые, чем эта северная девушка. Разве вам не известно, что Цезарь, чтобы избежать скандала, весь свой гарем назначил в свиту своей жены?

В это мгновение шум, поднявшийся в толпе, привлек всеобщее внимание. При переезде через мост посланники затолкали друг друга и, переехав на другую сторону, почти окончательно перессорились. Каждый упрямо отказывался уступить другому. Только с послом императора не вступали в спор из-за первенства, но зато послы Франции, Испании, Англии, Неаполя и Наварры с жаром оспаривали друг у друга первое место. Напрасно Бурхард приводил тысячи доказательств, по которым ясно было, кому какое место принадлежит в процессии. Его голос заглушался общим шумом. Уже обнажились и сверкнули в воздухе мечи. Еще немного – и началась бы жестокая схватка.

Тогда дряхлый кардинал Сиенский направил своего мула между спорившими и готовившимися вступить в схватку посланниками и воскликнул:

– Разве вы не знаете, безумцы, что отлучение от Церкви и вечное проклятие ждут всякого, кто в эти святые дни христианской любви и всепрощения обнажит меч или кинжал или паразит кого-нибудь в слепой вражде копьем?

Эти слова произвели мгновенное действие: поднятые копья опустились, мечи были вложены в ножны и хотя и неохотно, но, все еще бросая свирепые взоры, рыцари заняли назначенные им места.

Тогда английский посланник заметил принимавшего участие в общей свалке Реджинальда и радостно приветствовал земляка, пригласив его к себе во дворец. Но в то же мгновение появился Паоло Орсини. Он издали услышал голос своего друга и так энергично стал упрашивать его поехать к нему, что Лебофор отклонил приглашение посланника и принял приглашение Орсини, в особенности когда узнал, что Паоло нашел Бембо и поручил ему пригласить иоаннита.

Поезд герцога наконец тронулся и, несмотря на спускавшиеся сумерки, представлял блестящее зрелище. В тот момент, когда процессия подошла к городским стенам, на всех римских церквях зазвенели колокола, и звон не прекращался, пока процессия двигалась по городу. В то же время на всех семи холмах засияли бенгальские огни и над темными кипарисами, дворцами и руинами загорелись огненные пирамиды. По обеим сторонам Корсо дворцы были украшены драгоценными коврами и знаменами, через улицу были перекинуты триумфальные арки с символическими приветствиями.

С Корсо процессия, чтобы попасть к замку Святого Ангела, повернула на площадь Навона. В этом квартале помещалась главная резиденция Орсини – громадный четырехугольник, окруженный дворцами самых значительных вассалов этого знаменитого рода, все же улицы были заселены или их ленниками, или их клиентами. Здесь же находились их крепость Монте Джордано и дворец Массими, их верных союзников и родственников. Квартал тянулся до поворота реки против островов, где на развалинах театра Марцелли возвышалась их сильная крепость, которую они скромно называли палаццо Орсини. Все это было укрепленным лагерем, узкие и мрачные улицы которого были заграждены цепями, а на каждом повороте грозили открытые жерла пушек.

Процессия выехала на площадь. Кругом было тихо, темно и жутко. Вдруг заревели трубы. Точно по волшебству на середине площади до самых крыш взвились ракеты и с мостовой, словно из-под земли, выскочили вооруженные люди с гербами Орсини. Цезарь невольно вздрогнул в седле и схватился за кинжал, но в следующее же мгновение он убедился, что здесь не было никакой измены, и сам присоединился к раздавшимся крикам: «Орсо! Борджиа! Орсо!»

Но, несмотря на такой торжественный прием, Цезарь почувствовал облегчение, когда они миновали квартал Орсини и приближались к мосту Святого Ангела. Однако при виде реки он внезапно побледнел и его глаза сверкнули недобрый огонек. Одни в этой перемене видели действие воспоминания об ужасном преступлении, ибо как раз перед ними возвышалась гробница одного из бывших властителей мира, куда положили труп его брата, герцога Гандийского после извлечения его из Тибра. Другие же, настроенные более дружески, считали это выражением волнения и печали, какими наполнилась его душа при сравнении своего славного триумфа с ужасной судьбой брата.

Но все эти предположения вскоре были вытеснены событиями более важными. Посреди обширной площади, перед мостом, полки Вителлоццо остановились словно в боевом порядке. И Цезарь был чрезвычайно удивлен и раздосадован этой внезапной задержкой. Однако к нему сейчас же подъехал Вителлоццо и с торжествующим лицом, но голосом, полным сожаления, сообщил Цезарю, что его немцы отказываются склонить свои знамена

перед знаменами церкви, потому что швейцарцы и гасконцы, занимавшие крепость, вывели свои знамена на нижних валах и поэтому такая честь могла быть принята как привет этим наемникам, что не хотели допустить их немецкие соперники. Гасконцы же грозили, что будут стрелять, если немцы проедут, не отдав чести.

Лицо Вителлоццо светилось такой злобной радостью, словно он задал генералу церкви неразрешимую задачу, и от острого взгляда Цезаря не укрылось это выражение.

Он на мгновение задумался, но нашел удачный выход.

– Комендант замка Святого Ангела должен явиться ко мне с рапортом. Мне сдается, что я – все еще главнокомандующий! Где дон Мигуэлото? – спросил он озираясь.

Каталонец ехал во главе старой гвардии Цезаря и, по знаку последнего, моментально очутился около него.

Одновременно с ним приблизился комендант замка Святого Ангела с громадной связкой ключей, которую он, вероятно, предполагал из вежливости поднести главнокомандующему.

– Как? Или мы ошибаемся? – покраснев, воскликнул Цезарь, когда перед ним появился толстый швейцарец. – Перлингер?.. Тот самый, которому я раз и навсегда запретил даже смотреть на римскую землю! Убийца, что ты тут делаешь? – И внезапно нагнувшись, он вырвал у изумленного швейцарца ключи и передал их каталонцу. – Возьми своих людей, – обратился он к Мигуэлото, – и скажи швейцарцам и гасконцам, чтобы они со своими знаменами немедленно присоединились ко мне по ту сторону моста, чтобы сопровождать меня в Ватикан! До тех же пор вы, немцы, никого не пропускайте на ту сторону и, если на вас все-таки нападут, выручайте себя, как знаете. А ты, Мигуэлото, отныне комендант замка Святого Ангела.

Сверкающий взор Цезаря упал на смущенное лицо Вителлоццо. На последнем было написано теперь такое жалкое выражение, что Цезарь разразился громким хохотом, к которому присоединились и все зрители. На устах Макиавелли блуждала насмешливая и одновременно печальная улыбка.

Вителлоццо несколько мгновений был в нерешительности. Он взглянул на Орсини, но те тоже смеялись. Тогда он перевел взгляд на своих солдат. Они, усталые, сидели на измученных лошадях, и он тоже расхохотался.

Вдруг раздался привлекший общее внимание страшный взрыв, словно извержение вулкана, и из вершины замка Святого Ангела показалось целое море огня.

Глава XV

Первой мыслью было, что швейцарцы и гасконцы пришли в бешенство из-за приказа, тотчас переданного им Мигуэлото, и взорвали крепость. Но ужас превратился в изумление, когда растекавшееся во все стороны пламя вдруг собралось в одном месте и образовало огненную пирамиду, основание которой было так же широко, как и вершина башни. Затем пирамида, казалось, поднялась на воздух, и из ее основания вылетел огненный лавровый венок. Вслед за этим над зубцами внезапно взвилось черное облако, послышались удары грома и кругом засверкали молнии. Постепенно облако посередине становилось все тоньше и светлее, пока, наконец, сквозь него, словно сквозь кисею, не показалась фигура женщины. Ее лица не было видно, но, судя по очертаниям, она была красавица. Ее длинные черные волосы развевались по ветру и были украшены серебряной короной. На ней было черное одеяние, вокруг которого обвилась серебряная змея. По-видимому, она занималась колдовством, так как над головой держала золотую ветку яблони с золотым же плодом.

– Спаси нас, Пресвятая Дева! Что это значит? – часто крестясь, сказал Вителлоццо испуганному Перлингеру.

– Несомненно, дело рук волшебницы замка Святого Ангела! – ответил ошеломленный комендант.

– Какой волшебницы, дурак! – свирепо крикнул Цезарь.

– Монахини, заточенной здесь, которая была выкрадена из монастыря языческим султаном, синьор, – заикаясь ответил швейцарец.

– Корона и лавровый венок! Это – Фиамма! – воскликнул Цезарь.

В толпе раздались бурные выражения восторга, и Цезарь, взволнованный роскошным видением, с величием императора, принимающего корону, поклонился народу. Но в эту минуту его лицо смертельно побледнело, он заскрежетал зубами и дико уставился глазами в одну точку.

В это время, к счастью, распахнулись широкие ворота замка, и во главе гасконцев и швейцарцев появился Мигуэлото.

Близость опасности, казалось, снова привела в себя Цезаря. Он кивнул коменданту, только что смещенному им, и с хриплым смехом сказал:

– Пожалуй, вы были правы, полковник. Легко могло случиться несчастье, если бы вся эта масса всадников направилась через мост. Поэтому можете отправиться к ним и оставайтесь там, пока не получите дальнейших приказов от своего генерала, достопочтенного кардинала Сиенского. Мы не возьмем с собой нашей царственной супруги, чтобы весь христианский мир видел, что мы не введем женщины в апостолический дворец.

Швейцарец изумленно вытаращил на Цезаря глаза и поспешно направился к солдатам, остановившимся на мосту по его команде, но гасконцы теснились вперед и криками радости приветствовали герцога.

– По крайней мере, мои храбрые наездники из Перигора не позабыли меня! – воскликнул Цезарь и вмешался в ряды солдат, большинство которых он называл по имени.

В это время Паоло Орсини уговаривал Вителлоццо отказаться от нападения на швейцарцев, которое взволновало бы весь город и успех которого был еще весьма сомнителен. Вителлоццо мрачно согласился спокойно дожидаться возвращения Паоло, если тот будет так счастлив, что ему удастся вернуться. Таким образом враждебные отряды были разделены рекой Тибром.

– Ну что вы видите теперь, едкий сатирик? – спросил иоаннит уродливого карлика, снова очутившегося рядом с ним в толпе.

– Разве вы не видите по его веселому лицу, что он говорит своей жене: «Бог с тобой до следующего свидания»? – ответил урод. – В один прекрасный день он скажет это ей, в противном случае лекарства нашей древней праматери Гекаты потеряли свою силу.

– А почему она не сопровождает его в Ватикан?

– Разве вам не известно, что доступ туда строго запрещен всем женщинам, если только верить древним рукописям, которые попы называют буллами?

– А я не говорил тебе, что донна Лукреция будет жить во дворце и, несомненно, с целым штатом дам? – резко спросил рыцарь.

– «Следовательно, тебя, Лукреция, постоянно будет желать Шестой», – ответил карлик, хихикая и потирая руки.

Процессия снова двинулась. Иоаннит прищипорил своего коня, чтобы догнать торжественный поезд, и с трудом протиснулся сквозь густую толпу, стремившуюся к площади Святого Петра.

Замок Святого Ангела погрузился в темноту, зато стали вырисовываться светящиеся очертания Ватикана.

Иоанниту было интересно взглянуть на встречу отца с сыном папы Александра с Цезарем, – но он старался держаться как можно дальше за прелатами и дворянами и, как принадлежавший к процессии, был впущен со всеми в Ватикан. Пышное шествие в стройном порядке направилось в зал Реджиа, и вошло туда в тот момент, когда папа спускался по широкой лестнице. За папой следовал бесконечный хвост, образованный из светских и духовных паломников, в золоченых мундирах, стоявших на высших ступенях иерархической лестницы, прелатов из отдаленных мест, князей, гроссмейстеров значительнейших европейских рыцарских орденов, монахов, пашей и личной стражи.

Папа обладал величием Юпитера. Его высокий рост, благородные черты лица, деспотический взгляд огненных глаз, – все характеризовало в нем благородное происхождение. При более внимательном взгляде можно было заметить, что годы уже сделали свое дело, следы горячих страстей наложили на него свой отпечаток, горе, заботы и печаль избороздили его лицо морщинами. Семьдесят лет жизни оставили свой след, но если припомнить бурную жизнь Александра, все перенесенные им испытания, горе и радости, триумфы и поражения, то можно было удивляться силе его души, с таким достоинством несшей тяготы жизни.

Процессия Цезаря моментально остановилась, и Цезарь, под руку с Паоло Орсини, выступил вперед. Он был бледен, но его глаза горели и его беспокойство передавалось Орсини, и оба представляли собой резкую противоположность серьезной, неподвижной величавости папы. В выражении лица Александра заключалось удивительное смещение разнообразных чувств. Здесь были горе и гордость, подозрительность и нежность, отцовская любовь и опасения монарха, принимающего приветствия страшного подданного, готового бороться с ним за власть.

Три золотых подушки, положенных Бурчардо на полу на определенном расстоянии перед лестницей, указывали места, где герцог должен был преклонить колени. Он быстро проделал эту церемонию, когда же он поднялся с последней подушки, церемониймейстер поднял свой жезл, и в зале воцарилась тишина.

– Я явился сюда, святейший отец, – начал Цезарь, – чтобы с благоговейной нежностью облобызать ваши ноги и выразить вам свою горячую благодарность за все почести, за все благодеяния, какими я был осчастливлен во время долгой разлуки. За эти дорогие знаки благоволения я считаю себя особенно взысканным сыном нашей святой матери-церкви и надеюсь выразить свою вечную благодарность посвящением своей жизни службе апостольскому престолу и святой коллегии.

Последовала небольшая пауза, а затем папа ответил:

– Доныне мы были вполне довольны вашими действиями и принимаем ваши слова, как залог вашей верности и постоянной преданности, которые мы неизменно будем награждать еще большими почестями. Для своего величия святейший престол не нуждается ни в землях, ни в богатствах, но, чтобы сохранить за ним признание его господства и уважения к нему, мы намерены предоставить вам силу и могущество на страх тем, кто делается тем более дерзким, чем больше милостей оказывается им!

Последние слова заделали многих из присутствующих, и Цезарь бросил многозначительный взгляд на Орсини. Затем он направился поцеловать крест на туфле его святейшества. Но он получил, кроме того, еще поцелуй в щеку – честь, оказываемую почти исключительно владетельным князьям и членам святой коллегии.

После этого Цезарь знаком пригласил Орсини.

– Среди этого собрания, святой отец, нет никого, кого мог бы задеть ваш упрек, – промолвил он. – Синьор Паоло был на пути принести к вашему престолу покорность и преданность самых могущественных мятежников, когда с ним случилось несчастье.

Молодой дворянин подошел ближе и преклонил колени у ног Александра.

Последний, к величайшему конфузу церемониймейстера, немедленно поднял Паоло, целуя его в обе щеки, и воскликнул с горячностью, которая едва ли могла быть неискренняя:

– Приветствую тебя, трижды приветствую тебя, вернувшегося, как пророк Иона из пасти китовой, возлюбленный сын мой! Разве тебе не известно, что мы намеревались обнажить меч святого Петра и лично прийти к тебе на помощь? Не впервые мне было бы опоясать себя оружием. Неверные гренадские мавры – мои свидетели!

Орсини на эту милостивую речь ответил с подобающим смирением и благодарностью и, испросив затем позволение представить его святейшеству одного из своих спасателей, знаком пригласил Реджинальда. Юный рыцарь с безмолвным благоговением последовал этому приглашению.

– Мы слышали, что то был рыцарь Святого Гроба Господня, а это не он, – милостиво сказал папа. – Подойди ближе, юноша, и прими благословение Неба за христианское деяние!

– Святейший отец, я недостойн его! – смиренно преклонив колени, ответил Реджинальд.

– Тем достойнее, если ты так думаешь. Или ты только так говоришь? Но в твоём выговоре есть что-то заморское! Он, может быть, – твой земляк, Бурчардо?

– Я не знаю, считать ли его саксонцем или французом. Мне кажется, святой отец, он – ни рыба ни мясо, – ответил церемониймейстер.

– Более рыба, так как я – англичанин, – сказал Реджинальд, причем его бойкость снова вернулась к нему.

– Ха, а что поделявает ваш король? – воскликнул папа. – Может быть, на этот святой праздник ты явился от него с каким-нибудь поручением? Поистине, я боюсь, что неизмеримые сокровища, собранные им, словно свинцовая гора, лягут на его мятежную душу.

– Рыцарь приехал из Феррары, святой отец, где он долго пробыл, – заметил с ударением герцог.

– Из Феррары? Как поживает добрый герцог? – спросил папа, внезапно переменяя тон. – Мне кажется, что раз он исторг у святого престола все свои города и земли, он мог бы почтить нас особым посольством.

– Да вот здесь имеется мессир Пьеро Бембо, – внезапно оборачиваясь, сказал Цезарь, и указал на священника, который полагал, что в толпе его не заметят. – Может быть, он уполномочен на такое поручение.

– Святейший отец, – испуганно произнес Бембо, – покорность моего повелителя вашему святейшеству так совершенна, что лишнее подтверждение ее могло бы возбудить

такое же подозрение, как если бы какой-нибудь ювелир, продавая бриллиант, стал уверять, что в нем нет ни единого пузырька.

– Мессир Бембо, вы – поэт и итальянец, я же – человек простой и прирожденный арагонец, – резко произнес Александр, глубоко презиравший итальянцев. – Но мы слышали, что вас сопровождал синьор Вителлоццо ди Кастелло. Где же он?

– Он явился с тысячью ландскнехтов, чтобы получить от вас отпущение в своих грехах, – заметил с особенным ударением Цезарь. – И они принудили меня занять замок Святого Ангела моей гвардией и вывести оттуда швейцарцев и гасконцев.

– Что вы говорите? – воскликнул Александр, по-видимому, неприятно пораженный этим известием.

– Немцы – гордые люди. Вителлоццо не мог заставить их склонить свои знамена перед знаменами швейцарцев, а эти грозили нам, что будут стрелять в нас, – поспешно заявил Орсини.

– Как, и мои швейцарцы поднимают мятеж? Где Перлингер? – спросил Александр, и его мрачный взор предвещал бурю.

– Я сместил этого раба, – быстро ответил герцог, – он принадлежал к числу грабителей... в войске кривоногого короля Карла, хотел я сказать.

– Так, значит, вы не слышали, что я дал ему и его товарищам полнейшее прощение? – сказал папа.

– Может быть, к лучшему, что так случилось. В эти дни замок Святого Ангела должен быть в верных руках! – со значительным взглядом проговорил герцог. – И если припомнить странные слова, брошенные им в лагере у Фазнцы, то, кажется, будет лучше, если он останется по ту сторону реки.

– Да ведь не сам Вителлоццо произнес эти грозные слова, а его горячность, святой отец, и крепкое вино, полный шлем которого он только что осушил тогда, – быстро вмешался герцог Гравина.

– Господа Орсини действительно – достоверные свидетели, они все были при этом. Вителлоццо выразил надежду низвергнуть ваше святейшество с престола святого Петра! – примирительным тоном произнес Цезарь.

– Ну, оставим это! – сказал папа. – А теперь, сын мой, поспеши вознести мольбы у престола святого Петра!

– Прежде, я думаю, необходимо, чтобы Орсини заставили своих друзей отойти от замка Святого Ангела, а я позабочусь о размещении своих войск. В противном случае может произойти несчастье, – сказал герцог.

– У вас много войска, Цезарь? – с видимым беспокойством спросил папа. – Мы просили вас не слишком переполнять город в эти дни, мы и без того вынуждены открыть свои старые запасные магазины, чтобы верующим в стране обетованной не было недостатка в пище и питье.

– Это главным образом вельможи из Кампаньи со своими свитами и отряд честных каталонцев, – равнодушно промолвил Цезарь.

– Послушайте, герцог, – после небольшого размышления начал папа, – мы не желаем, чтобы войска были размещены по эту сторону Тибра, и во избежание столкновений отзовем швейцарцев в Ватикан. Об остальном же кардинал Сиенский сговорится с вами.

Герцог поклонился с насмешливой улыбкой.

– Меня радует, – сказал он, принимая огорченное выражение, – что ваше святейшество дает мне в сотрудники человека, честность и прямота которого могут противостоять всем благам, какими дьявол искушал нашего Господа. Действительно, больно карать изменников. У меня до сих пор сердце кровью обливается при мысли о черной неблагодарности и измене,

которые я должен был наказать в доне Ремиро, подесте, которого ваше святейшество, святая коллегия и я сам облекли высоким доверием!

– Что с ним случилось? – побледнев, воскликнул папа.

– Он осужден и четвертован, вернее, перепилен пополам, – спокойно ответил Цезарь. – Подробности же его измены я должен отложить до тайной аудиенции у вашего святейшества.

Папа был очевидно ошеломлен известием, но не выдавал волновавших его чувств.

– Такой случай не терпит отлагательства, и мы немедленно желаем выслушать ваши основания. А вы, синьор Паоло, можете тем временем возвратиться к себе и позаботиться о предотвращении всякого возмущения, приказав швейцарцам явиться сюда и заставить Вителли вернуться со своими немцами в свой лагерь.

Затем он простер руки, громко произнес благословение и, сопровождаемый герцогом и свитой, поднялся наверх.

Блестящее собрание быстро разошлось. Иоаннит подождал, пока не удалился Орсини, и поспешил, как он думал, незамеченным покинуть дворец. Но на ступенях портика он внезапно почувствовал, как кто-то осторожно дотронулся до его руки. Это был Бембо, который, тяжело дыша, пошел рядом с ним.

– О, мой высокий господин, – промолвил он, – Орсини повсюду ищут вас и желают вашего присутствия в их дворце. Мне поручено привести вас.

– Но в мои намерения вовсе не входит поселиться у Орсини, мессир Пьеро, – ответил принц. – Ты знаешь, у меня есть дело в этом городе – мой обет, привести который в исполнение во дворце жениха Лукреции Борджиа не совсем удобно. Скажи им, что я обязан выполнить священный долг своего ордена, он и в действительности священный. Моему же брату

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.